

**АЛЕКСЕЙ АРДАШЕВ
СЕМЕН ФЕДОСЕЕВ**

СНАЙПЕРЫ

САМАЯ ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Лучшие воины в истории

Семен Федосеев

**Снайперы. Самая
полная энциклопедия**

«Яуза»

2021

УДК 356.163
ББК 68.512

Федосеев С. Л.

Снайперы. Самая полная энциклопедия / С. Л. Федосеев —
«Яуза», 2021 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-118478-0

САМАЯ ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СНАЙПЕРСКОГО ИСКУССТВА. Не ремесла, а именно искусства! – ведь точность выстрела зависит от десятков факторов: времени суток и температуры воздуха, скорости и направления ветра, расстояния до цели, как падает свет, куда перемещаются тени...

Искусство боевого снайпера окружено целым ворохом мифов и легенд и часто граничит с мистикой. Эффект его работы ужасен, а способность возникать в самом неожиданном месте и бесследно исчезать после выстрела кажется сверхъестественной. Но легенды о возможностях снайперов основаны на реальных событиях. Игнорировать снайпера нельзя, ведь от него не спасают ни расстояние, ни бронезилет. Снайпер способен в корне изменить обстановку на поле боя и с ювелирной точностью обезвредить террориста. Сама угроза возможности присутствия снайперов давит на психику врага, заставляя его пригибать голову. Эта книга – глубокое исследование снайперской войны на протяжении двух столетий, с XIX века до сегодняшнего дня. Скрупулезный анализ развития снайперского дела в Первой и Второй мировых войнах, многочисленных локальных конфликтах, на поле боя и в тайных операциях спецслужб. Исчерпывающая информация о вооружении и обучении стрелков, их тактике и боевом применении, снайперских дуэлях и контрснайперской борьбе, о прошлом, настоящем и будущем самого жестокого из воинских искусств. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 356.163
ББК 68.512

ISBN 978-5-04-118478-0

© Федосеев С. Л., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Алексей Ардашев. Снайперская война	7
От автора	7
Пролог	9
Кто такой снайпер	9
Листовка-памятка снайперу	11
Эффективность снайперского огня	11
Наша служба и опасна, и трудна...	12
Типы снайперов	16
Снайпер-диверсант	16
Пехотный снайпер	16
Полицейский снайпер	17
Предыстория снайпинга	18
Исторический экскурс в древнюю историю «корпорации убийц»	18
Снайперы в исторической ретроспективе	18
Истоки снайпинга	19
Англо-бурская война	20
«Охотники Вельдта»: Война в Южной Африке	20
Бурские стрелки-добровольцы	22
США. Война за независимость и Гражданская война	23
Снайперы с Дикого Запада	23
Российская империя	25
«Браво, братцы егеря!»	26
«Волчья пасть, лисий хвост». Пластуны	29
Начало снайпинга	33
На заре XX века	34
Первая мировая война	35
Боевое крещение	35
Между великими войнами. Затишье перед бурей	42
Финская война	43
Развитие снайперского дела в СССР	45
Подготовка снайперов Красной Армии	47
Финский снайпер	50
Вторая мировая война	52
Снайперское движение в РККА	52
Сталинград: война снайперов	58
Стрелки НКВД	61
Итоги войны	62
Боевая практика и живой фронтовой опыт	63
СССР	64
Поединок (описание участника)	72
Тот же самый поединок в описании свидетелей	76
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Семен Федосеев, Алексей Ардашев

Снайперы. Самая полная энциклопедия

© Ардашев А.Н., 2021

© Федосеев С.Л., 2021

© ООО «Издательство Яуза», 2021

© ООО «Издательство Эксмо», 2021

Алексей Ардашев. Снайперская война

От автора

Снайпинг – это искусство охотника в сочетании с хитростью браконьера и мастерством меткого стрелка, вооруженного самым лучшим оружием, которое может дать наука.
Невил Армстронг

Снайпинг – это жестокое боевое искусство. Все загадочное порождает легенды. Искусство боевого снайпера окружено целым ворохом мифов и легенд и часто граничит с мистикой. Эффект его работы ужасен, а способность возникать в самом неожиданном месте и бесследно исчезать после выстрела кажется сверхъестественной. Но легенды о возможностях снайперов основаны на реальных событиях. Подготовленный снайпер действительно может делать то, чего не могут другие. На войне снайпер – длинный нож в сердце противника, слишком длинный и слишком жестокий, чтобы с ним не считаться. В мирной обстановке – скальпель в руках хирурга. Игнорировать снайпера нельзя. От него не спасают расстояние и бронежилет. Против снайперской пули бессильна охрана. Снайпер способен в корне изменить обстановку на поле боя, поставить нужную точку в политическом процессе и с ювелирной точностью обезвредить террориста. Сама угроза возможности присутствия снайперов давит на психику врага и заставляет его пригибать голову.

Настоящий снайпер невидим, беспощаден и неуловим. Угнетающе действует сам факт его недостижимости и безнаказанности. Он появляется из пустоты, выполняет приказ и уходит в пустоту; исчезает в одном месте, чтобы появиться в другом. Его промысел сродни свободной охоте. Это звучит жестоко, но снайпер – это охотник. Охотник за человеком – самым опасным из живых существ. Охотник должен быть невидим. И поэтому стиль жизни снайпера – гармония с окружающей средой, способность чувствовать и сливаться с ней. Главное качество снайпера – нечеловеческое терпение, ведь удача сопутствует тем, кто умеет ждать. Снайперское искусство – это дерзкое умение терпеливых, искусство ждать подходящего момента и мгновенно использовать его. Снайпер хитер и безжалостен, умеет выжидать и обладает почти животной способностью ориентироваться на поле боя. Он выслеживает цель, как охотник на промысле, и организует течение событий так, чтобы заставить эту цель появиться и подставиться под выстрел. Снайпер не имеет права на промах. Промах – это ошибка. Ошибка – следствие неподготовленности. Снайпер, как и сапер, ошибается один раз. И поэтому все, что делает снайпер, он должен делать безупречно и в совершенстве.

Снайпинг – это не только умение метко стрелять и владеть снайперским оружием, это еще и особая тактика. Это умение выбирать позицию, умение маскироваться, умение выжидать, выбирать цель, менять позицию. Это целый ряд хитростей. Снайперский промысел, овеянный таинственной романтикой, представляет очень опасную, напряженную и физически тяжелую боевую работу. Снайперам предоставлено право «охоты» в свободном поиске. Этот поиск на войне снайпер ведет ежедневно, невзирая на условия, при любых обстоятельствах. И ежедневно снайпер обязан давать результат. Знать и уметь для этого нужно очень много.

Искусство терпеливых всегда в цене.

Кто же он, этот человек по имени «снайпер»? Какими качествами должен обладать? Снайпер дословно с английского обозначает «меткий стрелок». Стало быть, главное его дело – метко стрелять. Но в этом-то и есть главная проблема. «Стрелять надо метко, – вспоминает слова деда прославленный советский снайпер Василий Зайцев, – каждому зверю в глаз». При

стрельбе снайпер должен учитывать многое: время суток, температуру воздуха, скорость и направление ветра, его перемещение, расстояние до цели, как падает свет, куда перемещаются тени... Только тогда его выстрел будет результативным.

Пролог

Стреляй редко, но метко.
А.В. Суворов

Во время Гражданской войны в Североамериканских Соединенных Штатах, более ста пятидесяти лет назад, выстрелы солдат полковника Бердана, произведенные из длинноствольных однозарядных винтовок с примитивными телескопическими прицелами, возвестили о возникновении «сверхметкой стрельбы» – снайпинга. Снайперское искусство прошло за эти годы несколько основных этапов в своем развитии. Сегодня во всех армиях мира снайпер является отдельной воинской специальностью. Специализированная система отбора и подготовки кадров, особое вооружение и экипировка требуют от государства немалого вложения средств. Однако при ведении боевых действий или специальных операций эти затраты очень быстро окупаются. Достаточно сравнить количество боеприпасов, израсходованных средним пехотинцем и снайпером.

Военные специалисты утверждают, что человека трудно убить на поле боя. Парадокс? Нет, реальность, основанная на опыте войн. Вот лишь один пример: если для поражения одного солдата противника обычно бойцом расходуется около 10 000 патронов (а в некоторых случаях и 25 000, и 500 000...), то снайперу достаточно одного выстрела (точнее, по статистике – 1,3-1,5 пули)... И ситуация не меняется, несмотря на бурно развивающееся в последние десятилетия высокоточное оружие.

Кто такой снайпер

Слово «снайпер» впервые появилось в английской армии во время Первой мировой войны и в переводе с английского означает «меткий стрелок по летящим уткам». Когда-то в Англии так называли удачливых охотников. Название происходит от английского названия птицы бекаса – «snipe». Она летает быстро и при этом мечется из стороны в сторону непредсказуемым образом, из-за чего ее трудно заметить и еще труднее подстрелить. Выстрел должен проводиться «навскидку». Попасть в бекаса на лету из кремневого ружья мог только опытный любитель охоты, искусный стрелок, владеющий оружием выше среднего уровня, да и то только в случае исключительно благоприятного стечения обстоятельств, и в XVIII веке термин «стрельба по бекасам» («snipe shooting») постепенно сократился до более короткого термина «снайпинг» («sniping»). Бекас во все века оставался заманчивой, но трудной в силу природной проворности добычей для охотников.

Уже к середине XVIII века в Британии широко использовали термины «снайперская (или, другими словами, бекасовская) стрельба» – так говорили про очень метких стрелков. Уже никто не скажет, когда впервые было произнесено слово «снайпер», но к концу XVIII века слово «снайпер» уже присутствовало в письмах английских офицеров, служивших в Индии. В конце XIX века так уже повсеместно величали метких стрелков из числа охотников. Некоторые из них взяли за обыкновение описывать свои вылазки на охоту фразой «ходил на бекасов».

Тем не менее среди военных солдаты, отличавшиеся особой меткостью стрельбы, назывались «sharpshooters» или «marksmen» (меткими или отличными стрелками), но никак не снайперами, и слово это пришло, скорее всего, из газетных публикаций первых месяцев Первой мировой войны. С того времени это слово начало употребляться в узком значении, обозначая солдата, вооруженного винтовкой, чаще всего (но не обязательно) оснащенной оптическим прицелом, и ведущего огонь по военным целям с замаскированной позиции.

Сегодня снайпер – специально обученный стрелок, в совершенстве владеющий искусством меткой стрельбы, маскировки и наблюдения: поражает цель, как правило, с первого выстрела. Задача снайпера – уничтожение важных появляющихся на короткое время, движущихся, открытых и замаскированных одиночных целей (вражеских снайперов, офицеров и др.). Снайпер вооружается снайперской винтовкой с оптическим прицелом и специальными устройствами, облегчающими прицеливание.

Снайпер – это не просто стрелок со снайперской винтовкой. Это сверхметкий стрелок на дальние дистанции. Эталон снайперской точности – попадание противнику между глаз на расстоянии 800 метров. Снайперский промысел как таковой в начале и середине XIX века не культивировался из-за отсутствия точного дальнобойного оружия. Бывали единичные случаи в Крымской кампании и Русско-турецкой войне, когда английские аристократы из дальнобойных нарезных штуцеров с диоптрическими прицелами, сделанных на заказ, охотились за русскими солдатами и офицерами.

Опыт англичан переняли голландские поселенцы республики Трансвааль в Англо-бурской войне. На вооружении буров в это время уже появились оптические прицелы (правда, громоздкие и несовершенные). Это был прорыв в военной технике. Любое изменение в боевой тактике – следствие прогресса в развитии оружия. Оптические прицелы, установленные на немецкие винтовки Маузера, использование бездымного пороха резко повысили стрелковую результативность буров. Эффект массового применения такого оружия был неожиданным и впечатляющим. По существу, это и были первые снайперские винтовки.

Как в свое время писал Клиффорд Шор: «Снайперское искусство – это хладнокровное лишение жизни другого человека и своего рода наука, которой нужно учиться и которую необходимо совершенствовать. Часто я слышал мнение, будто бы снайпер должен ненавидеть противника, но я убедился, что те, кто сильно ненавидел, не становились хорошими снайперами. Я предпочитал людей холодных и уравновешенных. Охотников, которые не чувствуют ненависти к своей жертве, но считают наиважнейшим для себя подобраться к ней и уничтожить...».

Интересно, что в наше время иногда снайпером называют метких стрелков и в других родах войск (например, в артиллерии или авиации), которые поражают цель с первого снаряда (мины, бомбы, ракеты).

К сожалению, данный термин в настоящее время приобрел настолько негативное значение, что в некоторых западноевропейских словарях приводится как один из синонимов слова «убийца». В последние годы в Соединенных Штатах произошло несколько трагических случаев, когда психически неуравновешенные люди открывали из винтовок беспорядочную стрельбу со сравнительно близкого расстояния, и в американских СМИ при описании этих происшествий широко употреблялось слово «sniping». Столь неверное употребление этого термина совершенно несправедливо по отношению к военным снайперам, профессионалам, сражающимся за свою родину. Извращение смысла этого слова настолько возмутило военнослужащих одного из центров подготовки снайперов в Виргинии, что они пригласили представителей прессы на показательные выступления, где им было предложено попробовать обнаружить снайпера, замаскировавшегося на поле. Сделать это им не удалось, что и неудивительно. Невидимый для журналистов стрелок по сигналу выстрелил по мишени, установленной на дистанции 220 ярдов, и попал прямо в лоб силуэта. До сведения изумленных представителей прессы было официально доведено, что «снайпинг» представляет собой именно то, что они только что увидели, после чего их попросили впредь употреблять в репортажах слово «riflemen» («стрелок»).

Настоящий снайпер должен владеть разносторонними навыками, требующими весьма напряженной подготовки. В среднем один из трех человек, желающих стать снайпером, отсеивается в ходе жесткого отбора. Для успешного прохождения курса обучения необходимо овладеть сложным набором связанных между собой навыков и умений, которые позволяют снайперу выживать в самых опасных боевых условиях, причем зачастую в одиночку: маскировка

на местности, скрытное передвижение, наблюдение за противником, топография, связь, сбор разведывательных данных, меткая стрельба. Кроме того, кандидат в первую очередь должен быть в состоянии несколько дней провести, не двигаясь с места, несмотря на все неудобства и не теряя бдительности, он должен обладать высоким самообладанием, чувством ответственности и безграничной терпеливостью. Из всех этих требований основным является то, что все кандидаты в снайперы должны стать очень хорошими стрелками. Они должны научиться не только определять расстояние до цели с точностью до нескольких метров при дистанции стрельбы 800–900 метров, но и овладеть такими исключительно сложными навыками, как учет ветра, температуры и влажности, а также движения цели.

Одиночки-диверсанты существовали давно (например, ниндзя). Кроме того, уже при Петре I и позднее имелись подразделения отборных стрелков (егерей). Но снайперская стрельба появилась относительно недавно, в середине XIX века, так как до этого просто не существовало достаточно точного оружия.

Эта памятка составлена генералом В.И. Чуйковым, командующим 62-й армией, при обороне Сталинграда. В небольшой листовке предельно четко сформулирована суть снайперского промысла, за которым стоял тяжелый и опасный труд.

Листовка-памятка снайперу

Снайпер – это специально отобранный, обученный и подготовленный к самостоятельным инициативным действиям воин, меткий стрелок, умеющий искусно действовать в боевой обстановке. Задача снайпера – уничтожение важных и опасных целей, появляющихся на короткое время, решается терпением для выбора удобного момента, чтобы наверняка поразить их. Искусство снайпера состоит в том, чтобы самостоятельно найти цель, оценить ее важность и поразить одним выстрелом.

Снайпер обязан не только уничтожать живую силу противника, но и меткой стрельбой парализовать организацию врагом текущей боевой работы. Для этого уничтожь его офицеров; устрой ежечасную охоту на его разведчиков, наблюдателей, связистов, артиллерийских корректировщиков; разбей их наблюдательные приборы; ослепи противника; отлучи его ходить в полный рост; заставь его ползать; не давай ему высунуться; посеи панику среди нижних чинов. Конечная цель снайпера – страх. Появляйся там, где тебя не ждут. Запомни: противник должен бояться!

Снайпер – это охотник. Охотник обязан быть невидимым. Неуязвимость снайпера деморализует противника. Твой метод – скрытность. Твой рабочий инструмент – терпение. Учись переносить голод, холод, боль, неподвижность. Только это позволит тебе уничтожить противника везде, даже в глубине его обороны. Противник – зверь. Выследи его и вымани под выстрел. Враг коварен – будь хитрее его. Он вынослив – будь упорнее его. Твоя профессия – это искусство. Ты можешь то, чего не могут другие. Тебе доверяют. За тобой – Россия. Будь беспощаден. Ты победишь, потому что ты обязан победить!

Эффективность снайперского огня

Нужно отметить, что применение обычного стрелкового оружия пехотными подразделениями далеко не так эффективно, как может показаться. Во время Второй мировой войны расход боеприпасов воюющих армий составлял от 10 до 50 000 патронов на каждое попадание. Во Вьетнаме американские войска тратили до 500 000 патронов (!) на одного убитого партизана. Причины такого положения в следующем. В боевых условиях пехотинец очень редко может увидеть и распознать живую цель на дальности более 350–400 метров. Цели находятся в поле зрения очень непродолжительное время, контуры их неясны, кроме того, они движутся

и ведут ответный огонь. Помимо этих факторов на ошибки в прицеливании существенно влияют страх, усталость и неразбериха боя.

По данным американских специалистов, вероятность попадания в цель из винтовки М1 у среднего пехотинца резко снижается по мере увеличения дальности, приближаясь к нулю на дистанции в 400 ярдов (во время высадки союзных войск в Нормандии в 1944 г.). Во время войны в Корее эта дистанция снизилась до 300 ярдов. Дальность эффективной стрельбы системы «стрелок-оружие» составляет от 5 до 165 метров. Максимум попаданий приходится на 73 метра, а на расстояниях свыше 165 метров количество попаданий совершенно мало, несмотря на возможности оружия. Иначе говоря, около 80 % выстрелов в бою рассчитано больше на психологическое подавление противника, и только 20 % выстрелов производятся по конкретным целям. На таком общем фоне боевая работа снайпера, тратящего 1,5–2 патрона на каждое поражение цели, говорит сама за себя. Помимо этого, высокая стоимость снайперского оружия и боеприпасов уже не кажется чрезмерной, так как окупает себя.

Наша служба и опасна, и трудна...

Снайперов, попадавших в плен, уничтожали на месте и без лишних церемоний. Солдаты ненавидели их. Им случалось бывать под пулеметным огнем и артиллерийским обстрелом, прятаться от осколков. Каждый ходил в иттыковую атаку и вступал в рукопашную с солдатами противника, но никто не мог спокойно думать о том, что какой-то гнусный тип специально берет его на мушку и хочет пристрелить втихомолку.

Гарри Фэрнес, английский офицер

Особо следует отметить, что ко всем превратностям и опасностям тропы войны добавляется еще и то, что снайпер подвергается чрезвычайно высоким психическим нагрузкам, потому что постоянно работает на передовой, т. е. на границе территории, занятой противником, или на ней самой, осознавая, что где-то рядом всегда находятся солдаты противника, которые не знают слова «военнопленный», когда речь идет о снайперах. Можно не сомневаться, что пойманного снайпера ожидает почти неминуемая смерть. Известно, что в 1199 году король Ричард I во время Крестового похода был ранен в плечо прицельным выстрелом из арбалета, который произвел швейцарский наемник по имени Пьер Базиль (также известный как Бертран де Гудрун). Развилось заражение, от которого Ричард скончался. Предание сообщает, что «после его смерти со стрелка заживо содрали кожу, а труп затем повесили на стене» (что очень характерно для того времени. – А.А.).

Меткие стрелки-одиночки были всегда. Перечитайте «Молот ведьм», он же «Маллеус малефикарум», – настольную книгу святой инквизиции, практическое пособие по борьбе с ересью и колдовством, писанное в XV веке отцами Яковом Шпренгером и Генрихом Инститориусом. В ней есть интересный момент, имеющий прямое отношение к истории снайперов.

Практически все обвинения «Молота ведьм» в колдовстве направлены против женщин. Только один вид колдовства ученые отцы-инквизиторы приписывают мужчинам – колдовскую стрельбу. Колдовство описывают следующим образом: стрелок, спознавшийся с дьяволом и заручившийся его поддержкой, должен ежедневно делать три или четыре выстрела в святое распятие. В этот же день он сможет по желанию произвести столько же абсолютно точных и убийных выстрелов по живым людям, спастись от которых у жертв не будет никакой возможности. За исключением считаного числа колдовских выстрелов, такой стрелок поражает цели не лучше и не хуже других, на обычном человеческом уровне. Причем неважно, утверждают святые отцы, какое именно оружие использует стрелок-колдун – лук, арбалет или аркебузу. Далее они свидетельствуют, что данное колдовство весьма распространено в Германии, так как

многие распятия, стоящие вдали от людных мест, например на перепутье дорог, часто изуродованы многочисленными следами от стрел и пуль. Утверждают, что в феодальных армиях того времени наемные стрелки-колдуны были нормой, требуют изгонять их и угрожают карами правителям, нанимающим таких стрелков.

В подтверждение своих слов Шпренгер и Инститорис рассказывают историю известного им стрелка-колдуна по имени Пункер из Рорбаха в Южной Германии. Пункер служил у некоего князя по прозвищу «Бородатый». При осаде замка Ланденбруннен Пункер постепенно перестрелял всех его защитников, кроме последнего, после чего, естественно, замок пал. Практиковал он свое колдовство именно вышеописанным способом, и еще – Пункеру надо было обязательно посмотреть в глаза будущей жертве... Святые отцы рассказывают дальше: однажды некий знатный человек пожелал, чтобы Пункер продемонстрировал ему свою меткость, и в качестве мишени положил на берет сына Пункера мелкую монетку. Стрелок неохотно согласился, достал две стрелы: одну вложил в арбалет, вторую сунул за пазуху. И сбил монетку выстрелом. После чего знатный спросил его: а зачем вторая стрела? На что Пункер ответил, что не хотел подвергать столь опасному соблазну помогающего ему дьявола, который, как известно, великий обманщик и путаник, и если бы черт обманул его и сын был бы убит, то вторая стрела для тебя, знатный человек...

Вы никого не узнали в этой легенде? Правильно, народный герой Швейцарии, выдающийся стрелок Вильгельм Телль. Габсбургский наместник Геслер заставил его стрелять в яблоко на голове сына Телля за проявленное неуважение к шляпе герцога. Телль тоже отложил вторую стрелу, тоже поразил цель. А потом, как и полагается достойному снайперу, подстерег наместника в горах и из засады убил выстрелом из арбалета.

Интересно, практикующие стрелки не хотят попробовать описанную учеными святыми отцами методику повышения меткости? Не советуем. В конце концов заберет их душу дьявол, он всегда счет за услуги оплатить требует, в аду гореть будете. Надо помнить главное: помощь темных сил к победе не приводит. Да и не верится, что Телль, память о котором бережно хранят швейцарцы, был колдуном. Он был снайпером!

Один из снайперов заметил однажды, что если его поймают, то он «станет главным развлечением на весь следующий день». Есть много исторических свидетельств о том, что стрелков, пойманных во время войн Америки за независимость, казнили на месте, несмотря на то что это совершенно противоречило принятым тогда правилам ведения военных действий. Так, одно интересное предложение из статьи в «Нью-Йорк таймс» показывает отношение к метким стрелкам, бытовавшее во время американской Гражданской войны – первого конфликта, в котором начали использоваться снайперы. Автор статьи, рассказывая о стрелках полковника Бердана в армии Союза, отмечает, что главная опасность для снайпера в бою состояла в том, что он «рисковал быть отрезанным кавалерией, т. е. подвергнуться неминуемой казни, которая ожидала его после попадания в плен». Эта фраза дает представление о судьбе, ожидавшей попавшего в плен снайпера уже в то время, и наглядно демонстрирует неприязнь, которую испытывали обычные солдаты в отношении снайперов.

Действительно, попадая под огонь снайпера, пехота всегда делает все возможное для того, чтобы найти его и убить, вплоть до таких мер, как вызов артиллерии, танков или даже авиации. Австралийский пехотинец Джордж Митчелл во время службы на Галлиполи писал в дневнике: «7 мая. Турка мы ничуть не жалеем. Пойманный снайпер немедленно закалывается штыками». Когда Харри Фернесс подстрелил высокопоставленного немецкого офицера, он тут же оказался под таким продолжительным и яростным артобстрелом, что его несколько раз выбрасывало из окопа. Лишь по счастливой случайности он остался в живых, перестав тогда что-либо слышать и понимать. Всеобщая ненависть к снайперам нигде не проявлялась столь открыто, как на Восточном фронте в 1941–1945 годах, где снайперы, как правило, имели при себе пистолет – не для того, чтобы отстреливаться, а чтобы не попасть живым в руки врага. А

дело в том, что по неписанным правилам войны брать в плен снайперов было не принято (как и огнеметчиков, и гарнизоны ДОТов) – они расстреливались на месте.

Характерно, что уже на фронтах Первой мировой войны сформировалось негативное отношение к снайперам как к «убийцам, стреляющим исподтишка». Одно из редких свидетельств о действиях пехотинцев после пленения снайпера во время Первой мировой войны содержится в краткой записи из дневника лейтенанта С.Ф. Шинглтона, офицера британской полевой артиллерии, датированной 16 июля 1916 года: «Королевские шотландцы поймали и повесили снайпера. Артобстрелы и очень много снайперов». Один британский снайпер был свидетелем подобного случая в 1944 году, во время наступления во Франции, после того как он выкурил немецкого снайпера из жилого дома: у того кончились патроны, он выбросил винтовку наружу через окно и вышел с черного хода с поднятыми руками. В это время мимо проходил британский офицер, чьи солдаты понесли страшные потери от меткой стрельбы этого снайпера. Он вытащил револьвер и застрелил немца. Иногда даже старшие офицеры ясно выражали довольно негативное отношение к снайперам. В 1944 году генерал Омар Бредли дал понять, что будет не против, если со снайперами будут обращаться «пожестче», чем с обычными военнопленными. В конце концов, «сидит себе снайпер, постреливает и думает, что потом спокойно сдастся, – так не годится. Это нечестно».

Но еще больший интерес, наверное, представляет неприязнь многих фронтовиков к своим же снайперам. Дело в том, что одна из величайших несправедливостей снайперской профессии состоит в том, что соратники зачастую относятся к снайперу почти с такой же неприязнью, что и враги. Началось это в окопах войны 1914–1918 годов и объясняется просто: когда снайпер начинал действовать на каком-либо участке, на головы сидевших там солдат обрушивался сокрушительный удар возмездия. Это мог быть ураганный артиллерийский или минометный обстрел, с помощью которого разъяренные солдаты противника желали отомстить за смерть товарища, нередко нанося тяжелые потери сидящей в окопах пехоте, которая вполне обоснованно полагала, что никак этого не заслуживает. В то же время для неприязни, проявляемой солдатами к снайперам и их профессии, были и другие основания, более глубокие и зловещие. В гражданской жизни нас всех учат относиться к человеческой жизни как к чему-то священному, но на войне это фундаментальное представление о ценности человеческой жизни неприменимо. Большинству солдат удается мириться с отказом от мирных убеждений, когда им приходится убивать, защищая самих себя или товарищей, и это считается приемлемым с точки зрения морали. При этом для большинства пехотинцев отвратительна сама мысль о том, что кто-то может преднамеренно выслеживать людей, словно дичь на охоте. Одна из причин, раздражавших солдат-фронтовиков, несомненно, состояла в том, что снайпер отличался от них тем, что в буквальном смысле слова держал в руках человеческую жизнь, а сам был олицетворением смерти.

Один немецкий снайпер писал, что следовал одному-единственному правилу: наведя перекрестье прицела на цель, он стрелял независимо от того, кем был тот человек и чем он занимался. У обычного солдата война заключалась в исполнении приказов, поэтому для большинства бой был сравнительно обезличенным делом, которое надо было делать как можно быстрее и с наименьшим риском. Снайперов всегда окружала тайна, потому что им было запрещено рассказывать, чем и где они занимались, и это тоже способствовало укреплению их репутации хладнокровных убийц. Британский офицер Фредерик Слит, служивший снайпером во Франции во время Первой мировой войны, писал о том, что пехотинцы на переднем крае с трудом сходились со снайперами, «потому что было в них что-то такое, что делало их непохожими на обычных людей, из-за чего солдаты чувствовали себя неудобно».

Этому заявлению год за годом вторят рассказы пехотинцев, которые мало что понимали в снайперских делах и видели в них только беспринципных, никому не подконтрольных охотников, вряд ли понимая важность работы снайперов, защищавших своих солдат от снайперов

с той стороны. Зачастую эта неприязнь принимала откровенные формы, когда солдаты демонстративно лишали снайперов компании на отдыхе, отказываясь с ними общаться. Тем не менее на переднем крае снайперы были единственным возможным средством борьбы со снайперами противника, и пехотинцы это знали, потому что всякий раз, когда их прижимал к земле невидимый враг, они кричали: «Снайпера!» Один британский снайпер вспоминал, как в 1944 году однажды утром он выдвигался поближе к линиям немецкой обороны, минуя окопы, в которых сидели солдаты британской роты. Пока он шел мимо, они настолько достали его своими насмешками, что он вытащил боевой нож и распорол раздутый живот давно валявшейся возле окопов коровы, из-за чего солдатам, которым было некуда деться из окопов, пришлось страдать от вони, накотившей от падали. Да и во Вьетнаме снайперов-морпехов зачастую приветствовали словами: «А вот идет корпорация убийц!» – и им приходилось стоически воспринимать подобные выкрики.

Кроме того, снайперы чувствовали, что их действия весьма беспокоят гражданских, особенно в союзных странах, а действия их окружала завеса секретности, при этом об их подвигах мало кто что-либо знал. Удалось найти всего три газетные статьи о снайперах, причем все они были опубликованы в провинциальных газетах, и лишь в одной были приведены фотография и интервью со снайпером рядовым Фрэнсисом Миллером из 5-го батальона Восточного йоркширского полка. Немногие из снайперов, находящихся на службе, соглашались на подобную рекламу, вплоть до того, что отказывались фотографироваться для газет. Они избегали известности, им не хотелось, чтобы родные и знакомые знали, чем они занимаются, – из боязни осуждения с их стороны. Такое отношение вполне понятно, во многом оно объясняется традиционными идеалистическими представлениями о том, что война должна вестись «спортивно». Однако нельзя сказать, чтобы гражданские вдали от войны критично относились к работе, выполняемой снайперами, потому что те, кто не мог лично сражаться с врагом, положительно относились к мерам возмездия в любой их форме. Со слов вдовы одного британского снайпера, служившего с 1944 по 1945 год, она знала, чем он занимался на войне, и, хотя муж ее редко рассказывал о пережитом, он знал, что она его работу одобряет:

«Каждую ночь мы подвергались их [немецким] бомбардировкам, многие из моих знакомых погибли – матери, детишки, старики. Джек платил «джерри» [по-русски сказали бы «фрицам»] тем же, и нас это ободряло. Те, кто знал, что он служит снайпером, говорили: «Передай ему, пусть и за меня подстрелит кого-нибудь из этих гадов».

И все же, что интересно, однозначного отношения к снайперам не было, потому что среди своих они сами относились к своей работе с весьма жестоким чувством юмора и, надо сказать, мало что предпринимали для того, чтобы изменить отношение к себе, предпочитая оставаться в тени. Сержант Фернесс объяснял это тем, что большинство из них были людьми независимыми и зачастую необщительными, причем для этой работы наиболее подходят люди именно такого типа. «Все снайперы были добровольцами, метких стрелков никогда не зачисляли в снайперы в приказном порядке. В снайперском отделении никогда не было людей из тех, что являются «душой компании». Однажды он услышал от полкового старшины, что является самым необщительным сержантом на свете, что немало его позабавило, но это скорее говорило о складе характера самого старшины, чем о снайперах. Большинство из них были людьми тихими и осмотрительными, поскольку их профессии спешка противопоказана, и это находило отражение в их повседневных привычках. Мало кто из них курил, потому что курение плохо отражается на способности контролировать дыхание при стрельбе и вообще плохо действует на здоровье, да и пили снайперы в большинстве своем умеренно. Эта умеренность делала их непохожими на сослуживцев из обычной пехоты, которые предавались разгулу при любой возможности. Это усугублялось еще и тем, что по организационным причинам снайперы жили вместе и были освобождены от обычных фронтовых обязанностей, работали они по большей

части тайно, и потому недоверие со стороны своих же пехотинцев было почти неизбежным следствием их работы, и снайперы относились к этому философски.

Иногда они даже не возражали против прозвищ, которыми наделяли их соратники. Снайперы из Холламширского батальона скорее гордились, когда один офицер, к которому они хорошо относились, называл их «Старухами с косой». Снайпер сержант Джон Фулчер писал, что во время Второй мировой войны некоторые из них поднимали психологическое воздействие на противника на невиданную высоту. Будучи индейцем из племени сиу, он отмечал, что «половина ребят в снайперском отделении были индейцами, включая двоих сиу из горного района Блэк-Хилс. Мне доводилось слышать, как другие Джи-ай называли нас дикарями. И когда они говорили: «Опять за скальпами пошли», то говорили это с восхищением, и мы воспринимали эти слова именно так». Следует сказать, что Фулчер со своими индейцами и в самом деле время от времени скалпировал убитых немцев, оставляя их на видном месте как предупреждение другим. Какое-то время спустя они узнали, что немцы решили убивать на месте плененных снайперов или индейцев. И даже в конце 80-х годов снайперское отделение одного из британских пехотных батальонов было повсеместно известно как «Лепрозорий».

Захваченный снайпер повсеместно рассматривался как лицо вне закона. Но следует сказать, что подобное отношение к снайперам совершенно несправедливо. Можно подумать, что пулеметчик, косящий длинными очередями густые цепи противника, или минер, нашпиговавший землю смертельными сюрпризами, «убийцы» в меньшей степени, чем снайпер. Мы уж не говорим о пилотах стратегической авиации с термоядерными бомбами на борту...

Типы снайперов

На Западе принята следующая классификация профессии «снайпер».

Снайпер-диверсант

Это наиболее известный тип снайперов (англ. sniper), знакомый по компьютерным играм, кинематографу и литературе. Действует в одиночку или с напарником (осуществляющим огневое прикрытие и целеуказание), зачастую вдали от основной массы войск, в тылу или на территории противника. Задачи – скрытное выведение из строя важных целей (офицеров, дозорных, ценного оборудования), срыв атаки противника, снайперский террор (наведение паники на рядовой личный состав, затруднение наблюдения, моральное подавление).

Чтобы не выдать свою позицию, стрелок зачастую производит выстрел под прикрытием фонового шума (погодные явления, сторонние выстрелы, взрывы и т. п.). Дистанция поражения – от 500 метров и выше. В удачных условиях человека можно уничтожить с расстояния 1,5–2 км из крупнокалиберных 12,7-мм винтовок (однако стрельба по одиночным целям таких малых размеров с подобного расстояния практически не ведется из-за большого разброса даже у лучших образцов снайперского вооружения). Оружие снайпера-диверсанта – высокоточная винтовка с оптическим прицелом, иногда с глушителем, обычно с ручной перезарядкой.

Маскировка позиции играет большую роль, поэтому выполняется с особой тщательностью. В качестве маскировки могут применяться подручные материалы (ветки, кусты, земля, грязь, мусор и т. п.), специальный «лохматый» маскхалат (англ. ghillie suit) либо уже готовые укрытия (бункеры, окопы, здания и т. п.).

Пехотный снайпер

Пехотный снайпер (англ. designated marksman) впервые появился в СССР в 60-е годы. Под влиянием советской концепции в 1990-е годы специальность пехотного снайпера была введена в армиях Израиля и США.

Снайпер – неотъемлемая часть пехотного отделения, как и пулеметчик или гранатометчик, действует в составе подразделения. Иногда в паре с пулеметчиком или парой автоматчиков (группа прикрытия). Задачи – повышение радиуса боя пехоты, уничтожение важных целей (пулеметчиков, других снайперов, гранатометчиков, расчеты ПТУРСов, связистов). Как правило, не имеет времени для выбора цели; стреляет по всем, попавшим в поле зрения.

Дистанция боя редко превышает 400 метров. Оружие: самозарядная винтовка, основной акцент на небольшой вес и надежность. Иногда таких снайперов снабжают серийными автоматами, которые отбираются еще на оружейном заводе по критерию «точность попадания» и получают оптический прицел. Винтовки пехотных снайперов редко снабжены глушителями.

Чрезвычайно мобильный, часто меняет позицию. Как правило, имеет те же средства маскировки, что и остальные солдаты.

Полицейский снайпер

Специалист из противоснайперского подразделения полиции.

Радиус поражения полицейского снайпера редко превышает 200 метров – обусловлено это тем, что стрельба, как правило, ведется в городских условиях. Зато и цели у полицейского снайпера очень малы: чтобы поразить преступника, угрожающего пистолетом, необходимо попасть ему в сочленение головы и шеи – тогда он не сможет выстрелить даже рефлексивно. Альтернативная тактика – выстрел в палец либо кисть. Одно из первых заданий на огневой подготовке милиционерского снайпера в СССР – поразить с расстояния 100 метров мишень «рука с пистолетом» (для сравнения: аналогичное задание при подготовке солдат – поразить ростовую мишень с расстояния 200 м).

Применяются при освобождении заложников, а также для охраны мероприятий, на которых существует риск осуществления теракта.

Предыстория снайпинга

Опыт служит не для отрицания, он является указателем пути на будущее.
Эйке Миддельдорф

Исторический экскурс в древнюю историю «корпорации убийц»

Снайперы в исторической ретроспективе

Снайперы появились с момента возникновения дальнобойного оружия. С момента изобретения метательного оружия человечество затратило немало времени, сил и средств, чтобы получить возможность посылать камни, стрелы, дробь, пули и снаряды дальше, быстрее и точнее. Прицельная стрельба по отдельному человеку из лука или арбалета – практика не менее древняя, чем само это оружие, чем обнаруженный в замке Мейден-Касл скелет древнего бритта с позвоночником, пронзенным железным дротиком, выпущенным из римской баллисты. В данном случае невозможно сказать, целились именно в него или попали случайно. До чего же на самом деле доходила точность стрельбы из лука?

Сведения в литературе на сей счет противоречивы. Обычно можно узнать, что с 90 метров хороший лучник всеми стрелами попадал в ростовую мишень. Реже сообщается, что с такой дистанции он попадал одной стрелой в другую. Первое, безусловно, соответствует действительности, с учетом, что речь велась не о нормативах боевой стрельбы, а о спортивных состязаниях, на которых выступали лучшие мастера, цель была неподвижна, расстояние было всегда одно и то же, стрелы использовались специальные и сила попадания стрелы не учитывалась. И попадания стрелой в стрелу, несомненно, могли быть, но только случайно. Вообще же прицельная стрельба английскими лучниками (из деревянных луков) велась на 30 метров, турецкими и китайскими (из лучших луков) – до 70 метров, чаще же всего на 40–50 метров.

Проблема в том, что лук имеет определенную толщину и стрела располагается под углом к плоскости, в которой двигалась тетива. Дополнительный сбивающий наводку толчок стрела получает, когда через рукоять лука проходит ее оперение. Эти недостатки устранены в современных спортивных луках, но сказывались даже в лучших конструкциях Средневековья. Другими недостатками лука были крайняя (на современный взгляд) медлительность снаряда, очень затруднявшая стрельбу по движущейся цели (тяжелая стрела английского лучника дистанцию в 30 м преодолевала более секунды), и низкая аэродинамика кустарно сделанной стрелы. Кроме того, удержать тетиву мощного лука в натянутом состоянии двумя пальцами было просто невозможно. Поэтому при стрельбе на дальность или на пробитие лучник натягивал ее рывком, что точности попадания не способствовало. При стрельбе же на меткость лук натягивался не до конца.

Поэтому декларируемое преимущество лука над ружьем в точности стрельбы было весьма сомнительно (хотя англичане в XVI веке и использовали лучников именно в качестве снайперов при подразделениях мушкетеров). Оперенный снаряд летел намного точнее круглой пули, но пока он долетал, цель благополучно успевала окопаться по полному профилю. Точность попаданий из лука зависела от искусства стрелка, но весьма ограниченно: стрелок никогда не может контролировать все факторы, влияющие на полет его снаряда.

Большим достоинством арбалета являлась высокая точность стрельбы, сравнимая только с нарезным оружием XVII–XVIII веков. Это достигалось не только удобством прицеливания,

но и тем, что тетива двигалась в одной плоскости со стрелой. Кроме того, арбалет мог иметь и прицельные приспособления.

Значительно повышала точность стрельбы и конструкция снаряда – самый лучший лучник стрелял точно, только пока пользовался своими стрелами, каждую из которых он знал в лицо и по имени. Но таких у него могло быть всего несколько, и, как только лучнику начинали подавать из обоза казенные стрелы, точность стрельбы падала в разы. Короткие арбалетные болты имели существенно менее выраженную «индивидуальность». Они не только были более стандартны, чем длинные стрелы, но и имели менее смещенный центр аэродинамического давления.

Но даже 300 лет спустя, когда на полях сражений появились ручницы и первые ручные мушкеты, их применение с целью поразить конкретного человека с большого расстояния было делом практически неслыханным. Несмотря на встречающиеся порой утверждения о том, что Леонардо да Винчи стрелял из нарезного оружия при отражении захватчиков, осаждавших Флоренцию в 1520 году, реальных подтверждений этому, судя по всему, не существует. Однако вполне уверенно можно утверждать, что в 1527 году другой великий художник, Бенвенуто Челлини, действовал как снайпер, служа в войске папы Климента VII. Сражаясь бок о бок с другими защитниками Священного города во время осады Рима, он стрелял из тяжелого мушкета с фитильным замком. Позднее в своих записях о пережитом он рассказывал:

«Я скажу только одно, чему изумится всякий, кто опытен в этом деле. Это то, что, при весе моего пороха в одну пятую веса пули, пуля эта у меня на двести шагов попадала в белую точку. Хотя я по природе меланхоличен, стоило мне предаться этим развлечениям, как у меня сразу же веселело сердце и лучше ладилась работа, и гораздо удачнее, чем когда я непрерывно сидел над своими занятиями и упражнениями».

Об одном из его выстрелов почти наверняка можно утверждать, что именно он стал причиной смерти коннетабля Бурбона, хотя сам Челлини оговаривает, что в тот день из-за густого тумана целиться было очень трудно и ему просто очень повезло. Разумеется, необходимо учитывать, что гладкоствольные мушкеты тех времен в массе своей плохо годились для прицельной стрельбы на большие дистанции. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что огнестрельное оружие могло применяться с этой целью уже в то время, поскольку в Европе соревнования по стрельбе были тогда обычным делом, а в Голландии и немецких княжествах к началу XVI века регулярно проводились состязания по стрельбе из гладкоствольных и нарезных мушкетов, участников которых называли «scharfschützen» (меткие стрелки).

Истоки снайпинга

Снайперское искусство необходимо рассматривать совместно с историей развития тактики огня пехоты. Точкой отсчета принято считать начало XVIII века, когда ружье окончательно сделалось оружием всей пехоты; ведь до этого ружейный огонь означал лишь завязку боя, а окончательный разгром противника завершался ударом пикинеров. Гладкоствольные ружья того времени не имели достаточно высокой точности и кучности, однако довольно большая отлогость траектории на основных дистанциях огня позволяла при стрельбе целого подразделения поражать групповые цели. Именно этими боевыми свойствами гладкоствольного ружья объясняется введение в большинстве армий многолинейного строя.

«Желали получить сильный массовый огонь, не обращая внимания на собственные потери. Каждый из противников старался засыпать другого возможно большим количеством пуль в наименьший срок. Ввиду этого, стрелковое обучение пехоты ограничивалось горизонтальной наводкой и быстрым заряданием... Во времена наполеоновских войн замечается как будто пренебрежение массовым огнем пехоты», – писал известный оружейвед В.Е. Маркевич. Действенность огня гладкоствольного оружия была крайне невелика: пехотное ружье при

стрельбе по мишени 180×120 см с расстояния в 100 шагов (91 м) давало всего 75 % попаданий, с 200 шагов (182 м) – 50 %, а с 300 шагов (273 м) – не более 25 %. Стрельба на дистанции более 300 шагов считалась бесполезной!

Ко второй половине XIX века вся пехота европейских армий уже была вооружена винтовками, и теперь здесь стали обращать внимание на улучшение стрельбы одиночного стрелка, желая добиться тех высоких результатов, что показывали егерские и стрелковые части. Следует учесть, что хорошая стрельба во многом зависела от высоких личных качеств этих специально натренированных людей. Многое зависело и от тактической обстановки, складывающейся на поле боя. Когда стрелки и егеря попадали в свою стихию (передовые стычки, перестрелки и т. д.), они, можно сказать, творили чудеса. Этого же хотели добиться и от простого пехотинца!

Ф. Энгельс в одной из работ, посвященных развитию пехотной тактики, отмечал, что с 40-х годов XIX века «создается легкая пехота, но уже не из лиц, занимающихся стрелковым спортом, и лесничих, а из наиболее сильных и ловких солдат; точность и дальность огня были соединены с ловкостью и выносливостью». В конечном итоге вооружение всех солдат нарезным оружием сгладило существовавшие различия между легкой и линейной пехотой и привело к появлению единой пехоты, способной выполнять любые боевые задачи.

Англо-бурская война

Как уже отмечалось выше, «снайпер» означает «меткий стрелок по летящим уткам». Когда-то в Англии так называли удачливых охотников. Потом так стали называть бурских стрелков. И этому были причины.

Ярким примером эффективного использования отличных стрелков для выполнения особых боевых задач стала Англо-бурская кампания 1899–1902 годов. Бурские охотники, избегая вступать в открытый бой с англичанами, маскируясь, устраивая засады, подпускали солдат противника на близкое расстояние и выводили их из строя метким огнем. Эта неравная борьба за свою независимость горстки стрелков против численно превосходящих и хорошо снаряженных английских войск продолжалась более трех лет. Англичане от огня бурских снайперов несли очень большие потери. Даже когда в английской армии сменили цветное обмундирование на форму цвета хаки, не выделявшуюся на фоне песчаных холмов Трансвааля, меткий огонь буров продолжал наносить англичанам огромные потери.

Буры (так называли голландских поселенцев) со своими дальнобойными винтовками доставали англичан в любое время суток и, казалось бы, в самых безопасных местах. Известное окопное правило «трое от одной спички не прикуривают» родилось, независимо от предшествующего русского опыта, на английских позициях в республике Трансвааль. В ночное время, когда офицеры Ее Величества собирались кучкой и закуривали, бурский снайпер засекал вспышку загоревшейся спички и огонек сигары первого курильщика, затем прикуривал второй – снайпер прицеливался. Прикуривал третий и сразу же получал пулю.

При наступлении англичан меткие бурские стрелки расстреливали атакующих солдат как на стрельбище, практически не подпуская их к своим позициям. Бурами широко практиковались и замаскированные снайперские засады. Но диверсионный опыт буров не был обобщен, и в Первой мировой войне снайперы системно не применялись. Основной расчет был на плотность огня.

«Охотники Вельдта»: Война в Южной Африке

Британская армия, через три десятилетия после войны в США, потерпела ряд поражений в Южной Африке из-за меткой стрельбы буров, вооруженных новыми по тем временам магазинными винтовками Маузера. В ходе Англо-бурской войны (1899–1902) многочисленной

и очень дисциплинированной английской армии долго не удавалось сломить сопротивление слабого, плохо организованного, но зато отлично стрелявшего противника – бурских полупартизанских отрядов.

Англо-бурская война оказала значительное влияние на развитие тактики винтовочного огня. Буры все свои боевые действия основывали на огневом бое, не прибегая к рукопашным схваткам. Замечательное владение винтовкой, умелое использование местности и быстрое маневрирование (войска буров, в сущности, представляли собой ездящую пехоту) обеспечили им значительное превосходство над противником. В частности, в бою у Гленко-Дунди на каждые одиннадцать английских солдат, выбывших из строя по причине огнестрельного ранения, приходился один офицер. В бою у реки Модер 28 ноября 1899 года 5-тысячный отряд буров, заняв выгодную замаскированную позицию, в течение суток удерживал вдвое превосходящего противника. Первыми подверглись жесточайшему огневому нападению гвардейские батальоны, подошедшие к реке на дистанцию 700 метров. Винтовочный огонь буров заставил британцев залечь. Затем в течение дня та же участь постигла все попытки английской пехоты подняться в атаку. Усилия британской артиллерии и подошедшего на помощь блиндированного поезда поддержать огнем атаки своей пехоты оказались тщетными. Одна батарея, выдвинувшаяся к реке на расстояние 1,5 км, попала под сильнейший ружейный огонь и в течение нескольких минут потеряла больше половины своих лошадей. Ночью буры покинули свои позиции и тихо отошли, так что начавшаяся утром атака англичан попала в пустоту. Всего за день боя англичане потеряли 485 человек, а буры – только 18.

Бурские стрелки со своими дальнобойными винтовками. Южная Африка, 1900 г.

Англо-бурская война показала возросшую силу стрелкового огня. Винтовочный огонь отныне стал господствовать на поле боя. Кроме того, огромное значение приобрели полевая фортификация, самоокапывание и маскировка пехоты.

Бурские стрелки-добровольцы

Один из участников той войны, доброволец, воевавший на стороне буров, еще в 1900 году прозорливо писал: «В будущем могли бы оказаться полезны для военных целей телескопические прицелы. Современные ружья стреляют на такое далекое расстояние, что даже самое острое зрение становится бессильным. Если ружье будет снабжено телескопическим прицелом, оно станет несравненно более опасным и может служить для выведения из строя офицеров и артиллерийской прислуги. Нечего говорить, что такие усовершенствованные ружья должны даваться исключительно выдающимся стрелкам...»

Снайпер с капсюльной винтовкой, оснащенной телескопическим прицелом

Историк оружия В.Е. Маркевич также отводил войне в Южной Африке важную роль в развитии тактики ружейного огня вообще и снайперской стрельбы в частности: «В период бездымного пороха, во время Англо-бурской войны (1898–1902) оказалось, что искусные стрелки-охотники буры, защищая свою независимость, наносили английской армии существенный урон преимущественно винтовочным огнем. Совсем не имея птыков, а под конец не имея и артиллерии, они затянули войну на 2,5 года, и только крайнее истощение заставило буров капитулировать перед громадной английской армией.

Изучая опыт войны, тогда все обратили внимание на большое значение меткой стрельбы из современной винтовки».

США. Война за независимость и Гражданская война

Во время войны за независимость в Североамериканских Соединенных Штатах (1775–1783) английские войска столкнулись с точным огнем нарезных ружей переселенцев. В частности, 19 апреля 1775 года в сражении при Лексингтоне английский отряд в две тысячи человек с трудом смог отразить нападение всего нескольких сотен колонистов, использовавших тактику рассыпного строя. Быстро перемещаясь с места на место, умело используя местность и маскируясь, колонисты вели точный ружейный огонь. При попытках англичан контратаковать повстанцы рассеивались и скрывались в лесу, а затем снова начинали свои множественные нападения.

К концу войны британские войска были вынуждены сформировать егерский полк, вооружив своих стрелков специально закупленными штуцерами – казнозарядными нарезными ружьями Фергюсона. И хотя эта воинская часть уже не могла повлиять на исход войны, уже тогда в британской армии были заложены традиции высокого стрелкового мастерства, дожившие до наших дней. Этот 60-й пехотный полк не успел отличиться в Северной Америке, но позднее принял активное участие во время войны в Испании против французских войск Наполеона.

Снайперы с Дикого Запада

Новый тип оружия был с успехом использован во время Гражданской войны в США в 1861–1865 годах. Полковнику Хайрему Бердану, позднее ставшему изобретателем знаменитой винтовки («берданки»), которая более двадцати лет простояла на вооружении русской армии, первому пришлось в голову создать особое подразделение из лучших стрелков для действий в ближайшем тылу противника. При приеме кандидатов применялся жесткий стрелковый тест: с дистанции в 200 ярдов (182,8 м) требовалось уложить десять пуль в круг диаметром 25 сантиметров. Чтобы показать пример, сам Бердан (в прошлом один из лучших стрелков-винтовочников США) с первого выстрела положил пулю в правый глаз ростовой мишени на дистанции 600 ярдов (548,6 м) из целевой винтовки с телескопическим прицелом. В мае 1861 года газета «Нью-Йорк пост» писала: «Снайпер, действующий в составе небольшой группы на расстоянии до 700 ярдов от противника, производящий один выстрел в минуту и попадающий с большой точностью в выбранные им цели, может доставить врагу множество проблем. Такие стрелки должны сосредоточиться на уничтожении офицеров, чтобы внести как можно больше неразберихи в ряды противника».

Полковник Бердан. Североамериканские Соединенные Штаты. 1880 г.

Противник тоже не дремал. Для войск южан было закуплено 200 капсюльных винтовок системы Витворта английского производства. Они имели полигональную нарезку ствола, на них устанавливался телескопический прицел. На открытых стрелковых соревнованиях лучшие стрелки армии Джонстона получили эти винтовки и затем воевали с ними в качестве снайперов. Однако конфедераты ввели своих снайперов в состав обычных пехотных бригад – это приводило к тому, что элитные стрелки большую часть времени воевали в качестве простой пехоты. В то время как северяне подчинили снайперские подразделения штабу корпуса, который использовал их только в тех случаях, когда возникала необходимость.

Одна из легенд Дикого Запада гласит, что 7 марта 1862 года в битве при Пи-Ридж, штат Арканзас, знаменитый ганфайтер (gunfighter (англ.) – профессиональный стрелок, виртуозно владеющий оружием) Бешеный Билл Хикок в течение четырех часов уничтожил снайперским огнем из засады 36 солдат Конфедерации. Генерал Маккалок приказал уничтожить снайпера, однако Хикок удачным выстрелом снял самого генерала и, воспользовавшись суматохой, скрылся.

1 июля 1863 года снайпер федеральных войск в сражении под Геттисбергом убил старшего по званию офицера южан генерала Джона Рейнолдса. Результатом этого выстрела стало оставление конфедератами своих позиций и выход из города. А в сражении под Спотсильванией 9 мая 1864 года генерал федеральных войск Седжвик, желая ободрить своих солдат, прячущихся от огня неприятеля, выехал на первую линию и тут же получил пулю в голову: выстрел был произведен с расстояния около 800 ярдов.

Гражданская война в Америке показала и значение одного меткого стрелка, и психологический эффект убийства единственным выстрелом. Американские военные историки уже в 1880-х годах утверждали, что снайперы Бердана уничтожили больше солдат противника, чем какое-либо другое подразделение армии северян.

Российская империя

Можно предположить, что идея использовать для уничтожения врага специально обученных меткой стрельбе людей впервые появилась тогда, когда началась первая война. Не будем рассказывать о племенах охотников, которые, враждуя друг с другом, поняли, что один меткий боец, действующий скрытно, способен успешно противостоять вражескому отряду и уничтожить его, или приводить в пример Робин Гуда, который использовал в борьбе с богатыми и знатными особо метких и скрытно действующих бойцов. Расскажем лучше о том, что известно достоверно.

Достоверно известно, что при Петре I в русской армии отличные стрелки и унтер-офицеры были вооружены нарезными штуцерами с лучшей кучностью боя и большей дальностью стрельбы, чем гладкоствольное ружье, состоявшее на вооружении рядовых солдат. Суворов специально использовал метких стрелков в бою. При штурме крепости Измаил в 1790 году по его приказанию отдельным группам отборных стрелков было поручено уничтожать защитников вала, мешающих русским солдатам взбираться по лестницам на стены крепости. Ученик и последователь Суворова полководец Кутузов также придавал большое значение подготовке отличных стрелков-охотников.

Кутузову принадлежит особая роль в разработке принципов тактического использования отборных стрелков. Одним из наиболее ярких примеров умелого использования отборных стрелков является бой у села Бородино в 1812 году. В этом бою егеря и отборные стрелки-охотники Кутузова метким огнем сдерживали более часа натиск семитысячной французской армии. Позднее в «Правилах рассыпного строя», изданных главным штабом 1-й армии в 1819

году, говорилось: «Сила пехоты преимущественно в ее огне, однако же не во множестве, но в цельности выстрелов». Указывая на преимущества рассыпного строя, автор «Правил» рекомендовал иметь отборных людей, «...доведенных преимущественно перед прочими до высшей степени совершенства искусства стрельбы в цель». Но здесь нет главного признака действий современного снайпера – сосредоточенности на поставленной цели и скрытности действий.

Понимание преимуществ использования снайперов приходило во многом вынужденно. При ведении боевых действий слабая сторона, не имея возможности противостоять противнику в открытом бою, была вынуждена использовать тактику быстрых ударов, оставаясь незаметной для врага.

В Русско-турецкой войне одиночки-англичане из дальнобойных штуцеров со сделанными под заказ прицелами убивали русских солдат и офицеров. Именно со времен Крымской войны в российской армии возникла дурная примета относительно прикуривания трех человек от одной спички (когда прикуривал первый, снайпер реагировал на вспышку, когда второй – прицеливался, а третий курильщик получал пулю в голову).

«Браво, братцы егеря!»

Традиционно принято считать, что у истоков снайпинга стояли егерские подразделения, появившиеся в большинстве европейских армий в XVIII столетии. Действительно, егеря, в отличие от простых пехотинцев, обучались по особым программам, готовились к боевым действиям в рассыпном строю, учились воевать в одиночку. В ходе учений особое внимание уделялось точной стрельбе каждого стрелка в отдельности – в отличие от обычной пехотной тактики, где предусматривался залповый огонь всего подразделения.

Егеря, вооруженные нарезными ружьями. Россия, XIX в.

Еще в 1764 году русский военачальник П.И. Панин, командовавший в то время Финляндской дивизией, разработал для частей своей дивизии, дислоцировавшихся в местах со сложной топографической обстановкой, инструкцию, в которой учитывались местные условия. Обстановка требовала «легкой и способнейшей пехоты для употребления ее с авантажами по военному искусству, на тамошней земле, состоящей из великих каменных гор, узких проходов и больших лесов...». Такие части, сформированные и обученные по методике Панина, получили название «егерские». После того как сформировали первый опытный егерский батальон, было принято решение о создании специального егерского корпуса численностью 1650 человек. По указанию Панина в егеря отбирались только люди малорослые – не более 2 аршин и 5 вершков (около 167 см), способные к самостоятельным действиям в рассыпном строю и хорошего здоровья.

В 1760-х годах русский военачальник П.А. Румянцев добился создания в каждом полку егерских команд, вооруженных нарезными ружьями. Снаряжение этих солдат было максимально облегчено: вместо тяжелых пехотных тесаков и шпаг они имели ножи, с обмундирования для лучшей маскировки были убраны блестящие бляхи и галуны. Егерские команды

предназначались для поражения противника точным ружейным огнем из засад. В 1770 году приказом Румянцева все егерские команды пехотных полков 1-й армии, в состав которой входил корпус А.В. Суворова, сводились в егерские батальоны. К концу 1777 года в русской армии их было уже 8 – по 990 солдат в каждом.

Первые «винтовальные фузеи» стали поступать на вооружение армии уже в эпоху Петра I, однако это были немногочисленные экземпляры несерийного изготовления. Только в 1775 году был принят штатный «винтовальный карабин». Это оружие калибра 15,8 мм имело ствол длиной 788 мм, вес его составлял 2,5 кг. Позднее, в 1778 и 1789 годах, на вооружение егерских частей приняли штуцера калибров 16,2 и 15 мм соответственно. Вообще на протяжении всего XVIII века наблюдается острый недостаток нарезного оружия. Например, на Тульском оружейном заводе в период с 1737 по 1778 год изготовили всего 415 штуцеров. По штатам 1785 года в армии должно было находиться 7500 нарезных ружей, фактически же в войсках их было только 2549 единиц.

Кроме того, следует учитывать, что даже в егерских частях нарезное оружие по штату полагалось только унтер-офицерам и наиболее метким стрелкам – на егерскую роту штуцеров «образца 1805 года с кортиком» приходилось всего 12 единиц. На обычный же пехотный полк (линейная пехота) в начале XIX века полагалось 16 штуцеров; в 1809 году их число было увеличено в два раза, но и это количество, конечно, не могло сыграть серьезной роли в бою.

Тем не менее передовые военачальники того времени отлично видели потенциальные возможности хорошо обученных стрелков. Активными сторонниками развития егерской тактики были Суворов, Кутузов, Потемкин. В Русско-турецкую войну 1768–1774 годов русские егеря с большим успехом действовали в сражениях под Ларгой и Кагулом, где была наголову разбита турецкая армия, количественно превосходившая русскую в десять раз.

В 1790 году при штурме крепости Измаил Суворов применил егерей следующим образом: 526 отборных стрелков своим огнем надежно прикрыли штурмовые колонны русских войск, уничтожая турецких солдат, мешающих русским отрядам проходить через крепостной ров. Несмотря на широко известную суворовскую фразу «Пуля – дура, штык – молодец», сам Суворов вовсе не умалял значения огнестрельного оружия в бою. В приказе от 25 июня 1770 года он писал о «неискусной» стрельбе: «Сие могло быть в нашем прежнем нерегулярстве, когда мы по-татарскому сражались, куча против кучи, и задние, не имея места целить дулы, вверх пускали беглый огонь. Рассудить можно, что какой бы неприятель то ни был, усмотря хотя бы самый по виду жесткий, но мало действительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряется и из робкого становится смелым».

Князь Потемкин уделял много внимания обучению егерских частей. Он полагал, что егерь обязан содержать свое ружье «в чистоте нужной, не простирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающего труды, бесполезные солдату», а также «заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно и скоро», обучаться «подпалзывать скрытно местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни, кусты, возвышения и, укрывшись, стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье». Кроме того, егерь должен был усвоить «хитрости егерские для обмана и скрытия их места, как-то: ставить каску в стороне от себя, дабы давать неприятелю через то пустую цель и тем спасать себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать». К 1785 году Потемкин имел в армии 7 егерских корпусов. Для их обучения выпущена была новая общая инструкция, которая обобщала лучший боевой опыт, накопленный за предыдущие годы.

В изданной в 1819 году главным штабом 1-й армии книге «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты» обобщался боевой опыт Отечественной войны 1812 года. В нем были сформулированы основные правила ведения боя егерями в одиночку или небольшими группами, определен круг задач, решаемых егерями, и даны рекомендации по маскировке, экипировке и обучению егерских частей. В частности, там говорилось

о необходимости обучить солдат правильно судить об удаленности предметов. Для этого при обучении стрелка нужно «показывать ему какое-либо дерево, дом, ограду или другой видный предмет, спрашивая, в каком он полагает его расстоянии; потом приказывать считать шаги до этого предмета и таким образом узнавать свою ошибку...». Егерь приобретал «твердый навык хорошо зарядить, верно прицелиться и метко стрелять во всяком положении: стоя на коленях, сидя и лежа, а равно и на походе».

О маскировке там же говорилось: «Неровности поверхности земной и множество возвышенных на земле предметов почти везде представляют защиту раздробленным частям или одиноким людям». В связи с этим указывалось на необходимость обращать внимание каждого егеря «на выгоды, представляемые местоположением, и способы оным воспользоваться: как он, например, имея впереди бугорок, может лечь позади оного на земле или стать на колени и как ему в таком положении может быть удобнее зарядить ружье, верно прицелиться и выстрелить; каким образом при наступлении в лесу должен он подкрадываться от дерева до дерева к неприятелю, беспрестанно вредить оному и выигрывать место, или же при отступлении через лес останавливаться позади каждого дерева и, прикрывая себя, защищать место и товарища своего; как он должен залечь во рву, за оградой или плетнем и как во всяком подобном местоположении может действовать с пользою оружием своим».

«Волчья пасть, лисий хвост». Пластуны

Помимо егерских полков, в Российской империи процесс развития и совершенствования стрелкового искусства имел еще одно весьма оригинальное и самобытное направление – казачество. Пешие казаки пластунских полков были в русской армии и разведчиками, и «стрелками на выбор» – по офицерам, орудийной прислуге, вестовым. По войсковому положению 1842 года пластуны даже были признаны отдельным родом в рядах военных сил Черноморского войска. Пластуны обычно действовали мелкими партиями от трех до десяти человек. Искусное использование местности и точный ружейный огонь заменяли казакам численную силу. С раннего детства приученные к трудной и опасной службе, пластуны служили для русской армии прекрасными разведчиками и снайперами, а в мирное время несли пограничную службу.

«Природа – мой букварь, а сердце – мой учитель». Исследователь казачества Д. Кошкарев писал в начале XX века: «Еще запорожцы в днепровских камышах залегали пластом, высматривая подолгу то татарский чамбул, то неприятельский разъезд. В числе 40 куреней значился Пластунский курень, товарищество которого исполняло, вероятно, эту трудную и опасную службу. На Кубани пластуны явились главнейшими стражами кордонной линии. Они были разбросаны по всем постам особыми партиями и всегда держались на самых передовых притонах, батареях, где имелись сигнальные пушки. Когда неприятель наступал слишком быстро и в больших силах, пластуны палили «на гасло», на тревогу. Их положение в отношении к кордонной линии почти то же, что положение застрельщиков в отношении к первой боевой линии. В наблюдении за неприятелем они зорче и дальновиднее сторожевых вышек, хоть и не так высоко, как эти последние, поднимают голову.

Казак-пластун Черноморского войска. Россия

...Что касается тактики пластуна – она сложная. Волчья пасть и лисий хвост – ее основные правила. В ней повседневную роль играют след – «сакма» и засада – «залога». Тот не годится «пластуновать», кто не умеет убрать за собой собственный след, задушить шум своих шагов в трескучем тростнике; кто не умеет поймать следы противника и в следах его прочесть направленный на линию удар. Где спорят обоюдная хитрость и отвага, где ни с той, ни с другой стороны не говорят: «Иду на вас!» – там нередко один раньше или позже схваченный след решает успех и неудачу. Перебравшись через Кубань, пластун исчезает. А когда по росистой траве или свежему снегу след неотвязно тянется за ним, он заплутывает его: прыгает на одной ноге и, повернувшись спиной к цели своего поиска, идет пятками наперед, «задкует» – хитрит, как старый заяц, и множеством известных ему способов отводит улику от своих переходов и притонов. Как оборотни сказок, что чудно-дивно меняют рост: в лесу вровень с лесом, в траве вровень с травой – пластуны мелкими партиями пробираются с линии между жилищами неприязненных горцев к нашим полевым закубанским укреплениям и оттуда на линию.

...Во всех обстоятельствах боевой службы пластун верен своему назначению. На походе он освещает путь авангарду; или в цепи застрельщиков изловчается и примащивается, как бы вернее «присветить» в хвастливо гарцующего наездника; или, наконец, бодрствует в отводном секретном карауле за сон ротного ночлега. В закубанском полевом укреплении он вечно на поисках по окрестным лесам и ущельям».

В 1843 году на вооружение стрелковых батальонов и пластунов-застрельщиков Черноморского казачьего войска поступил так называемый «литтихский штуцер». К 1849 году в русской армии находилось 20 756 таких ружей. Впрочем, если учесть, что численность армии тогда составляла около миллиона человек, то это все равно была капля в море.

Пластуны. Россия, 1842 г.

Только в середине XIX века русская армия получила штатную 6-линейную пехотную винтовку образца 1856 года. Она, правда, как и раньше, предназначалась для оснащения только

отборных стрелков, но все равно это был большой шаг вперед. Прицельная дальность винтовки – до 1200 шагов. Кстати, именно в 1856 году введено официальное название нарезного ружья – «винтовка».

«Удальцы – добры молодцы». Интересные воспоминания о действиях пластунов во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов оставил король московских репортеров Владимир Гиляровский. Во время той войны он добровольцем пошел служить в действующую армию и благодаря беспокойному и авантюрному характеру оказался среди охотников-пластунов.

«У Карганова в роте я пробыл около недели, тоска страшная, сражений давно не было. Только впереди отряда бывали частые схватки охотников-пластунов. Гулял я по лагерю с юнкером Костей Поповым и старым своим другом подпоручиком Николиным, и они мне рассказывали о позиции:

– Вот это Хуцубани... Там турки пока сидят, господствующая высота, мы раз в июне ее заняли, да нас оттуда опять выгнали. Рядом с ней, левее, лесная гора в виде сахарной головы, называется «Охотничий курган», его нашли охотники-пластуны, человек двадцать ночью отбили у турок без выстрела, всех перерезали и заняли... Мы не успели послать им подкрепления, а через три дня пришли наши на смену, и там оказалось 18 трупов наших пластунов, над ними турки жестоко надругались. Турок мы опять выгнали, теперь там опять стоят наши охотники, и с той поры курган называется «Охотничьим»... Опасное место на отлете от нас, к туркам очень близко... Да ничего, там такой народец подобрали, который ничего не боится.

Рассказал мне Николин, как в самом начале выбирали пластунов-охотников: выстроили весь отряд и вызвали желающих умирать, таких, кому жизнь недорога, готовых идти на верную смерть, да еще предупредили, что ни один охотник-пластун родины своей не увидит. Много их перебили за войну, а все-таки охотники находились. Зато житье у них привольное, одеты кто в чем, ни перед каким начальством шапки зря не ломают, и крестов им за отличие больше дают.

...Лешко подал на другой день рапорт командиру полка, и в тот же день я распростился со своими друзьями и очутился на «Охотничьем кургане».

В полку были винтовки старого образца, системы Карле, с бумажными патронами, которые при переправе через реку намокали и в ствол не лезли, а у нас легкие берданки с медными патронами, 18 штук которых я вставил в мою черкеску вместо серебряных газырей. Вместо сапог я обулся в поршни из буйволового кожи, которые пришлось надевать мокрыми, чтобы по ноге сели, а на пояс повесил «кошки» – железные пластинки с острыми шипами и ремнями, которые прикручивались к ноге, к подошвам, шипами наружу. Поршни нам были необходимы, чтобы подкрадываться к туркам неслышно, а «кошки» – по горам лазить, чтобы нога не скользила, особенно в дождь.

Я сошелся со всеми товарищами, для которых жизнь – копейка... Лучшей компании я для себя и подыскать бы не мог. Оборванцы и удалыцы, беззаветные, но не та подлая рвань, пьяная и предательская, что в воровских шайках, а действительно «удалыцы – добры молодцы». Через неделю и я стал оборванцем, благодаря колючкам, этому отвратительному кустарнику с острыми шипами, которым все леса кругом переплетены, одно спасение от него – кинжал. Захватит в одном месте за сукно – стоп. Повернулся в другую – третьим зацепило, и ни шагу. Только кинжал и спасал – секи ветки и иди смело. От колючки, от ночного лежания в секретах, от ползанья около неприятеля во всякую погоду моя новенькая черкеска стала рванью...

Весело жили. Каждую ночь в секретах да на разведках под самыми неприятельскими цепями лежим по кустам да папоротникам, а то за цепь переберемся, часового особым приемом бесшумно снимем и живенько в отряд доставим для допроса... Чтобы часовых брать, приходилось речку горную Кинтриши вброд по шею переходить и обратно с пленным тем же путем пробираться уже втроем – за часовым всегда охотились вдвоем. Дрожит несчастный, а под кинжалом лезет в воду. На эти операции посылали охотников самых ловких, а главное,

сильных, всегда вдвоем, иногда и по трое. Надо снять часового без шума. Веселое занятие – та же охота, только пожутче, вот в этом-то и удовольствие.

...Заклучили мир, войска уводили в глубь России, но только 3 сентября 1878 года я получил отставку, так как был в охотниках. Нас держали под ружьем, потому что башибузуки наводняли горы и приходилось воевать с ними в одиночку в горных лесных тущобах, ползая по скалам, висая над пропастями. Мне это занятие было интереснее, чем сама война. Охота за башибузуками была увлекательна и напоминала рассказы Майн Рида или Фенимора Купера. Вот это была война, полная приключений, для нас более настоящая, чем минувшая. Ходили маленькими партиями по 5 человек, стычки были чуть не ежедневно».

Начало снайпинга

И все же пластунов и егерей следует считать только предшественниками, но не родоначальниками снайперского искусства, поскольку у них не было главного – дальнобойного и высокоточного оружия с оптическим прицелом. Только с появлением такого оружия «сверхметкий стрелок» стал действительно сверхметким.

Использование телескопа в качестве прицельного приспособления ружья уходит в глубины веков; описание подобного устройства можно встретить в трактате «*Magister Naturae et Artis*» Франческо де Ланы, увидевшем свет в 1684 году. В наставлении «*Oculus Artificiales Teledioptricus*», датированном 1702 годом, описывается ружейный прицел, состоящий из четырех линз и стеклянного диска с выгравированной в центре точкой, служащей прицельным приспособлением. Фридрих Великий записал в своем дневнике в 1737 году, что стрелял из нарезного ружья, оснащенного телескопическим прицелом. «Есть данные, что телескопические прицелы очень ограниченно использовались во время войны за независимость в Северной Америке», – писал ведущий британский специалист в области стрелкового оружия Ян Хогг. Однако только к середине XIX века оружейники догадались поместить в оптическую систему телескопа, неподвижно закрепленного на винтовке, перекрестие из металлических нитей для наводки оружия в цель. Такой принцип использования оптического прицела сохранился до нынешнего времени – конечно, с учетом различных усовершенствований.

Появление оптического прицела стало революционным прорывом в стрелковом деле, но вся важность этого изобретения стала понятна много позже. При использовании телескопического прицела сами собой исчезли многие трудности, связанные с прицеливанием: глаз стрелка меньше напрягается и утомляется; увеличение цели и светосила (ясность изображения) облегчают стрельбу на средние и дальние дистанции даже по небольшим целям. Хорошо замаскированные и малозаметные цели легко обнаруживаются даже тогда, когда их нельзя увидеть невооруженным глазом; прицел позволяет вести стрельбу при таких условиях освещенности, когда использование обычных прицелов вообще невозможно – например в сумерках или на рассвете. Оптический прицел стандартного 4-кратного увеличения позволяет стрелку попасть с 200 метров в цель диаметром 3–4 см, а с 400 метров – в цель диаметром 7–8 см. При этом точность огня улучшается примерно в 4 раза по сравнению с обычным прицельным приспособлением.

Появление снайпинга в современном понимании этого слова можно связать с началом мелкосерийного производства дальнобойных винтовок, оснащенных телескопическими прицелами. Это произошло около 1850 года, когда капсюльные винтовки с оптикой стали применяться американскими стрелками-спортсменами. Оружие действительно было отличным: с дистанции 100 ярдов (91 м) профессиональные стрелки разрезали пулю пополам, попадая в острие поставленного у мишени ножа; на меньших расстояниях вбивали пулей гвоздь в стену, срезали с горящей свечи фитиль.

Нельзя недооценивать боевые качества винтовок того времени. Например, винтовка Витворта 45-го калибра уверенно укладывала группу из пяти пуль в круг радиусом 4,5 дюйма (11,43 см) с дистанции в 500 ярдов (457,5 м). А изготавливавшиеся в США кустарным способом с начала XIX века капсюльные кентуккские винтовки на дистанции до 180 ярдов (около 160 м) имели кучность 28 мм – это стандартная кучность лучших современных снайперских стволов. На некоторых кентуккских винтовках также устанавливались телескопические прицелы. Известно, что уже во время восстания в Индии в 1856 году подобное оружие применялось отдельными стрелками английских колониальных войск.

По неподтвержденным сведениям, организаторы и руководители обороны Севастополя во время Крымской войны (1853–1856) адмиралы Корнилов и Нахимов погибли именно от огня английских снайперов, вооруженных винтовками системы Витворта с телескопическими прицелами.

На заре XX века

Снайперы применялись в Русско-японскую войну (1904–1905) и во время балканского вооруженного конфликта в 1912 году. В.Е. Маркевич, воевавший во время Русско-японской войны в драгунском полку, вспоминал, что имел с собой собственную 7-мм винтовку Маузера с телескопическим прицелом и неоднократно успешно ею пользовался. Хотя использование в боевых действиях «сверхметких стрелков» показало себя с самой лучшей стороны, военное командование большинства европейских армий не спешило вводить снайперов в штатное расписание подразделений, в первую очередь из-за высокой стоимости оптических прицелов. В целом же мнение тогдашнего генералитета выразил германский генерал А. Шлифен, который еще в 1909 году писал, что «представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверенна, а глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью».

Но начавшаяся через несколько лет мировая война доказала, что в стрелковом деле достигнуто еще далеко не все, а совсем наоборот – все только начинается...

Первая мировая война

К сожалению, опыт снайперов Англо-бурской войны в начале XX века обобщен не был. Да и во время Первой мировой и последующей Гражданской войн снайперы в войсках массово не применялись. Остро не хватало снайперского оружия, оптических прицелов и отработанных снайперских методик. Изредка стреляли друг по другу призовые стрелки, ради собственной потехи устраивая на фронте свободную охоту.

В поисках истоков снайпинга можно глубоко забираться в историю, но целенаправленное использование «охотников в униформе» и установка оптических прицелов на винтовки начались только в Первую мировую войну, хотя отдельные случаи использования винтовок с оптическим прицелом имели место еще в Русско-японскую. Русская армия, уделявшая «цельной стрельбе» немалое внимание, проявила интерес и к «прицельным ружейным трубам», появившимся в обиходе стрелков-спортсменов и охотников. Незадолго до Первой мировой проводились опыты по приспособлению оптических прицелов Герца на трехлинейку, но никакого решения принято не было. Между тем германцы уже в 1915 году применяли на фронте винтовки с прицелами Цейсса. Союзники России также стали применять подобное оружие и те же приемы. В военном лексиконе утвердилось английское слово «снайпер» – «охотник на бекасов», или «стреляющий из укрытия». Наконец, в начале 1917 года ГАУ дало Обуховскому заводу наряд на прицелы Герца. Но крайне ограниченные финансовые возможности и сырьевая база государства с трудом покрывали даже потребности флота и артиллерии, так что снайперской винтовки русская армия так и не получила.

Траншеи Первой мировой стали настоящим «раем» для снайперов. Немцы однозначно доминировали в области ведения дальнего прицельного огня из стрелкового оружия. Согласно свидетельствам англичан, зимой 1915 года любое появление британского солдата за пределами окопа гарантировало мгновенную смерть. Даже ношение наручных часов представляло собой большую опасность, так как отражаемый ими свет сразу же привлекал внимание немецких снайперов. Любой предмет или часть тела, которые оставались вне укрытия на 3 секунды, вызывали огонь немцев. Степень превосходства немцев в данной области была настолько очевидной, что, по словам очевидцев, некоторые немецкие снайперы, чувствуя свою абсолютную безнаказанность, забавляли себя стрельбой по всевозможным предметам. Превосходство немцев может быть отчасти объяснено наличием у последних огромного количества винтовок с оптическими прицелами. Кроме того, охота была национальным спортом в Германии, что облегчило немецкой армии процесс подготовки снайперов.

Боевое крещение

Большинство европейских армий вступило в войну, уже полагаясь более на прицельный винтовочный и пулеметный огонь, чем на штыковой удар. Например, русская пехота владела высоким искусством стрельбы, чему способствовала отработка самостоятельных действий стрелков. В «Наставлении для стрельбы из винтовки, карабина и револьвера» (1914 г.) говорилось, что при одиночной самостоятельной стрельбе каждый солдат сам определяет расстояние до цели, ставит прицел и выбирает точку прицеливания, а также удобный момент для открытия огня, если это не было запрещено командиром. Такой подход приносил свои плоды. Так, в конце июля 1914 года венгерская кавалерийская дивизия перешла русскую границу и в конном строю атаковала город Владимир-Волынский. Оборонявший город 65-й пехотный лейб-гвардии Бородинский полк подпустил атакующих на 400 шагов и положил их всех. Венгерские конники повторили атаку пять раз, и русские пехотинцы уничтожили вражескую дивизию практически полностью.

Германский снайпер в передовой траншее. Западный фронт, 1915 г.

Тем не менее подобное стрелковое мастерство пехоты стало практически бесполезным, когда в 1915 году расчет Германии на разгром и вывод Франции из войны потерпел провал (во многом благодаря наступлению русских войск в Восточной Пруссии и Галиции) и на Западном фронте стороны перешли к стратегической обороне. Активные боевые действия сменила позиционная борьба на стабильном сплошном фронте с вялыми и малорезультативными попытками сторон изменить положение.

Первыми стали использовать снайперов немецкие войска. Еще в начале XX века в германской армии были созданы группы унтер-офицеров, которые тренировались в искусстве быстрой и точной стрельбы, учились маскироваться и вести скрытное наблюдение. В германских войсках уже к концу первого года войны было более 20 000 снайперских винтовок. Имея до шести снайперов на роту, немцы обладали большим преимуществом в позиционной войне.

Германская армейская инструкция гласила, что «оружие с оптическим прицелом очень точно действует на расстояние до 300 метров. Выдавать его нужно только обученным стрелкам, которые в состоянии ликвидировать противника в его окопах, преимущественно в сумерках и ночью....Снайпер не приписан к определенному месту и определенной позиции. Он может и должен перемещаться и занимать позицию так, чтобы произвести выстрел по важной цели. Он должен использовать оптический прицел для наблюдения за противником, записывать в блокнот свои замечания и результаты наблюдения, расход боеприпасов и результаты своих выстрелов. Снайперы освобождены от дополнительных обязанностей. Они имеют право носить специальные знаки отличия в виде скрещенных дубовых листьев над кокардой головного убора».

Английский «меткий стрелок». 1916 г.

Немецкие снайперы сыграли особую роль именно в позиционный период войны. Даже не атакуя передний край противника, войска Антанты несли потери в живой силе. Стоило только солдату или офицеру неосторожно высунуться из-за бруствера окопа, как мгновенно со стороны немецких траншей звучал выстрел снайпера. Моральный эффект от таких потерь был чрезвычайно велик. Настроение англо-французских частей, за день терявших несколько десятков человек убитыми и ранеными, было подавленным. Выход был один: выпустить на передний край своих «сверхметких стрелков». В период с 1915 по 1918 год снайперы активно использовались обеими воюющими сторонами, благодаря чему в основном и сложилась концепция военного снайпинга, были определены боевые задачи для «сверхметких стрелков», отработаны основные тактические приемы.

Вот как описывает действия германских снайперов Э.-М. Ремарк в романе «На Западном фронте без перемен»: «У брустверов стоят несколько снайперов. Пристроив свои винтовки с оптическими прицелами, они держат под наблюдением большой участок вражеских позиций. Время от времени раздается выстрел.

Через некоторое время мы слышим возгласы:

– Вот это влепил!

– Видал, как он подпрыгнул?

Сержант Эльрих с гордостью оборачивается и записывает себе очко. Сегодня на его счету три точно зафиксированных попадания, и он стоит на первом месте в снайперской таблице.

Мы глядим друг на друга.

– Я бы этого делать не стал, – говорю я.

– И все-таки, – отвечает Кат, – очень хорошо, что ты видишь это именно сейчас.

Сержант Эльрих снова подходит к брустверу. Дуло его винтовки рыщет то направо, то налево».

Характерно, что уже тогда, на фронтах Первой мировой войны, сформировалось негативное отношение к снайперам как к «убийцам, стреляющим исподтишка».

Известный отечественный оружейник В.Г. Федоров вспоминал о своей поездке на позиции русских войск в июле 1915 года: «В окопах все бойницы днем закладывались кирпичами и камнями. Я хотел было вынуть один из кирпичей, чтобы лучше рассмотреть расположение противника, как меня поспешно остановили:

– Что вы делаете, нельзя! Немец немедленно всадит вам пулю в лоб.

Мне рассказали, что так погиб недавно офицер, приехавший из штаба. У неприятеля были особо искусные стрелки, снабженные винтовками с оптическими прицелами. То были первые снайперы, уже появившиеся в германской армии. Ничего подобного в царских войсках еще не было».

В русской армии не было штатной снайперской винтовки, хотя для уничтожения живой силы противника из укрытий в Финляндии (тогда – русской провинции) была заказана большая партия перископических прицелов и специальных приспособлений, превращавших стандартную «трехлинейку» в «винтовку смертельного боя» – специальное траншейное оружие, позволяющее стрелку не высываться из траншеи при стрельбе. Это устройство обеспечивало удовлетворительную точность, но не имело возможности изменять установку прицела для стрельбы на разные дистанции. Кроме того, после каждого выстрела оружие нужно было опускать в окоп для перезарядки.

Правда, в начале 1914 года, т. е. еще до вступления России в мировую войну, на полигоне Офицерской стрелковой школы в г. Ораниенбаум был испытан на трехлинейной винтовке оптический прицел системы Герца. Однако только в конце 1916 года прицелы этой системы, производившиеся на Обуховском заводе, были признаны пригодными для исполь-

зования в войсках. Первые 20 изготовленных прицелов передали для «обкатки» в ту самую роту Измаильского полка, которая была первым в мире подразделением автоматчиков, имеющей на вооружении автоматы системы В.Г. Федорова. Между тем генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович отмечал в это же время, что «оптические прицелы имеют особую ценность для тех отборных стрелков, на которых возлагается специально следить за неприятельскими окопами и обстреливать неосторожно обнаруживающих себя людей, для ружей-пулеметов же их значение небольшое». Он в связи с этим считал необходимым «выполнить приладку 50-100 прицелов к 3-линейным винтовкам», однако сделано это так и не было.

Во время Первой мировой войны, потребовавшей массовости специального оружия, почти всеми воюющими сторонами стали применяться линейные винтовки или охотничьи карабины, оснащенные оптикой. Из-за нехватки оптических прицелов часто в качестве снайперских брали обычные штатные винтовки, отобранные среди других как наиболее точные, даже без оптики. Во-первых, многие стрелки не считали реальным винтовочный огонь по одиночным целям, удаленным далее 300 ярдов (280 метров); во-вторых, магазинные винтовки начала века отличались высоким качеством изготовления, а следовательно, и точностью (кстати, неудивительно, что вооруженные такими винтовками буры во время Англо-бурской войны показали себя великолепными стрелками).

В войсках Антанты особенно прославились снайперы Канадского корпуса. Подполковник морской пехоты Великобритании Невил Армстронг писал об эффективности этих стрелков: «Достойны упоминания два случая: пленные одной (немецкой) роты показали, что в течение двух недель у них было убито 10 человек; пленные другой роты показали, что у них за пятидневку было убито 7 человек. Допустим, что немецкая рота занимала по фронту 400 ярдов, а канадский корпус – 20 000 ярдов. Следовательно, перед корпусом находилось примерно 50 немецких рот. Если принять, что в среднем в каждой роте был один убитый за день, то окажется, что в день наши снайперы убивали 50 немцев, а в 20 дней уничтожали немецкий батальон».

Французский снайпер поджидает жертву. 1916 г.

Капитан Канадского корпуса Герберт Мак-Брайд позднее написал основанную на своем боевом опыте книгу «Солдат ушел на войну». Он отметил в своих записках, как влияют на точность стрельбы из винтовки температура воздуха, влажность, ветер и другие внешние факторы. В своей снайперской практике Мак-Брайд отработал основные тактические приемы «сверх-меткого стрелка», недаром его книга до сих пор считается на Западе классикой снайперской литературы.

В британских войсках во время войны появилась так называемая «секция разведки батальона», включавшая 8 снайперов и 8 разведчиков и предназначенная в первую очередь для проведения снайперских операций и ведения разведки на переднем крае. Это подразделение оказалось очень удачным новшеством: достаточно сказать, что в американской армии «снайперско-разведывательный взвод» в сухопутных войсках выполняет те же функции при таком же составе.

Полковник Лоувэт возглавил полк скаутов, занимавшийся в основном разведкой и снайпингом. Именно «скауты Лоувэта» первыми применили лохматый камуфляж типа «гилли», широко используемый и сегодня. Также большой вклад в развитие снайпинга британской армии внесли майор Хескет-Притчарт, майор Гэйторн-Харди, капитан Андерхилл, полковник Лэнфорд-Ллойд.

Уже в те годы перечисленные выше английские офицеры хорошо осознали, что помимо умения точно стрелять «сверхметкие стрелки» должны обладать такими качествами, как хорошее зрение и способность применить его, развитый слух, проницательность, спокойствие, храбрость, настойчивость, терпеливость. Напротив, человек впечатлительный и беспокойный, с нервным темпераментом, не сможет стать снайпером. Невил Армстронг дал такое определение снайпера: «Это искусный стрелок из винтовки, прекрасно подготовленный для наблюдения и использования местности, одинаково ценный в позиционной и маневренной войне. Он должен уметь выискивать цели, появляющиеся только на короткое время, и поражать их с одного выстрела со скрытой позиции».

В период позиционных боев именно английские снайперы отработали методику использования «скульпмакетов» – муляжей местных предметов, внутри которых помещались стрелки. Невидимые для наблюдателей противника, они вели визуальную разведку вражеских передовых позиций, вскрывали расположение огневых средств и уничтожали наиболее важные цели.

Боевой опыт наглядно показал, что сила снайперского искусства состоит в способности перенести войну на территорию противника и, как скальпелем, вырезать из его массы куски мяса, внося в его ряды страх и неуверенность, снижая его боевую активность и ставя в прямую зависимость от небольшого числа метких стрелков.

Между великими войнами. Затишье перед бурей

После подписания Версальского договора произошло то, что и должно было произойти: о снайперах попросту забыли. Упоминавшийся выше Невил Армстронг с горечью писал в 1940 году, т. е. уже после начала Второй мировой войны: «Люди, осуществившие в первые дни прошлой войны организацию, позднее известную как секция разведки батальона, лелеяли надежду, что после войны 1914–1918 годов не забудут о подготовке снайперов, разведчиков и наблюдателей. Однако среди стрелков в армии развилось пренебрежительное отношение к снайперам. Стрелки полагали, будто снайпинг только «феномен» времен позиционной войны и, очевидно, он больше не воскреснет. Снайпинг забывали. По мере того как проходили годы, телескопические прицелы исчезали из армии, и секция разведки батальона прекратила свое существование. Немногие знатоки и мастера обучения молодых солдат искусству разведки, использования местности и снайпинга вернулись после войны к своим мирным делам. Прошло 22 года, и снова «на полях Фландрии» мы сражаемся с тем же самым врагом. Снова жизни наших солдат принесены в жертву опытным снайперам немцев вследствие того, что мы не были готовы и забыли данный нам урок».

Зато в это же время снайперы входили в моду в стране, практически не применявшей их на фронтах Первой мировой войны, – в России. Большевики ожидали новой интервенции, поэтому активно перенимали боевой опыт западных армий. Уже в 1924 году появляется русский перевод книги Хескет-Притчарта, не оставшейся незамеченной военными специалистами.

Финская снайперская пара на позиции. Карельский перешеек, 1940 г.

Сначала, сразу после окончания Гражданской войны, в Красной Армии снайперов считали ненужной блажью. Расчет на основное поражение противника, как и в царской армии, строился на плотности огня. По некоторым сведениям, это было следствием указания свыше.

Военным незачем было знать снайперские тонкости. Это должны были знать только те, кому положено знать. В системе ОГПУ – НКВД при Генрихе Ягоде снайперской подготовке сотрудников для выполнения специальных заданий уделялось повышенное внимание и выделялись немалые средства. Бригады подготовленных снайперов существовали и при сталинской охране. Для этого в Германии были закуплены неплохие оптические прицелы, на базе которых впоследствии были созданы очень удачные прицелы ПЕ и ПБ. В СССР активно развивался стрелковый спорт, но общевойсковых тактических снайперских методик не было.

В СССР снайперское дело получило развитие в 30-х годах. Параллельно с развитием оружия шла подготовка снайперов. И начиналась она у нас двумя основными потоками. В 1929 году на курсах «Выстрел» был специально создан снайперский курс. Он готовил снайперов и руководителей снайперского дела. В 1929 году в Кусково под эгидой ОСОАВИАХИМа начинает действовать школа «Снайпинг» для подготовки инструкторов-снайперов. Позднее подготовкой снайперов занимались специальные курсы ОСОАВИАХИМа и войсковые части. В 1933 году был введен осоавиахимовский значок «Снайпер», а в 1938 году – нагрудный знак «Снайпер РККА».

Финская война

Жестокий урок РККА преподали финны во время зимней кампании 1939 года. Финское командование отлично подготовилось к войне. Во время атаки советской пехоты финские снайперы целенаправленно выбивали офицеров – благо они резко выделялись в пехотной цепи своими белыми офицерскими полушубками и блестящими ремнями португепи крест-накрест.

Во время финской войны советские командиры столкнулись с необъяснимым и страшным явлением – снайперами-«кукушками». Работа их была необычайно эффективна и признана наиболее результативной снайперской практикой. Боевая тактика снайперов-«кукушек» была непонятной своей нестандартностью, неуставностью и коварством. Финны первыми указали на то, что запрещенных приемов в снайперской практике нет. Приемам этим не было числа, и они мало повторяли друг друга.

Зимняя маскировка снайпера

Название «кукушки» финские снайперы получили за то, что поначалу стреляли с деревьев и переговаривались птичьими голосами. Удобно устроившись на могучих ветвях вековой сосны, финн выжидал появления цели поважнее и «снямал» ее. По дереву, где находилось снайперское гнездо, красноармейцы открывали ураганный огонь из всех стволов, но снайпера там уже не было – хитрый финн на веревке сразу же спускался под прикрытием толстого ствола

сосны в заранее выкопанный блиндаж, где и пережидал обстрел. Иногда, по обстоятельствам, чтобы успокоить противника, финн тянул за веревку и стягивал из снайперского гнезда чучело в маскхалате с винтовкой, которое очень красиво падало, переваливаясь с ветви на ветку, или застревало между ветвями в самой неестественной позе. После обстрела снайпер вылезал из блиндажа, поднимался на дерево и опять принимался за свою работу.

По дереву снова начинали стрелять. Обычно из пулеметов «максим» (он устойчив при стрельбе и обеспечивает очень точный и прицельный бой) дерево расстреливали вдоль и поперек, пока оно не падало. Но пока пулеметчики, глотающие от стрельбы, увлеченно «пилили» дерево, другой финн со стороны расстреливал всех, кто находился сзади пулеметчиков, а потом принимался за них самих. Пулеметчики прекрасно глушили выстрелы финского снайпера.

Финские «кукушки» сидели на деревьях поочередно – пока один высматривал добычу, другой спокойно отсыпался внизу, в утепленном блиндаже. Таким способом на лесных дорогах обеспечивалось круглосуточное дежурство, что препятствовало проникновению советских разведдиверсионных групп за линию фронта.

Для финских снайперов не было разницы, на какой стороне линии фронта стрелять – на своей или сопредельной. При наступлении Красной Армии множество финских снайперов оставалось сидеть замаскированными в сугробах, вблизи прогнозируемого расположения стратегически важных объектов Красной Армии: аэродромов (на озерах, покрытых льдом), артиллерийских батарей, штабов, узлов связи, коммуникаций, транспортных развязок, сосредоточения живой силы и т. д. Обычно это были ровные места в лесах, защищенные по периметру складками местности, вычислить которые было довольно легко.

Финские снайперы, выждав время, начинали действовать в самый неожиданный момент. Брошенные на захват и поимку «кукушек» подразделения разведчиков подрывались на минах, которыми финн заблаговременно окружал позицию. Но даже оставшиеся в живых возвращались ни с чем. Финский снайпер вставал на лыжи и уходил к своим. Выросшему на севере финну пройти зимой 100–120 км на лыжах и заночевать в снегу при температуре минус 40° было обычным делом.

Но боевого искусства снайперов-«кукушек» советское руководство не признавало и в неудачах обвиняло младших командиров (боявшихся проявить инициативу и сделать шаг вправо-влево от уставов). Высокое начальство призадумалось только тогда, когда «кукушки» расстреляли несколько штабных автомашин с представителями командования вместе с сопровождающей их свитой. Расстрелы происходили в разных местах, но по одному сценарию: финский снайпер простреливал заднее колесо, обездвиживая машину, и спокойно расстреливал всех, кто в ней находился. Только после этого командование стало понимать, что надо организовывать встречные засады на путях выдвижения финских снайперов. Но было поздно. Финская кампания окончилась. Финские снайперы понесли мало потерь, и ни один не был захвачен в плен живым.

Снайперы-«кукушки», свободно перемещавшиеся в лесах, причиняли РККА много неприятностей в диверсионном плане. Летчики рассказывали, как «кукушки» открыли шлюзы озера, на льду которого они расположили аэродром. При лунном свете больше двух десятков боевых самолетов начали проваливаться под лед. Зрелище было страшное. Огнем снайперских винтовок финны не давали приблизиться к шлюзам и закрыть их.

Впрочем, стоит заметить, что и сами советские войска представляли весьма заманчивую мишень. Как сказал один из финских солдат: «Мне нравится воевать с русскими, они идут в атаку в полный рост». Тактика массированного наступления, «человеческой волны», обернулась в той войне огромными потерями для Советского Союза.

Разработанная финнами тактика работы снайперов в зимнее время оказалась настолько удачной, что впоследствии ее применяли и русские, и немцы. И даже сейчас к ней добавить практически нечего.

Развитие снайперского дела в СССР

После финской войны советское командование сделало соответствующие выводы. Для снайперского применения были разработаны новые образцы снайперского оружия – винтовка СВТ и оптический прицел универсальный ПУ, который оказался настолько удачным, что применяется и по сей день. В то же время была обобщена общевойсковая снайперская тактика и разработана практическая методика стрелковых тренировок, пригодная для широкого применения. Немцы перед Второй мировой войной тоже разрабатывали снайперские методики и основную ставку при этом сделали на высокую технику меткого выстрела. Подготовка снайпера в довоенной Германии длилась не менее двух лет. Надо отдать должное, немецкие снайперы стреляли очень хорошо, и подготовлено их было большое количество. Мы же, к сожалению, в снайперском плане к войне подошли недостаточно подготовленными.

Советские снайперы пользовались разными винтовками, в том числе германскими – ведь в 1929 году СССР был в хороших отношениях с Веймарской Германией. Пользовались разовыми винтовками, спортивными винтовками, которые начали изготавливаться, например, в Туле. И в том же году открываются снайперские курсы ОСОАВИАХИМа. Уже через 6 лет, к 1935 году, в ОСОАВИАХИМе действует 11 снайперских школ. Было развернуто движение «Ворошиловских стрелков». Но это было массовое движение за овладение меткой стрельбой, которая нужна любому солдату. Были учреждены значки «Снайпер ОСОАВИАХИМа» и «Ворошиловский стрелок». С такими значками ходили выпускники снайперских школ до 1938 года включительно.

Если к 1940 году около 6,5 миллиона человек в СССР сдали нормативы на «Ворошиловского стрелка», то на снайпера ОСОАВИАХИМа – около 6–7 тысяч человек, т. е. это были именно снайперы. Есть хорошая английская поговорка: «Всякий снайпер – хороший стрелок, но не всякий хороший стрелок – снайпер».

К началу Великой Отечественной войны Красная Армия располагала значительными кадрами снайперов. Чувствительный урон, наносимый советскими снайперами, побудил немцев к производству в большом масштабе оптических прицелов и обучению снайперов.

Невиданного размаха в СССР в 30-е годы достиг стрелковый спорт, причем стрелки-спортсмены отрабатывали упражнения, имеющие непосредственное отношение к «длинному» снайперскому выстрелу, например: стрельба из крупнокалиберной винтовки лежа на 300, 400, 500 и 600 метров по четырем целям; дуэльная стрельба из армейской винтовки на 300 метров с перебежкой; «минутка» – стрельба из армейской винтовки лежа на 300 метров в течение 1 минуты, количество выстрелов не ограничено; стрельба из малокалиберной винтовки лежа на 200 метров, 40 выстрелов и т. д. За один только зимний период 1932/33 года в школах снайперов подготовлено 460 стрелков и переподготовлено 186 начальников стрелковых отделов и секторов организаций ОСОАВИАХИМа. В октябре 1933 года создается Центральный стрелковый клуб оборонного общества, ставший учебно-методическим и организационным центром развития пулевой стрельбы. В течение 1935 года организациями ОСОАВИАХИМа обучено свыше 3000 снайперов для армии. Уже в 1936 году в СССР действовало 11 снайперских школ. Всего же с 1935 по 1940 год было обучено 13 000 снайперов различной квалификации.

«Маскировочная накидка». СССР, 1932 г.

Говоря о всплеске стрелкового спорта и снайпинга в 1930-е годы, нельзя не назвать имя А.А. Смирнского. Участник V Олимпийских игр 1912 года и победитель 1-й Всероссийской

олимпиады 1913 года, он стал инициатором первых всесоюзных стрелковых соревнований, конструировал спортивное и специальное оружие. Из созданных Смирнским малокалиберных винтовок учились стрелять тысячи советских спортсменов, а разработанный им кронштейн для крепления оптического прицела на армейской винтовке без существенных изменений простоял на снабжении РККА до конца 1930-х годов.

Еще в 1929 году после ознакомительной поездки в Германию И.П. Уборевич, бывший в то время начальником вооружений РККА, писал К.Е. Ворошилову: «Каждый пятый или восьмой стрелок, по расчетам немцев, будет на винтовке иметь оптический прицел, значительно увеличивающий меткость стрельбы бойца. Приспособление к нашей винтовке оптического прицела требует улучшения стали, из которой изготовлен ствол... Мое резюме таково, что и нам не нужно скупиться на переход вооружений пехоты под оптический прицел, т. к. это окупится лучшими результатами действия в бою».

Подготовка снайперов Красной Армии

Большое значение для зарождающейся в нашей стране системы обучения «сверхметких стрелков» имело разработанное в 1933 году инспекцией пехоты и стрелковой подготовки РККА наставление «Методика стрелковой подготовки и курс стрельб для подготовки снайперов». Здесь впервые в отечественной практике были обобщены наиболее важные сведения, касающиеся организации и проведения учебных снайперских сборов. Например: «В современном бою на снайперов могут возлагаться следующие задачи: уничтожение лиц командного состава противника, его органов наблюдения и связи; подавление огневых средств противника, особенно хорошо замаскированных; ослепление бронированных машин противника; борьба со снижающимися самолетами противника. Снайперы ведут огонь по наземным целям из винтовок с открытым прицелом до 1000 метров, с оптическим – до 1500 метров. Вообще же стрельба для снайперов возможна в пределах нарезки прицела, с учетом видимости цели, важности и возможности ее поражения». Обратим внимание на то, что в числе боевых задач снайпера не была указана одна очень важная – борьба со снайперами противника.

Относительно огневой подготовки снайперов считалось, что «она складывается из проработки следующих задач:

- а) производство выцеленного, точного и уверенного выстрела по неподвижной цели при стрельбе с обыкновенным и оптическим прицелом;
- б) производство быстрого выстрела для поражения внезапно появляющихся на короткий срок целей;
- в) поражение быстродвигающихся наземных целей;
- г) производство меткого выстрела из различных положений, с упора из-за укрытий при стрельбе с обыкновенным и оптическим прицелом;
- д) поражение воздушных целей противника;
- е) быстрое поражение нескольких целей с переносом огня по фронту и в глубину;
- ж) ведение огня при различной видимости цели; ведение огня в составе группы снайперов».

К прохождению снайперского курса стрельб допускались только бойцы, выполнившие при обучении зачетные задачи стрельб из винтовки на «отлично» и сдавшие специальное упражнение на классификацию.

Первоначальную снайперскую подготовку красноармейцы получали на 45-дневных сборах, где прорабатывались все стрелковые задачи курса стрельб. Помимо собственно стрельб снайперам во время учебы надлежало решать также и тактические задачи, такие, как разведка и оценка местности, выбор места для огневой точки и оборудование ее, составление стрелковой карточки и простейшего чертежа местности, наблюдение за полем боя, отыскание и рас-

познавание целей, определение расстояний, выбор момента открытия огня, выбор прицела и точки прицеливания, выбор положения для стрельбы и момента для производства выстрела, наблюдение за результатами огня. Примечательно, что при отработке тактических задач рекомендовалось для наглядности использовать в качестве целей живых людей (естественно, применялись только учебные патроны), при этом занятие приобретало форму встречного огневого столкновения.

Характерным для того времени было специальное упражнение, выполняемое в полной темноте: стрельба велась с дистанции 150 метров по цели, изображающей курящего в окопе вражеского наблюдателя. Меткая пуля, летящая из темноты на огонек сигареты, – этот образ остался еще со времен Англо-бурской войны.

Показательно, что цель «ручной пулемет» снайпер РККА должен был поражать не более чем со второго выстрела с расстояния в 800 метров, появляющуюся на 4 секунды «головную фигуру» (дистанция 250 м) – с первого выстрела, движущуюся по фронту «головную фигуру» (дистанция 300 м) – со второго выстрела. Все это свидетельствует о высоком стрелковом мастерстве первых советских снайперов, а также о хороших боевых качествах винтовок и оптики.

Снайперский расчет РККА отражает «химическую атаку» противника. Маневры 1934 г.

Интересно, что с учетом низкого образовательного уровня красноармейцев для решения задач по выбору точки прицеливания по различным целям на разные дистанции в наставлении рекомендовалось изготовление макета средних траекторий в натуральную величину – от 200 до 1000 метров. Провешивалась линия, на которой через каждые 50 метров в створе друг с другом вбивались стойки; на каждой стойке на определенной высоте, соответствующей средней траектории пули на этой дистанции, имелся гвоздик с надписью – каково превышение и для какого прицела. При показе нужной траектории на эти гвоздики подвешивался шнур, в соответствующих точках устанавливались мишени.

Особое внимание уделялось отработке приемов ведения огня из различных положений. Наибольший интерес сегодня вызывает широко практиковавшийся в 1930–1940-е годы способ использования при стрельбе штатного ружейного ремня, из которого получалась удобная петля, почти как на спортивном оружии. Несмотря на то что со времени выхода в свет этого пособия прошло восемьдесят лет, к этой методике тренировок «сверхметких стрелков» мало что можно добавить и сегодня.

Еще до начала Великой Отечественной войны советские снайперы получили боевое крещение во время военного конфликта на Карельском перешейке в 1939–1940 годах. Это была странная война: большая, прекрасно вооруженная и механизированная Красная Армия в течение полугода с огромным трудом и тяжелейшими потерями пыталась сломить сопротивление совсем небольшой (около 100 тысяч человек) финской армии. Многие советские солдаты и офицеры не были готовы к тому, что им придется столкнуться с малыми, очень подвижными отрядами лыжников, многочисленными минами-ловушками и знаменитыми снайперами-«кукушками». Участник боев на Карельском перешейке позднее вспоминал: «Замечаем: пули ложатся вокруг нас. Откуда они? Вдруг падает пулеметчик. Спрашиваем: «Куда ранен?» – «В затылок», – отвечает наклонившийся к нему товарищ.

Значит, стреляют с тыла. Начинаем осматривать деревья. Ветви густые, завалены снегом. Замечаю, что ветви одной из елей чуть-чуть колышутся. Всматриваюсь через прицел снайперской винтовки и вижу: «люлька», а на ней ноги в пьексах. Стреляем. С дерева падает человек. Подбегаем: белофинн с автоматом.

Осматриваем другие деревья; на некоторых замечаем тоненькие полоски – круговые срезы коры, вглядываемся: на каждом из таких деревьев устроены «люльки», но людей нет, очевидно, эти деревья подготовлены «про запас».

...В первые минуты мы думали, что сбитые нами белофинны – случайные люди, отрезанные от своих и спрятавшиеся на деревьях, чтобы вредить в наших тылах. Тогда мы еще не знали, что подобный способ войны – система, которую враг станет применять по всему фронту». (И. Кульпин. «Бои в Финляндии».)

Финский снайпер

Тактика партизанской войны и мелких диверсий, проводимая малочисленной финской армией, принесла свои плоды: по оценкам (вероятнее всего, спекулятивным) некоторых военных историков, потери советских войск были очень большими, при этом можно полагать, что значительная часть солдат была уничтожена именно снайперами. Финские «кукушки» отработали основные тактические приемы, которые позднее советские снайперы с успехом применили против немцев. Например, работа снайпера в контакте с пулеметчиком и подрывниками. «Кукушки» также придумали зимнее снайперское укрытие «финский сугроб», использование ложных позиций для отвлечения противника, минирование покидаемой «лежки» и многое другое.

Бывший сотрудник НКВД СССР С.А. Ваупшасов в мемуарах пишет: «Умный и коварный противник оставлял на занятой нами земле многочисленные подразделения стрелков и автоматчиков, целые лыжные батальоны с задачей дезорганизовать функционирование войсковых тылов, рвать коммуникации, нападать на госпитали, штабы, склады. Легкие, подвижные группы шюцкоровцев были мастерами такой вот «малой войны» и доставляли нашему командованию много хлопот.

На борьбу с диверсионными отрядами были брошены пограничные батальоны и другие войска НКВД. Базируясь в тылу действующей армии, мы охраняли подъездные пути, линии связи, тыловые учреждения, отслеживали, вылавливали и уничтожали вражеских лыжников...

Наибольшую опасность представляли одиночные финские автоматчики и снайперы, засевшие на деревьях в белых маскировочных халатах и совершенно сливавшиеся со стволом и ветками, запорошенными снегом. Советские бойцы прозвали их «кукушками», видимо, за одиночество и «древесный» образ жизни. «Кукушки» имели задачу выводить из строя командный состав. Наши командиры и политработники очень скоро перестали носить далеко видные знаки различия, но «кукушки» все же ухитрялись узнавать начальников по кобуре пистолета, портупее, командирским полшубкам и стреляли без промаха. Ни на минуту нельзя было снять маскхалат, чтобы не выделиться из среды бойцов». (С.А. Ваупшасов. «На тревожных перекрестках».)

Финны проиграли войну на всех направлениях, кроме одного. Противопоставить партизанской войне Красной Армии было практически нечего. Возможно, это одна из причин того, почему СССР не стал оккупировать «страну Суоми». Ведь в этом случае «малая война» разгорелась бы с новой силой и затянулась на годы, а финны уже показали, на что они способны.

Характерно, что, по сути, финны применили против Красной Армии ту самую тактику «малой войны», которая в 1920-е годы была разработана советскими военачальниками – М.В. Фрунзе, И.П. Уборевичем, А.И. Егоровым, В.М. Примаковым. Фрунзе еще в 1921 году писал в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия», что «если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка к «малой войне» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».

Многие военные специалисты до сих пор полагают, что подрыв важнейших мостов, массированное минирование дорог, засады и снайперский террор с первых часов вторжения могли бы резко снизить скорость немецкого блицкрига, если бы советское командование применило тактику мелких подразделений в 1941 году. Кстати, это мнение поддерживал и «советский диверсант № 1» – Илья Григорьевич Стаинов: «Опустошение территории при отходе командование финляндской армии дополняло действиями партизанских снайперов и различного рода минами. Все это составляло значительные трудности для Красной Армии». (И.Г. Стаинов. «Мины замедленного действия».)

Вторая мировая война

В ходе Второй мировой значение снайперского огня возросло. Не случайно в отчетах о боях действия снайперов противника часто упоминались в одном ряду с работой артиллерии и авиации, нередко вообще большинство потерь от огня стрелкового оружия списывалось на снайперов.

Красная Армия уже имела случай убедиться в значении снайперов во время советско-финской войны 1939–1940 годов. Умелые действия финских снайперов заставили пересмотреть собственные программы подготовки. В результате РККА оказалась готовой к широкому использованию снайперов в составе подразделений. В начальный период Великой Отечественной в частях Ленинградского фронта зародилось снайперское движение, вскоре распространившееся и в морской пехоте РККФ, и в войсках НКВД. Для повышения авторитета снайперов вводились неофициальные звания типа «знатный снайпер», выдавались именные винтовки. 21 мая 1942 года в числе нагрудных знаков утвердили знак «Снайпер». «Боевой устав пехоты 1942 года» определял задачи снайпера так: «Уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей». Предполагалась самостоятельность снайперов в выборе позиции, целей и ведении огня. Указывались и задачи снайперов в ходе боя в особых условиях – в лесу, в населенном пункте.

Снайперское движение в РККА

Во время Великой Отечественной войны советское военное руководство хорошо понимало возможности даже одного качественно подготовленного снайпера, тем более снайпера-инструктора, способного в течение короткого срока подготовить десятки стрелков. Поэтому в Центральной школе инструкторов снайперского дела (ЦШИСД) учебный курс был рассчитан на 6 месяцев. Полугодовая подготовка снайпера в период войны, и это в то время, когда боевого летчика учили за 3–4 месяца!

В первые месяцы войны подготовка лучших стрелков была заботой частей и соединений передовой линии фронта. Обучение шло в запасных учебных частях, на краткосрочных курсах непосредственно в боевых порядках войск, велось путем непосредственного общения лучших снайперов части со своими товарищами и их совместными выходами на боевые позиции. Такая форма общения имела как положительные стороны, так и недостатки. Никакая теория не может заменить практику – работу снайпера в боевых порядках своего подразделения. Процесс приобретения боевого опыта гораздо эффективнее, когда рядом с обучаемым находится опытный наставник.

Но командование понимало необходимость централизованной подготовки «сверхметких стрелков». Еще 18 сентября 1941 года вышло постановление о всеобщем обязательном военном обучении граждан СССР, которое дало возможность организовать военную подготовку населения без отрыва от производства. Программа обучения была рассчитана на 110 часов. Кроме других военных специальностей (пулеметчик, минометчик, связист), учеба шла и по линии снайпинга. Все же готовить снайперов в такие сжатые сроки было крайне трудно, поэтому вскоре было принято решение открыть специальные «школы отличных стрелков снайперской подготовки» (ШОССП) при военных округах. Обучение шло в течение 3–4 месяцев уже с отрывом от производства. Один только Московский военный округ имел три такие школы. В качестве преподавателей привлекались инструкторы по снайпингу ОСОАВИА-ХИМа, который, как и в мирное время, продолжал готовить снайперские кадры в своих шко-

лах. Кроме того, было решено организовать централизованную подготовку снайперов высокой квалификации с инструкторскими навыками. Для этого 20 марта 1942 года в Вешняках под Москвой была создана школа инструкторов-снайперов.

Уже первые месяцы работы школы показали, что крайне необходимо централизованно готовить не только инструкторов, но и рядовых снайперов высокой квалификации. Поэтому 15 мая 1942 года было предложено сформировать при школе 3-месячные курсы для обучения снайперов. Сроки же подготовки в школе инструкторов-снайперов с 18 июля 1942 года были увеличены до 6 месяцев.

«Снайпер бьет издалека, но всегда наверняка!» Советский плакат. 1942 г.

Снайпер Красной Армии. 1941 г.

Применение снайперов на фронте показало, что наравне с мужчинами очень высокую стрелковую выучку и эффективность в боевой работе показали девушки-снайперы, подготовленные учебными подразделениями Всеобщего военного обучения (Всевобуча). На 1 января 1942 года в этой структуре было обучено 14 819 девушек-снайперов, а в марте – августе того же года – еще 39 941. Школа инструкторов-снайперов была переименована в Центральную школу инструкторов снайперского дела с 6-месячным сроком обучения. Одновременно этим же приказом при ЦШИСД были сформированы женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки (ЖКОССП) и школа отличных стрелков снайперской подготовки с 3-месячным сроком обучения. Позднее, 21 мая 1943 года, женские курсы были реформированы в Центральную женскую школу снайперской подготовки. На всех фронтах Великой Отечественной войны воевало 1885 девушек-снайперов, выпускниц ЦЖШСП, около 180 человек погибло. В частности, в составе 3-й ударной армии боевой путь от Великих Лук до Берлина прошла рота первых выпускниц школы, уничтоживших 3012 фашистов.

К середине 1943 года в основном были закончены все крупные мероприятия по централизованной подготовке снайперских кадров для Красной Армии. За время войны в системе Всевобуча было проведено семь очередей подготовки. Первая очередь обучалась в 1941 году; в 1942–1944 годах было осуществлено по две очереди подготовки. За это время в общей сложности было обучено 428 335 отличных снайперов, которые существенно усилили боевые порядки пехотных частей. Помимо этого, в учебных формированиях центрального подчинения было подготовлено 9534 снайпера высокой квалификации. В центральной школе снайпинга обучение шло до марта 1945 года.

Большой вклад в организацию централизованной подготовки снайперских кадров внес генерал-лейтенант Г.Ф. Морозов. Возглавляя один из отделов Генерального штаба, он накапливал и анализировал боевой опыт советских снайперов. Его книги «Методика огневой подготовки снайпера» и «Памятка снайперу» оказали неоценимую помощь при обучении снайперов во фронтовых частях.

Подготовка снайперов развернулась на специальных сборах, в снайперских школах, включая созданную в мае 1943 года Центральную женскую снайперскую школу. Для повышения квалификации снайперов практиковались армейские и фронтовые слеты. Обучали снайперов и на курсах, созданных при штабах партизанских соединений и крупных партизанских отрядов. Солидную базу для развития снайпинга подготовила предвоенная работа ОСОАВИА-ХИМа, а активно развивавшийся в 20 – 30-е годы стрелковый спорт обеспечил основные кадры снайперов. Имена М. Буденкова, Н. Галушкина, Ф. Дьяченко, В. Зайцева, Н. Ильина, Ф. Охлопкова, И. Сидоренко, Г. Симанчука, Ф. Смолячкова, М. Пассара, Л. Павличенко, В. Пчелинцева, М. Поливановой, З. Поповой стали широко известны. Ряд немецких авторов, оценивая после войны бои на Восточном фронте, отмечали хитрость и хорошую подготовку советских снайперов.

Советская девушка-снайпер

Стала разнообразнее и тактика снайперов – они действовали в составе подразделений, отдельными командами, поодиночке и по двое. Наиболее эффективной считалась работа снайперов в паре, когда они поочередно выполняли функции наблюдателя и истребителя. Началось и широкое применение бесшумных винтовок – в основном это были штатные винтовки с глушителями типа «Брамит» (прибор «Братьев Митиных»).

В 1945 году, уже после окончания войны, американская пресса писала: «Русские снайперы показали огромное мастерство на немецком фронте. Они побудили немцев на производство в большом масштабе оптических прицелов и обучение снайперов».

Эталоном в снайперской подготовке периода Великой Отечественной войны является Центральная школа инструкторов снайперского дела, находившаяся в Вешняках под Москвой. Примером того, как готовили снайперские кадры в этой подмосковной школе, может служить свидетельство одного из инструкторов о подготовке даже не мужчин, а девушек-снайперов: «Трехлинейную винтовку и снайперскую СВТ-40 девушки научились разбирать чуть ли не с закрытыми глазами. Но прежде чем произвести первый выстрел боевым патроном, им пришлось многое усвоить. Нужно было изучить принцип действия прицела, почти автоматически уметь определять расстояние до цели, скорость ветра, скорость движения цели и быстро производить соответствующие расчеты. Требовалось упорно тренировать зрение, наблюдательность, отрабатывать твердость руки, умение плавно нажимать на спусковой крючок».

Курсантки осваивали правила маскировки, учились ползать по-пластунски и быстро делать перебежки, оборудовать стрелковые ячейки – основную, запасную и ложные, обеспечивая этим тщательную маскировку. Большое значение придавалось стрельбе из любого положения.

В казармах изучались лишь теоретические дисциплины и материальная часть. В осенний дождь, в зимнюю метель, в летний зной девушки с полной солдатской выкладкой шли на занятия. А идти до стрельбища надо было 7 километров. Девушки должны были уметь выполнять обязанности бойцов стрелкового отделения, стрелять из ручного и станкового пулемета, противотанкового ружья. Их также обучали приемам штыкового боя, метанию гранат и бутылок с зажигательной смесью.

В конце обучения – 70-километровый марш-бросок с полной выкладкой. В нем проверялись знания и умение снайперов применять на практике боевые навыки, полученные в школе. К концу обучения девушки уже отлично выполняли такие упражнения, как стрельба на расстояние 1000 метров по «станковому пулемету», с 800 метров – по «перебежчику», с 500 метров – по «грудной» фигуре, с 250 метров – по «стереотрубе». Центральная женская школа работала 27 месяцев, за это время было проведено три основных набора.

Своеобразным было отношение фронтового командования к «снайпершам». По воспоминаниям одной из выпускниц Центральной женской школы Лидии Гудованцевой: «Приняли нас в штабе 1-й ударной армии душевно, все подходило к нам, чтобы взглянуть... Пригласили в политотдел. Там поинтересовались: все ли мы взвесили, а может, кто передумал, то можно и другие обязанности выполнять – в штабе работы хватает». Не правда ли, довольно странно: прибывшим на фронт кадровым снайперам предлагают работу в штабе – вдруг кто-нибудь не готов к боевой работе на передовой? Это свидетельство того, что старшие офицеры не принимали девушек-снайперов всерьез.

Снайпер Балтийского флота. ВОВ

Помимо централизованной подготовки снайперских кадров было организовано обучение стрелков непосредственно во фронтовых частях. Снайперские школы формировались в масштабе армий со сроком обучения до трех месяцев, в зависимости от условий и боевой обстановки. В стандартную программу подготовки входило изучение правил обращения с оружием и оптическим прицелом, определение дальности до цели, проверка боя оружия, изучение

основ баллистики, выбор позиции для ведения огня и маскировка. Только снайперские школы Ленинградского фронта подготовили 1337 снайперов.

Война требовала немедленного действия, и поэтому в Красной Армии упор делался на физическую выносливость снайпера, маскировку и массовость. Основой специальной тактики стал снайперский террор. Тактика эта в условиях широкомасштабного военного конфликта оказалась единственно правильной и применялась до конца Второй мировой войны. В первые месяцы войны подготовленных снайперов в РККА не было. Солдаты и офицеры овладевали снайперским мастерством по ходу боевых действий. Позднее, в 1942 году, стали функционировать сначала трехмесячные, а затем шестимесячные снайперские курсы. Но этого было недостаточно. Во второй половине войны срок обучения снайперов был увеличен до восьми месяцев в специализированных снайперских школах.

Во время Великой Отечественной и в последующих вооруженных конфликтах наше снайперское движение оказалось результативнее немецкого и прочих благодаря не только массовости, но главным образом беспредельной русской изобретательности, нечеловеческой выносливости и адскому терпению, способности работать в грязи, снегу, под палящим солнцем. Способность советских снайперов из вроде бы достаточно простого оружия – трехлинейной винтовки – попадать противнику между глаз с расстояния 700–800 метров старослужащие помнят до сих пор. На войне время спрессовывалось. Жестокая необходимость обостряла восприимчивость и заставляла человеческий организм работать на грани невозможного. На что в мирное время требовались годы, на войне уходили месяцы и недели. В экстремальных жестоких условиях человек довольно быстро превращался в то, что сейчас называют модным термином – ниндзя. Боевое искусство советские снайперы довели до совершенства, и до наших японским снайперам-ниндзя было далеко.

Снайперы действовали очень изобретательно. Например, отец автора вспоминал, как действовал на их участке фронта взвод снайперов-«гастролеров». Прибыв на передовую, снайперы залегли цепью вдоль линии обороны. Затем с какого-то пригорка в сторону немцев была пущена железная бочка, частично наполненная различным металлическим хламом и оглушительно гремевшая на каждой неровности рельефа. В итоге из вражеской траншеи на непонятный звук обязательно выглядывало несколько любопытных голов, а снайперы их всех поражали беглым огнем. После этого взвод переходил на новый, еще «не паханный» участок фронта и повторял свой трюк снова.

Сталинград: война снайперов

Говоря о снайперском движении во время Великой Отечественной, нельзя не остановиться подробнее на опыте Сталинградской битвы – сражения, небывалого по плотности снайперского огня.

В приказе командующего Сталинградским фронтом от 29 октября 1942 года «О развитии снайперского движения и использовании снайперов в борьбе с врагом», в частности, говорилось:

1. Во всех частях создать команды снайперов и организовать их подготовку в ходе боев.
2. В каждом взводе иметь не менее 2–3 снайперов.
3. Действия снайперов широко популяризировать, всяческие успехи в бою всемерно поощрять.

Самым известным снайпером Сталинграда, безусловно, является Василий Зайцев, уничтоживший 242 немецких солдата и офицера, в том числе руководителя берлинской снайперской школы майора Конингса. Всего же группа Зайцева за четыре месяца боев уничтожила 1126 военнослужащих противника. Соратниками Зайцева по оружию были Николай Ильин, имевший на своем счету 496 немцев, Петр Гончаров – 380, Виктор Медведев – 342. Следует

отметить, что главная заслуга Зайцева – не в его личном боевом счете, а в том, что он стал ключевой фигурой в развертывании снайперского движения среди руин Сталинграда.

Уличный бой, особенно в крупном городе, резко отличается от полевого боя. Борьба здесь идет за отдельные дома, а внутри домов – за этаж, лестничный пролет, квартиру. Большое расчленение, дробность боевых порядков подразделений и частей, действующих мелкими штурмовыми группами, – вот одна из главных особенностей городского боя. В Сталинграде противоборствующие стороны располагались не далее ста метров друг от друга, местами даже до двадцати пяти метров. Во многих местах тяжелые огневые средства и штурмовая авиация не могли вести огонь, не рискуя нанести удар по своим позициям. Поэтому в борьбе за огневую инициативу решающая роль принадлежала гранатометчикам, стрелкам противотанковых ружей (ПТР), и в первую очередь снайперам.

Василий Зайцев начал действовать в одиночку на узком участке своей роты (протяженностью около 200 м) у метизного завода, к тому времени уже почти полностью разрушенного. Обе стороны внимательно следили друг за другом. Каждое неосторожное движение, каждая оплошность немедленно наказывались.

В этих условиях Зайцев начал свою охоту за фашистами. Известно, что в полевом бою снайперы обычно стремятся выдвинуться к переднему краю противника, поближе к объектам своего наблюдения и огня. Так сначала действовал и Зайцев. Но когда начал наткаться на вражеских снайперов, подстерегающих и сковывающих его, то, естественно, попытался уйти из сферы их огня, в то же время не упуская их из пределов досягаемости своей винтовки. Позиции немецких снайперов на этом участке располагались в глубину на дистанциях, обычно не превышающих 800 метров. С более дальних дистанций немецкие снайперы не вели огня. Их посты гнездились ближе к переднему краю. Тогда Василий в поисках огневых позиций стал уходить от переднего края в глубину нашего расположения, удаляясь от немецких снайперов на дистанцию до 1000 метров. Немцам было уже труднее обнаружить советского стрелка.

Бороться с немецкими снайперами в одиночку становилось все труднее. Тогда возникла мысль об организации группы снайперов. Василий Зайцев ходил в роты, подолгу беседовал с бойцами, отбирая людей в снайперскую группу. Отобрал 30 человек. Учеба шла тут же, недалеко от переднего края.

Начинающего снайпера всегда выпускали в паре со «стариком». Это целиком себя оправдало. Боевую задачу группе обычно ставил командир батальона. Но часто по приказу командира части группе приходилось работать и в соседних подразделениях, играя роль своеобразного маневренного огневого средства.

В ноябре, когда шла оборона метизного завода, немцы начали сосредотачиваться перед фронтом соседней части, в овраге, рядом с нашими передовыми траншеями. Потребовалась помощь снайперов. Зайцев с пятеркой снайперов через полчаса заняли новые позиции, в полукилометре от прежних. С ними был капитан Ракитянский, старый сибирский охотник. Как только немцы показались из-за домов, снайперы открыли огонь. За несколько минут враг потерял более двух десятков убитыми и отказался от штурма, который готовил. В другой раз шестерка снайперов, заблаговременно подготовившая огневые позиции на новом участке, уничтожила за день 45 гитлеровцев.

Снайперская группа была разбита на отделения, по три пары в каждом. Пары и отделения занимали позиции так, чтобы были обеспечены огневое взаимодействие и взаимная поддержка. Старшему каждой шестерки, командиру отделения, Зайцев сам назначал сектор наблюдения и обстрела, ставил определенную огневую задачу.

Приходя на новый участок, снайперы обычно первый день посвящали наблюдению и разведке. Еще на исходной позиции (укрытом месте в тылу участка обороны) снайперы получали информацию, собранную старшим группы у командиров, наблюдателей, разведчиков и артиллеристов. Информация эта помогала Зайцеву правильно разбить секторы наблюдения между

отделениями. Стрелять в первый день запрещалось. Хотя и чесались руки у молодых снайперов, но после гибели снайпера Дмитриева, который успел сделать всего один выстрел, не изучив предварительно расположение снайперских гнезд врага и необдуманно выбрав огневую позицию, все стали твердо держаться этого пра вила.

Ночью шло оборудование огневых позиций – истинных и ложных. Долбились амбразуры в стенах домов. Истинные позиции тщательно маскировались. Маскировка ложных позиций требовала не меньшего труда: противник должен был принять их за истинные. В амбразуре ложной позиции устанавливали чучело-макет стрелка с винтовкой – чучело падало при попадании пули вражеского стрелка.

На каждого снайпера оборудовалось несколько позиций, иногда до пяти. Советские снайперы держались правила: менять позицию после каждого выстрела! Выбор и оборудование снайперских позиций в городском бою имеют решающее значение. Вот почему по утрам, когда снайперы занимали места, Василий Зайцев лично обходил их, проверял, как оборудованы позиции, и «закрывал» неудачно выбранные.

Деревянных домов избегали, так как они быстро загорались при обстреле. Позиции старались выбирать, следуя уже накопленному боевому опыту, на удалении 800–1000 метров от немецких снайперов, на верхних этажах, карнизах и чердаках каменных зданий, которые давали хороший обзор. Устроив и замаскировав амбразуру, снайпер обычно располагался в глубине здания, чтобы не быть замеченным и не обнаруживать себя выстрелом.

Пока группа действовала на участке, Зайцев каждый день изучал журналы наблюдателей, донесения разведчиков. Пехотных наблюдателей старший группы извещал, что в их районе действуют такие-то пары снайперов. По вечерам, когда снайперы собирались на исходной позиции, подводились итоги дня, уточнялась задача на завтра. Журналы пехотных наблюдателей позволяли также контролировать эффективность огня снайперов. Для связи между снайперскими отделениями использовали телефон и другие средства, а также посыльных. Сигналы общей смены позиций или отхода на исходную подавались ракетами.

Снайперы группы Зайцева были, вероятно, первыми, кто пришел к выводу о необходимости создания крупнокалиберного снайперского оружия: они пробовали устанавливать оптический прицел на противотанковое ружье, чтобы увеличить дальность и эффективность снайперского огня. Две пары снайперов имели, кроме винтовок, противотанковые ружья и вели кинжальный огонь по целям, которые трудно было поразить снайперской пулей: по хорошо защищенным амбразурам, укрытым пулеметами, танкам и самолетам. Одно время долго охотились за машиной, которая часто подходила к городской больнице, где немцы метрах в шестистах от переднего края устроили кухню. Снайперам удавалось снимать одного-двух фрицев, остальные успевали спрятаться, а машина уходила невредимой. Ее вывели из строя бронебойно-зажигательными пулями двух ПТР.

Так действовала наша группа в обороне. Когда же началось знаменитое сталинградское наступление, снайперы вошли в состав блокирующих групп. Они участвовали в огневой подготовке и обеспечении атаки штурмовых групп. Точным огнем по быстро скрывающимся целям снайперы расчищали дорогу пехотинцам, которые врываются в дома, занятые врагом, и истребляли его гранатой и штыком. В этих боях сталинградские снайперы показали высокое искусство меткого скоростного выстрела и стрельбы навскидку.

В 13-й гвардейской стрелковой дивизии 98 снайперов уничтожили 3879 солдат и офицеров, в 39-й гвардейской стрелковой дивизии 70 снайперов имели на своем счету 2572 человека. В среднем же в 62-й и 64-й армиях, оборонявших Сталинград, на одного снайпера приходилось по 25–30 убитых немцев. По самым же приблизительным подсчетам, за период Сталинградской битвы советские снайперы уничтожили свыше 10 000 немецких солдат и офицеров.

Стрелки НКВД

Особая практика использования снайперов бытовала в это время в войсках НКВД. После тренировок и специальной подготовки «сверхметкие стрелки» выезжали на боевую стажировку в действующую армию. Такие снайперские команды обычно насчитывали от 20 до 40 человек, срок командировки – от 10 дней до месяца. Таким образом, значительная часть личного состава не только получала специальную подготовку, но и проходила обкатку в реальных условиях передовой. Например, в 23-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог за годы войны подготовлено 7283 снайпера, все они прошли боевую стажировку.

В докладной записке «О боевой деятельности снайперов войск НКВД СССР по охране важных предприятий промышленности за период с 1 октября 1942 г. по 31 декабря 1943 г.» говорится: «... Части войск за истекший период прошли практику в боевых порядках действующей Красной Армии, причем некоторые из них по 2–3 раза. В результате боевой работы снайперами войск уничтожено 39 745 вражеских солдат и офицеров. Кроме того, сбит самолет противника и уничтожено 10 стереотруб и перископов. Потери наших снайперов: убито 68 человек, ранено 112 человек».

Вот эпизод из боевой работы старшего лейтенанта А. Хованского, командира группы снайперов 51-го полка войск НКВД по охране железных дорог. Однажды, зайдя в ДЗОТ, Хованский через оптический прибор заметил вдалеке поблескивающую каску. Убедившись, что это неприятельский снайпер, старший лейтенант прицелился и выстрелил: враг повалился. Но в тот же миг в амбразуру ДЗОТа ударила разрывная пуля. Еще через секунду возле уха старшего лейтенанта просвистела вторая пуля.

Хованскому стало понятно, что где-то прячется второй немецкий снайпер. По-видимому, в задачу его входило работать на пару с только что убитым. Тактика же этих двух немецких «волков» состояла вот в чем: первый немец дразнит, вызывая на себя огонь нашего скрытого снайпера, а второй тем временем с фланга бьет по нашему стреляющему снайперу. После того как Хованский обнаружил сразу двух немецких снайперов, оставшийся в живых удрал. Хованский тоже сменил позицию.

Смена позиции – большое дело в практике снайперской стрельбы. Это предохраняет от потерь и затрудняет наблюдение вражескому снайперу. Во втором случае Хованский решил выйти на охоту ночью. На этот раз он действовал в паре с другим снайпером-наблюдателем. Ночь была светлая, ориентироваться по вспышкам вражеских выстрелов трудно, пришлось отложить дело на вторую ночь. После нескольких часов пристального наблюдения от напряжения стали слезиться глаза, Хованский выследил приблизительное местонахождение замаскировавшегося в кустах немецкого снайпера. Место второго снайпера обнаружить было труднее. Хованский пошел на хитрость. Он попросил нашего пулеметчика дать короткую очередь правее кустиков, метров двадцать в сторону от предполагаемого логова немецкого зверя.

Пулеметчик выполнил это. Первый немецкий снайпер тотчас же сделал ответный выстрел, может быть, принимая стрелявшего пулеметчика за снайпера. Слабая вспышка выстрела дала возможность Хованскому точнее, чем прежде, определить местонахождение первого немца. Но совсем точно цель поймать было еще нельзя: темнота скрадывала всякие ориентиры. Хованский попросил пулеметчика дать еще одну очередь. На этот раз последовало два выстрела. Стреляли первый и второй неприятельские снайперы. Причем их пули впились в щиток пулемета. Хованскому этого было достаточно. Зная еще по первому эпизоду, что немецкие снайперы действуют на пару и располагаются друг от друга приблизительно метрах в десяти, он следил за указанным отрезком траншейной линии и отчетливо различил на этом расстоянии вспышки выстрелов. В темноте нелегко угодить прямо в цель. Понадобилось

еще несколько выстрелов, прежде чем Хованский, точно нащупав первого немецкого снайпера, покончил с ним.

Но второй не давался. Он лежал, по-видимому, удобно устроившись, уверенный в полной своей безопасности. Хованский выстрелил трассирующей пулей. Это подействовало на психику немца. Поняв, что он обнаружен, а его напарник молчит, следовательно, убит, враг поспешил переменить позицию, Хованский заставил его еще раз ее сменить, до самого расвета тревожа немца и не давая ему возможности замаскироваться.

Утром, несмотря на усталость, Хованский не ушел. Он продолжал упорно охотиться за немецким «волком». Поднялось солнце. Оно било в глаза немцу, мешая ему наблюдать, и раздражало его. Он в третий раз сменил свою позицию и стал обстреливать место, где скрывался Хованский. Хованский молчал. После этого гитлеровский снайпер (он был в чине офицера), уверенный в том, что ему удалось наконец подстрелить русского снайпера, соскользнул в траншею. Здесь он выпрямил свою онемевшую за ночь спину и сразу же получил в висок меткую пулю.

Вывод, который позднее сделал Хованский из этого эпизода охоты за фашистскими снайперами, заключен в следующем: надо не давать вражескому снайперу замаскироваться, прочно осесть в своем укрытии. Надо все время его тревожить, заставляя чаще менять позицию, и этим обстоятельством искусно пользоваться для стрельбы по переползающему врагу.

В октябре 1941 года была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН), ориентированная в первую очередь на диверсионную и разведывательную работу в тылу немецких войск. Типовая боевая группа ОМСБОН включала командира, радиста, подрывника, помощника подрывника, двух автоматчиков и – обязательно! – снайпера. Интересно, что помимо штатного армейского оружия снайперы этого спецподразделения часто использовали карабин образца 1938 года с установленным на нем оптическим прицелом: для боевой работы в лесу короткое оружие было удобнее. Кроме того, для ликвидации часовых и сторожевых собак применялись снайперские винтовки с глушителем типа «Брамит» («Братья Митины»).

Кстати, уже после войны, анализируя большие потери разведгрупп СД на советской территории, шеф германской разведки Вальтер Шелленберг отмечал «трудность противодействия специальным силам НКВД, чьи части почти на 100 % укомплектованы снайперами».

Итоги войны

Принятый РККА в 1942 году «Боевой устав пехоты» так определил круг боевых задач, решаемых снайперами на фронте: «Уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных, появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей... Снайпер должен также уметь показать трассирующей пулей и другими способами пехоте, артиллерии, минометам и противотанковым ружьям важные цели, неуязвимые пулей: танки, ДОТ (ДЗОТ), орудия».

Интересный факт: еще в 1943 году группа лучших фронтовых снайперов была приглашена для участия в совещании высших офицеров НКО СССР. Тогда было, в частности, предложено в штатах пехотных и мотострелковых взводов иметь снайперскую пару, в стрелковых полках – офицера-инструктора по снайпингу; такие же офицерские должности предполагалось ввести в вышестоящие штабы соединений общевойсковых армий; предполагалось создать при армиях постоянно действующие снайперские школы.

Один из участников этого совещания Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев вспоминал: «Претензий к боевой снайперской винтовке обр. 1891/30 г. у нас не было. Основные замечания касались оптики. Основываясь на боевом опыте, мы выразили пожелания,

чтобы прицел был бы несколько модернизирован и к нему изготовлены некоторые необходимые на фронте приспособления... Мы предлагали разработку специальной прицельной сетки и более удобного расположения прицельных маховичков. Из приспособлений нас интересовали два элемента: солнцезащитный поворотный козырек на объектив и гофрированный резиновый тубус на окуляр прицела». Также высказывалось предложение «о разработке для снайперского оружия специальных «целевых патронов» с улучшенным качеством пороха и более тщательным отбором пуль на заводах. Патроны эти должны идти мелкими партиями специально для снайперов. Это дало бы возможность резко улучшить дальность и точность стрельбы». Однако снайперские группы, как известно, так и не стали составной частью пехотных подразделений, а предложения по улучшению оружия и боеприпасов были реализованы только через 20 лет, с принятием на вооружение винтовки СВД.

Несмотря на приведенные выше слова В.Н. Пчелинцева, нужно сказать, что отрицательные стороны у снайперского варианта трехлинейки все же были. Недостатки винтовки образца 1891/30 года были следующими.

Во-первых, нарекания снайперов вызывало неудачное расположение оптического прицела ПУ – он находился далеко от глаза стрелка, поэтому при прицеливании тому приходилось отрывать щеку от приклада и сильно вытягивать шею. Из-за такого неправильного положения головы глаз снайпера часто отклонялся от оптической оси прицела, что приводило к заметным ошибкам в прицеливании. Во-вторых, низкое качество оптических прицелов ПУ военных лет тоже давало свои плоды: фронтовые снайперы отмечали, что у многих прицелов установки на шкале вертикальных поправок не совпадали с реальными дистанциями, частое вращение барабанчика боковых поправок давало отклонения в горизонтальной плоскости. В-третьих, многих стрелков не устраивали тугой спуск, отрицательно влиявший на точность стрельбы, и изготовленная из березы ложа – при усыхании и отсыревании она давала поводку, изменявшую кривизну ствола.

В 1940 году на вооружение армии поступила самозарядная винтовка Токарева (СВТ-40); одновременно появился и снайперский вариант, имеющий кронштейн с оптическим прицелом ПУ и более тщательно обработанный ствол.

Экипировка советского снайпера периода Великой Отечественной войны была довольно скупой. Помимо оптического прицела для ведения наблюдения за целями они имели разнообразные полевые бинокли (чаще 6-и 8-кратные) и окопные перископы ТР и ТР-8. Для самозащиты в ближнем бою снайпер часто брал с собой на задание несколько ручных гранат, пистолет и нож. Если в засаду шла снайперская группа, то вооружение дополнялось еще и пистолетом-пулеметом ППШ или ППС.

К середине 1942 года снайпинг прочно вошел в армейский быт на всех фронтах Великой Отечественной войны. Снайперский террор со стороны советских войск оказал сильное моральное воздействие на немецкие части. В дневниках и письмах, найденных у убитых солдат и офицеров вермахта, встречаются такие фразы: «Русский снайпер – это что-то очень ужасное, от него не скроешься нигде! В траншеях нельзя поднять голову. Малейшая неосторожность – и сразу получишь пулю между глаз... Снайперы русских часами лежат на одном месте в засаде и берут на мушку всякого, кто покажется. Только в темноте можно чувствовать себя в безопасности».

Боевая практика и живой фронтовой опыт

Как говорил Василий Зайцев: «Всем начинающим и опытным снайперам необходимо всегда помнить: пред тобой тактически зрелый, инициативный, находчивый и очень меткий стрелок. Его надо перехитрить, втянуть в сложную борьбу и тем самым привязать к облюбованной позиции. Как этого достигнуть? Придумывай ложные ходы. Рассеивай его внимание,

запутывай свои следы, раздражай замысловатыми движениями, утомляй его зрительную сосредоточенность. Снайпер – это кочевник, появляется внезапно там, где противник его не ждет».

Тактика снайперов – это гибкая, динамичная, постоянно меняющаяся составляющая боевого мастерства. Многие снайперы, и среди них самые талантливые, принесли в нее что-то свое, особенное, самобытное, что принималось на вооружение армиями мира.

СССР

Хорошую картину того, как применяли наши снайперы свое искусство в бою, дают многочисленные фронтовые очерки, регулярно печатавшиеся в газетах. «... Я Михаилу Петровичу Кондратюку спасибо говорю, снайперу, который нас сопровождал, – поправил меня боец. – Полз я к ДОТу с толком. А впереди меня траншеи с немецкими пулеметчиками. Пригнули головы и ведут огонь. Слепой огонь мне не препятствие. Вот если кто из них голову вскинет да взглянет, тогда мне, конечно, конец. Ползу и о смерти думаю. И вот приподнялся один, автомат поднял, прямо в глаза взглянул, и вдруг – бац, и сел за мертвое. Вот, думаю, счастье мое. Дальше ползу. Еще один вскочил, но и у него из головы брызнуло. Смекнул, в чем дело, на четвереньки поднялся. Мне бы только тол до амбразуры добросить. А там, понятно, геройскую смерть принять надо: деваться некуда. Напружинился, глотнул воздух, бросил, лег и жду... Разворотило ДОТ, меня камнями обсыпало, ушибло маленько. Но ничего, зато задание выполнил. Встал, огляделся по сторонам. Вокруг меня шесть фрицев накинано, а я живой. И стало мне вполне понятно, как Кондратюк меня своей меткой пулей сберег. Вернулся к ребятам, снова попросил толка. Лейтенант говорит: «Действуй. Мы тебя из ручного пулемета прикрывать будем». – «Не надо, – сказал я, – ручного пулемета. Пусть на меня товарищ Кондратюк внимание обращает. Он застрахует». Так я еще два ДЗОТа поломал. Потом Кондратюка другим подрывникам одалживали. Прямо ангел-хранитель, а не человек. Но мы его тоже без присмотра не оставляли. Автоматчик за ним следовал, как за генералом. И пулеметчикам наказ был: в случае чего – прикрыть». (В. Кожевников. «Высшее стрелковое образование».)

Советский нагрудный знак «Снайпер»

В книге В. Зайцева описан момент, как 13 наших снайперов загнали назад в окопы атакующий немецкий батальон. А также как наши снайперы обороняли Мамаев курган. А вот другой случай.

Летом 1942 года в сталинградских уличных боях русским несколько дней досаждал немецкий снайпер, работавший в паре с пулеметчиком. При очередном подстреле очевидцы пояснили, что солдат был убит в голову откуда-то сверху, и показали, как он стоял в момент подстрела. Наш снайпер с пробитой каской в руках примерно восстановил линию полета пули. Ему рассказали, что выстрела не было слышно из-за пулеметной трескотни. Был сделан вывод, что на стороне противника работал грамотный снайпер, и было принято решение сперва лишить этого стрелка звукового прикрытия – ликвидировать пулеметчика. Советский снайпер занял позицию в глубине развалин в тени. Ассистенты показали в одном месте сразу несколько манекенов-приманок, «бегущих» в одном направлении. Немецкий пулеметчик «клюнул» на групповую приманку и пострелял по ней несколько секунд, что стоило ему жизни. За это время напарник снайпера проскочил разграничительную линию между своими и чужими и стал заходить между развалинами во фланг позиции немецкого стрелка. Немецкому снайперу показали сначала каску, но ее несли специально небрежно, чтобы он распознал приманку. Затем асси-

стенны показали чучело, на которое немец тоже не «клюнул». На игру последующих приманок немец тоже не попался. Пока все это происходило и внимание немца было отвлечено, напарник снайпера пробрался сбоку и сзади позиции немецкого снайпера и увидел его среди развалин, сосредоточенно наблюдающего в перископ с верхних этажей полуразрушенного дома. Немец был застрелен, с высоты этого дома помощник снайпера застрелил еще двух немецких солдат и принес на свою сторону трофейную снайперскую винтовку и перископ. Это классический пример, как, действуя коллективно, противника можно отвлечь и обойти.

При нашем наступлении в предгорьях Карпат у немцев появился стрелок, довольно меткий, который точной стрельбой издали разбивал стереотрубы, перископы и мгновенно брал на мушку все, что двигалось. Маскировался он безупречно. Пулеметного звукового фона не было. Вспышки выстрела никто не замечал. Звук был приглушенный – вроде как стреляли издали. Чучел на той стороне тоже никто не показывал. Вреда этот стрелок нанес немало, буквально «ослепив» командный состав. Визуальным наблюдением его позицию установить не удавалось. Она была вроде как «блуждающей». Постепенно различные направления и версии провокацией приманок отпадали, район поисков сузился, и в поле внимания все чаще и чаще стала попадаться куча разбитых снарядных ящиков и другого хлама. Ночью саперы проделали проход в минном поле, под прикрытием снайпера, оставшегося возле разминированного прохода, разведчики сделали засаду возле вышеупомянутой кучи. Под утро взяли приползшего на позицию снайпера. Его допросили тут же экспресс-методом, и он показал, что его напарник занимает отвлекающие позиции по сторонам на удалении 100–150 метров от кучи. Наш снайпер занял скрытую позицию за той же кучей и через некоторое время обезвредил выстрелом в бок другого немецкого снайпера, который выдвинулся своим чередом. Потом выяснилось, что немецкий снайпер стрелял из кучи битых ящиков через несколько щелей. Вернее, он стрелял «в кучу» – дым оставался в обломках и постепенно рассеивался, звук приглушался, пламени тоже не было видно. Поучительным в этой операции было то, что пленного полезно допрашивать по горячим следам.

Снайперская книжка. РККА. ВОВ

В другом случае разведгруппа, ползавшая каждую ночь по нейтральной полосе, обнаружила в небольшой заброшенной траншее за мелким кустарником стреляные гильзы, утоптаный грунт и карточку огня с нанесенными на ней ориентирами на нашей стороне и обозначенными дистанциями до них. На всякий случай возле этой позиции задержались, и не напрасно – перед рассветом туда приполз немецкий снайпер, которого повязали и притащили на свою сторону. Его напарника тихо зарезали рядом на запасной позиции, которая тоже была отмечена на карточке огня. Немец для облегчения своей работы оставлял такие карточки на каждой позиции, чтобы не таскать их с собой, и составлял их очень пунктуально, что и подвело его напарника. На позиции нельзя оставлять ничего привлекающего внимание, даже стреляных гильз. На карточках огня запрещается делать обозначения чего-либо, находящегося на своей стороне. Нельзя все время выходить на одну и ту же позицию. Но не только наши захватывали немецких снайперов при ночных выходах. Немало и советских, не придавших таким вещам никакого значения (это русская ментальность), попало в плен именно таким образом. Однажды наш снайпер выбросил ненужную ему примитивную карточку огня с обозначенным на ней немецким наблюдательным пунктом. Карточку подобрали немецкие разведчики, и через сутки этот снайпер попал в немецкую засаду, устроенную перед этим наблюдательным пунктом. Следует запомнить: на войне нет мелочей ни в чем. Случайность – это следствие оплошности.

В 1943 году недалеко от Полтавы разведчики ночью притащили «языка». Он был испуган и помят. Ему развязали руки, вынули кляп изо рта и дали зажженную сигарету. Он успокоился и сразу начал говорить. На вопрос о снайперах он ответил, что совсем недавно прибыла новая группа снайперов, которые раньше работали на других участках, уже обстреляны, на их счету есть убитые. Стрелковая подготовка отличная, маскировка безупречная. Очень осторожны. На простые приманки не реагируют. Пленный, видя, что его не собираются убивать, по крайней мере тут и сейчас, и обращается пока хорошо, очень подробно описал методы работы этой снайперской группы, особенности характера и привычки каждого из этих снайперов.

В частности, он показал, что командир этого снайперского отделения маскировался только природными ветками и травой, позиции особо не оборудовал, менял их часто, работал на ровном месте с нейтральной полосы, но сзади себя всегда имел ложину или старые траншеи для отхода. Его заместитель предпочитал занимать позиции со стороны солнца, в глубокой тени под высокими скатами, обкладываясь со всех сторон ветками или между кустов.

Эти особенности было решено использовать для пользы дела. На крупномасштабной карте 1:250 000 установили места рельефа местности с подходящими ложинами и скатами с южной стороны. Ночью снайпер занял замаскированную позицию сбоку от ложины в старых окопах. Днем было жарко, и внимание снайпера в предполагаемом месте привлек куст, листья которого «опустили уши» – кто-то его недавно посадил и не полил. Кроме того, перед кустом со стороны наших окопов была вырвана высокая трава, хотя рядом стояла такая же высокая трава. Это был явно расчищенный сектор обстрела, и, кроме того, траву всегда в таких случаях вырывают, чтобы она не качалась от пороховых газов при выстреле и не демаскировала позицию. Снайпер дождался, пока немец, просидев безрезультатно под начавшим вянуть от жаркого солнца кустиком, не уполз в ложину для смены позиции. В одном из изгибов этой ложины он «подставился» и был застрелен.

Его заместителя, прятавшегося в тени, обнаружили аналогичным способом. Этот снайпер тоже прятался, неглубоко закопавшись под кустиком, имея, кроме того, кусты справа и слева. Под контролем перископа ему направили в оптический прицел солнечный зайчик от куска зеркала, укрепленного на палке и выставленного из окопа. Представьте, как почувствовал себя этот стрелок. Он дернулся так, что куст над ним покачнулся. По световому пятну от солнечного зайчика, направленного в амбразуру под куст, выстрелили залпом из двух снайпер-

ских винтовок. Труп убитого снайпера потом нашли при наступлении. Засохший куст стоял над ним на перекрестии из веток и сучьев. Остальные снайперы этой группы затаились и почти не проявлялись.

Василий Зайцев описывал случай уничтожения немецкого снайпера, засевшего за броневым щитком от русского пулемета «максим». Зайцев долго ждал развития событий, пока немцу не принесли обед, и дождался момента, когда немец что-то пил из термоса и, забывшись, запрокинул голову назад, выставив ее над щитком.

В другом случае, когда немецкого снайпера не удавалось взять «в лоб», Зайцев занял позицию в стороне от основного участка событий, с фланга по высотке, откуда ему просматривались изгибы траншей. Зайцев ждал развития событий и дождался, пока немецкий снайпер не появился в одном из таких изгибов. Он шел с винтовкой, брошенной за спину, и о чем-то беседовал с офицером, который шел рядом. Зайцев застрелил обоих.

В литературе описан классический пример контрснайперской изобретательности, который после Второй мировой войны был приведен в учебниках снайперской практики многих стран мира. Немецкий снайпер оборудовал вблизи линии своих траншей, за минным полем, бетонированную «глухую» позицию за бронешитком и очень досаждал переднему краю русских. Наш снайпер, который получил приказ уничтожить вредного фашиста, к выполнению поставленной задачи подошел творчески. Он тщательно изучил распорядок жизнедеятельности своего немецкого «коллеги» и установил, что тот с истинно немецкой пунктуальностью в одно и то же время уползает к своим на обед. Ночью саперы проделали проход в минных заграждениях, а днем советский снайпер в обеденное время незаметно подполз к бетонированной позиции и, в отсутствие хозяина, закопал под бронешитком мину от 120-мм миномета, на взрыватель которой прикрепил клочок белой бумаги. Часа через полтора, когда немец должен был вернуться с обеда, русский снайперским выстрелом по хорошо видной белой бумажке подорвал мину. Труп немецкого снайпера вместе с бронешитком отбросило далеко в сторону.

В другом случае тщательным сравнительным наблюдением был также выявлен искусственный маскировочный пенек, отстоявший от позиций на дистанции 450 метров. По нему постреляли из пулемета ДШК. Пенек при пулевых попаданиях дергался, но не падал. Это навело на мысль, что он сработан добротно, капитально закреплен, поставлен над глубокой позицией, а снайпер использует этот камуфляжный пенек для маскировки скрытого наблюдения в оптический прибор – перископ или артиллерийскую буссоль, находясь при этом внизу в безопасном месте. Нижняя часть пня была взята нашим снайпером на прицел, а его ассистенты показали противнику куклу-приманку в изгибе траншеи. Вражеский снайпер, сидевший под пнем, успокоился после огневой «проверки» и выстрелил из-под пня по кукле. При вспышке его выстрела наш снайпер дождался спуска. Как выяснилось впоследствии, немец, не успевший после выстрела уйти вниз, получил тяжелое ранение и был отправлен в тыл.

Во время войны в ходе боев за Восточную Пруссию ассистент нашего снайпера вызвал на огонь немца тем, что, находясь перед разведанным дальномерно-наблюдательным постом немцев, расположенным на высотке, выстрелил пару раз просто по маскировке этого поста и сразу же вместо себя выставил чучело с привязанной к нему винтовкой. Расчет был верный: противник знает, что снайперы всегда стараются подобраться к наблюдательно-корректировочным постам врага и лишить их возможности полноценной работы. Немецкий снайпер, контролировавший ситуацию, выстрелил по чучелу, и, несмотря на то что он попал, чучело «выстрелило» в ответ. Немец выстрелил во второй раз, и этого было достаточно, чтобы командир нашей снайперской группы застрелил его сбоку.

Особенности снайперской тактики наиболее понятно и доходчиво описаны в рассказах военных корреспондентов и самих участников событий. К сожалению, со временем бесценный боевой опыт забывается.

Итак, информация из первоисточников:

«...нам задание – ослепить немецких корректировщиков. Мы быстро выявили смотровые щели под бетонной плитой над блиндажом. Сидят там, гады, поблескивают своей просветленной оптикой. Сейчас мы ее продырявим.

Шесть щелей. Я разделил их среди своих товарищей, прогремел залп из шести винтовок. Через три минуты – еще один. Этот второй залп сделали для страховки: не пробуйте, поганцы, менять разбитую оптику – вас ожидает пуля».

(Опыт В. Зайцева.)

Это пример того, как концентрированным огнем по одной или нескольким целям можно достать противника, засевшего за бетонной плитой.

«...Выполняя задание командира дивизии – сорвать вражескую атаку, наша группа снайперов применила неожиданную для противника тактику. Заранее зная направление атаки, мы решили взять на мушку прежде всего командные и наблюдательные пункты неприятеля. Тринадцать снайперских винтовок, тринадцать пар глаз, вооруженных оптическими прицелами, нацелившись с разных точек на удобные для рекогносцировки пункты в глубине боевых порядков фашистов. Групповая охота. Заключается она в том, чтобы до наступления обезглавить вражеские роты и батальоны. Тут все просто: выйдут немецкие офицеры в последний раз осмотреть полосу наступления – посылай полагающийся им свинец. Если кто чрезвычайно храбр и выскочил, чтобы повести за собой солдат, – ты немедленно прошей ему голову. Заметишь, что с какой-то стороны враг успешно выступает, – направь туда все тринадцать снайперок и снимай сначала офицеров, а уже потом кого придется, чтобы никому не хотелось переступать этот рубеж, чтобы знали – тут ждет смерть. Одним словом, групповой снайперский огонь рассеянного и концентрированного типа ослеплял командные пункты врага и обрекал его на неудачу с первых же шагов.

Наш план удался на славу. На рассвете, перед началом наступления, на командных и наблюдательных пунктах врага заблестели объективы биноклей. То тут, то там стали появляться офицеры с кокардами на фуражках. Им и невдомек было, что как только рассвело, они стали блестящими мишенями».

(В. Зайцев. «За Волгой для нас земли не было».)

Эта информация в комментариях не нуждается. И так все понятно.

«...разведчик и снайпер, он был по нашему фронту непревзойденный, с настоящим талантом следопыта, с лисьей хитростью и с неистощимой изобретательностью. Как охотник помнит убитых им медведей, он запомнил трех уничтоженных им врагов. Двух офицеров, которых он подкараулил, лежа в нейтральной полосе, и снял во время командирской рекогносцировки, и одного, как он говорил, «страсть вредного» немецкого снайпера, подкараулившего нескольких наших бойцов.

За этим снайпером охотился недели две. Тот знал об этом и, в свою очередь, охотился за старым разведчиком. Как бы состязаясь в мастерстве, они сутки за сутками караулили друг друга. Разведчик приходил похудевший, обросший, злой, с воспаленными глазами, на вопросы не отвечал и, подремав часок-другой в уголке землянки, уходил назад, на передовую.

Только к исходу второй недели удалось ему точно установить снежную нору немецкого снайпера. Она была вырыта за трупом лошади, лежавшим тут с осени, безобразно раздутым и уже запорошенным снегом.

Он пробовал вызвать противника на бой выстрелом. Тот не ответил. Но с передовой немцы открыли на выстрел такой огонь, что разведчик еле отлежался в своей засаде.

Попробовал установить в леске чучело в каске и маскхалате. Хитрость неновая, однако и на нее попадались, но «вредный» не клонул.

И тогда однажды, в туманную ночь, перед рассветом, разведчик протоптал следы к одиноко стоявшей у переднего края сосенке, что была как раз напротив палой лошади, стряхнул с

веток иней, насорил на снегу коры и возле едва заметно разложил за ней свой маскировочный халат. Все это замаскировал, но не очень тщательно. От дерева он протянул суровую нитку к своему настоящему убежищу, сделанному в снегу, и дал все это заволочь инеем оседавшего утреннего тумана.

Когда совсем рассвело и поднялось солнце, разведчик начал легонько дергать нитку. С ветвей сосенки начал осыпаться снег. Он подергает и замрет. Подождет полчаса, подергает и опять замрет. Наконец, в норе немецкого снайпера послышалось шевеление. Над бурым пузом лошади обозначилось что-то более белое, чем снежный фон. Грянул выстрел. Он слился с выстрелом старого разведчика. И все стихло. Только снег осыпался с пробитой ветки сосенки, возле которой разведчик ночью с такой тщательностью раскладывал и маскировал свой халат, свой знаменитый маскировочный плащ, который он сам обшил ветками и корой и в котором его действительно можно было не заметить даже в двух шагах».

(Борис Полевой. «Разведчики».)

В этом небольшом отрывке довольно основательно отражена сущность межснайперской дуэли на природе. Немецкий снайпер явно наблюдал за местностью в перископ. Его ошибка – он прятался за укрытием, не имея амбразуры для стрельбы, и поэтому был вынужден для выстрела «обозначиться» над этим укрытием. Что его и погубило. На чучело немец не «клюнул», очевидно, из-за того, что оно стояло неподвижно.

«...На одном участке фронта появился злой, глазастый и прилежный немецкий снайпер. Дело дошло до того, что он разбил пулей стекло стереотрубы, хотя ее неплохо замаскировали наши артиллеристы.

Обратились к Намоконову (снайперу) за помощью. Он приехал в полк со всем своим снайперским имуществом: две винтовки, запасная каска, уже помятая, исчерканная пулями, и большой осколок зеркала.

Наутро он начал слежку. Намоконов лежал на огневой позиции, замаскированный так, будто надел на себя не каску с зеленой вуалью, а шапку-невидимку. Трое суток не прекращал Намоконов слежку. Он подозревал, что фашист сидит на чердаке дома, стоящего слева, на краю деревни. Но пока это была только догадка. Намоконов укрылся за камнями, а заряженную винтовку закрепил на бруствере необитаемого окопа. От винтовки, прихваченной именно для этого случая, он протянул к себе веревку и в подходящий момент дернул за нее. Фашист ответил выстрелом на выстрел. Пуля попала в бруствер, и по облачку пыли Намоконов установил направление ее полета, убедился, что фашист сидит именно на том чердаке.

Теперь он уже не спускал с чердака зорких, редко мигающих глаз, не слезающихся ни от усталости, ни от ветра.

Вечернее закатное солнце осветило сзади крышу дома, и Намоконов разглядел, что одной планки в дощатой обивке чердака недостает. Он еще раз дернул за веревку, привязанную к винтовке, а когда в щели на чердаке что-то блеснуло, выстрелил сам по черному пятну, подсвеченному сзади солнцем. Фашист, который сидел на стропилах, рухнул вниз».

(Евгений Воробьев. «Трубка снайпера».)

Позицию немецкий снайпер занял весьма грамотно и стрелял в глубине помещения через щель от недостающей планки. Пламя от выстрела и дым не выходили наружу, и звук выстрела приглушался. Но немецкий снайпер сделал ошибку, допустив подсветку у себя за спиной и не завесив чем-нибудь пролом в крыше, чердачное окно, через которое его подсветило солнце, и т. д. Наш снайпер поступил очень разумно, учтя смену освещения. К тому же трюк с ложной целью – стреляющей на расстоянии винтовкой – во все времена срабатывал на все 100 %. Нужно только расположить эту винтовку чуть выше и сзади ее хозяина, на одной линии с ним в створе с амбразурой противника – только так можно достать противника, стреляющего из глубины помещения.

«...Я выстрелил. Пулемет замолк. Никто за ним не явился, и я понял – за мной следят, надо менять позицию. Оставив вместо себя чучело в каске, я захватил окопный перископ и пошел по траншее к другим чучелам, чтобы встать на место одного из них...»

(Опыт В. Зайцева.)

Такие вещи получались, если передвижения и подмены происходили под прикрытием дымовой завесы. Противник, ранее приученный к тому, что позиция явно ложная, впоследствии не обращает на нее внимания и подставляется для выстрела именно с этой позиции.

«При уничтожении одиночного стрелка противника момент для выстрела лучше выбрать так, чтобы автомат противника после падения его хозяина остался на бруствере. Кто-то из напарников неприятеля попытается достать автомат и подставится под выстрел. Но если возле него никто не появится, значит, позиция снайпера обнаружена и ее надо менять».

(Опыт В. Зайцева – приманка для цели.)

«Фашистские снайперы, как правило, свои посты устраивали в глубине своей обороны, а мы вылезали на передний край. У немцев было много ложных позиций. Как отличить ложную позицию от настоящей? Тут необходимы наблюдательность и колоссальная выдержка.

Например, как-то вечером блеснет огонь зажигалки – снайпер закурил. Зафиксируй эту точку и жди – вот-вот появится облачко табачного дыма. Пройдет еще какое-то время, может, и целый день, и смотри – на какую-то долю секунды выставится каска. Тогда не прозевай. Если даже и не успеешь, то ты уже знаешь, где среди ложных позиций настоящая».

(Опыт В. Зайцева.)

«Лежим молча, наблюдаем. Солнце освещает каждый горбик, который мы заметили еще днем. Немного ниже лежат снарядные гильзы. Я насчитал их двадцать три штуки. Постой! А эта без дна! В такую гильзу, как в трубу, хорошо просматривается перспектива. Я немного приподнялся. Но неожиданно там, в трубе, как будто кто-то высек искру. Я камнем упал на дно окопа. На противоположном боку бруствера треснула разрывная пуля...»

(Опыт В. Зайцева.)

Маскировка немца была оригинальна, и оборудованная в куче гильз позиция была для стрелка безопасна со сторон. Очевидно, гильза без дна не была закреплена намертво и могла вращаться для изменения сектора обстрела. Ошибка немца состоит в том, что за кучей гильз в гильзу без дна просвечивался светлый фон, на что немец и попался.

«Я внимательно осматривал (в артиллерийскую трубу) каждый кустик, каждую канавку, дальше и дальше углубляясь в оборону противника. Вот вершина, где иногда появлялся дальномер. Рядом небольшое углубление. А в нем гильза без дна! Замаскированная в бруствер. В отверстие видно гитлеровца в каске. Наблюдаю при помощи оптического прицела снайперской винтовки. Гильза закрывает оптику от бокового света, вбирает «зайчики», благодаря чему цель видно более отчетливо. Он, кажется, даже фотографировал свои цели во время выстрела.

Я держу фашистского снайпера в прицеле своей винтовки уже с полчаса. Утомился, напряжен до крайности. Но на это не обращаю внимания. Фашист тоже смотрит через оптический прицел.

Николай отошел назад, поднял над бруствером чучело в каске. В тот же момент фашистский снайпер выстрелил. Каски как не было на голове куклы.

И, как заведено у снайперов после удачного выстрела, фашист положил руку на затвор, чтобы передернуть его и поднять гильзу, отодвинулся от оптического прицела. Голова его поднялась. В ту же секунду прогремел мой выстрел. Пуля легла где-то между глаз, перебросив каску на лицо. Винтовка с оптическим прицелом осталась в трубе».

(Опыт В. Зайцева.)

Немец сделал ошибку, повторив прием, хоть и в другом месте. Почему Зайцев долго держал немца на прицеле и почему его ассистент, отойдя назад (чтобы Зайцев и немец оказались в створе, на одной линии), показал немцу чучело? Надо было проверить, не является ли позиция немецкого снайпера ложной и не находится ли за снарядной гильзой с отпиленным дном чучело-приманка. Немец сделал еще одну классическую ошибку – он поднял голову под встречный выстрел.

«Рядом с блиндажом, в траншее, мелькнула фуражка. Видно кончик фашистской эмблемы. Фуражка постепенно поднимается. Вот уже видно всю эмблему до козырька.

– Видишь? – спросил я у Куликова (напарника).

– Да.

– Это немецкий снайпер в засаде, дешевую выдумал приманку.

Фуражка спряталась.

– Передержал, – заметил Куликов.

– А почему на нашем участке появился снайпер? – спросил я.

Николай пожал плечами:

– Черт его знает.

– Ты вчера скосил пулеметчика и всадил ему пулю в голову. Ты как будто бросил ихнему снайперу перчатку. Они твой вызов приняли. По точности попадания тебя узнали».

(Опыт В. Зайцева.)

«...Политрук протянул руку, и разрывная пуля ударила ему в запястье. Теперь я знал, что буду иметь поединок с ловким снайпером, умеющим стрелять навскидку. Прикинув, на какой высоте пуля попала в руку связного, я сделал отметку на стене траншеи.

За час мне удалось обозначить три снайперские позиции. Это на всякий случай, может, уже сегодня придется вступать в поединок.

На третьем оставил для приманки каску. Не успел отойти, как она очутилась на дне траншеи. След от пули свидетельствовал о том, что снайпер выстрелил с той же позиции, с которой раздробил руку связного.

Где-то к обеду я высмотрел спереди щиток от нашего «максима», за которым сидел вражеский снайпер. Замаскирован он был выгоревшей травой и ветками кустарника. Между ветками чернело отверстие щитка. Посылать туда пулю было бы зря: она пойдет рикошетом от ствола и только напугает снайпера. Надо подождать, пока он поднимется или хотя бы поднимет голову.

Ждал недолго. Снайперу принесли обед. Над щитком показались две каски. Но под какой из них снайпер? Что-то блеснуло. Наверное, стакан от термоса. Один задирает голову – я вижу его подбородок. Нажал на спуск. Голова дернулась назад».

(Опыт В. Зайцева.)

Снайпер, способный быстро и точно стрелять навскидку, – серьезный противник. В данном случае его подвела самоуверенность и тяга к комфорту. Зайцев сделал правильно, что дождался развития событий, когда успокоенный и отвлеченный едой противник забудется и подставится под выстрел.

Поединок (описание участника)

«Ночью наши разведчики притянули в мешке «языка». На допросе он показал, что фашистское командование серьезно обеспокоено действиями наших снайперов. Из Берлина доставлен самолетом руководитель школы снайперов майор Кенингс, который имел специальное задание убить «главного «зайца».

Я уже научился быстро читать почерк немецких снайперов, по характеру огня и маскировки без особых усилий отличал опытных стрелков от новичков, трусов – от настойчивых и решительных. Но характер руководителя их школы долго был для меня загадкой. Ежедневные наши наблюдения ничего нового не давали. Трудно даже было сказать, на каком участке фашист. Наверное, он частенько-таки менял позиции и точно так, осторожно, как я его, искал меня.

Я старался проанализировать собственный опыт, опыт своих товарищей, чтобы найти самое правильное решение. Опыт подсказывал, что без информационной помощи окопных друзей – стрелков, пулеметчиков, саперов и связистов – на успех не рассчитывай. Когда я выявлял фашистского снайпера, определял его местонахождение, то звал к себе, скажем, пулеметчика, давал ему трубу, сам брал окопный перископ, показывал самый заметный предмет и вел пулеметчика по ориентиру. И вот когда пулеметчик увидит немецкого снайпера и убедится, как он все-таки хитро маскируется, только тогда этот боец становится грамотным помощником.

Кроме того, когда я делал фальшивые позиции, устанавливал макет, маскировал его, то имел возможность изучать каждого солдата, наблюдать, на что он пригоден. Бывает, солдат инициативный, смелый, а помощник из него никудышный – очень горячий, вспыхнет и погаснет. На такого нельзя положиться в продолжительной борьбе: после первых же опасных испытаний найдет причину и уйдет от тебя, сославшись на важное дело. А по сути, у него просто кончился запас смелости и терпения.

Такие характеры часто наблюдаются и среди снайперов-новичков. Сложнее разгадать характер вражеских снайперов. Знаю одно – они все упрямые. Но и для них я нашел свой метод: хорошо подготовишь куклу, незаметно ее поставишь и начнешь передвигать – кукла, как человек, должна менять свои позы. Рядом с куклой – твоя замаскированная позиция. Вражеский снайпер выстрелил в куклу, но она осталась живой, и тогда начинается демонстрация «упертого» характера. Стреляет второй раз, потом готовится к третьему выстрелу, но, как правило, именно в этот момент сам попадает на мушку.

Опытные вражеские снайперы на свои позиции выходят под прикрытием огня и в сопровождении двух-трех ассистентов.

Цель искал я двумя этапами. Первый начинался с изучения обороны противника. Потом дознавался, где, когда и при каких условиях были ранены (или убиты) наши бойцы. Тут мне очень помогали санитары. Они рассказывали, где подобрали раненого, я немедленно шел туда, искал очевидцев, дознавался про все детали истории ранения и на основе всего этого раскрывал систему огня фашиста. Второй этап я называю поиском цели. Чтобы не попасть на мушку немецкого снайпера, разведку наблюдением местности проводил с помощью окопного перископа (трубы разведчика) или артиллерийской трубы (буссоли). Оптический прицел снайперской винтовки или бинокль тут непригодны.

Опыт показал, что там, где ранее было вражеское скопление, а теперь не заметишь малейшего движения, засел бывалый хищник. Именно поэтому друзьям-снайперам я и говорил: если досконально не изучил обстановку, не поговорил с людьми (на передовой) – не лезь на рожон. В снайперском деле надо придерживаться принципа народной мудрости: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». И действительно, для подготовки меткого удачного выстрела нужно много работать, изобретать, изучать характер, силу врага, отыскивать слабые его места и только после всего этого решать задачу одним выстрелом.

Успех наблюдения достигается только практическими занятиями, непосредственно на местности. Эти навыки в боевой обстановке приобрести непросто. Каждый выход на позиции нужно очень хорошо маскировать. Снайпер, который не умеет наблюдать замаскированно, это не снайпер, а обыкновенная мишень для врага.

У каждого снайпера своя тактика, свои методы, собственные изобретения. Но всем снайперам, опытным и новичкам, всегда стоит помнить, что имеешь дело с тактически зрелым,

инициативным, сообразительным и метким стрелком. Твое задание – перехитрить, втянуть его в сложную борьбу. Как это достигается? Придумай фальшивые ходы, рассей его внимание, запутай свои следы, дразни движениями, утомляй зрительную наблюдательность и сосредоточенность. Я против длительного снайперского фундаментального поста даже в длительной системе обороны. Снайпер – это кочевник, он внезапно появляется там, где враг его не ожидает. За огневую инициативу надо бороться. Потому что сами по себе разгадки ребусов противника ничего не дадут, если в тебе нет уверенности, что расплатишься за эти хитрости точным огнем быстро и решительно. Как-то снайперы А. и К. на протяжении дня на своем участке не проявили никаких признаков жизни, тихо сидели в траншее под железнодорожным полотном. И только на другой день привязали к бечевке консервные банки и вынесли их в сумерки на нейтральную полосу. Один конец бечевки остался в траншее. Как только взошло солнце, консервные банки затарахтели под самым носом у немцев. Те начали выглядывать. Появилась одна голова, вторая. Снайперы выстрелили. Через час повторилось то же самое. До вечера А. и К. уничтожили целое вражеское отделение.

Как-то во время небольшого затишья на переднем крае я встретил среди руин двух солдат-снайперов – А. и Щ. Они лениво брели мне навстречу.

– Куда это вы бредете? – спросил я.

– В расположение роты. Фашисты притаились. Можно немного отдохнуть, – пояснил Щ.

– Я бы на вашем месте никуда не шел. Самый момент пристреливать цель.

Выяснилось, что оба никогда не пристреливали возможных целей (по ориентирам). Считали это лишним. Они себе бродили среди развалин по всему переднему краю и, заведя немцев, стреляли. И очень часто неудачно. Да и как же иначе: расстояние до цели сразу не определишь, заранее подготовленных данных для стрельбы нет, а цель появляется всего на несколько секунд. Надо заранее подготовить несколько постов, детально изучить местность, которая лежит перед тобой, наметить ориентиры, определить расстояние до них, тогда и во время затишья будет успех.

Мы зашли в разрушенный дом. Тут был мой запасной пост. Я показал товарищам, где у врага ДЗОТы, пулеметные точки, орудия прямой наводки, наблюдательные пункты, боевая охрана, и сказал: «Снайперу нужно много знать про оборону противника. Прибыл на позицию, внес в стрелковую карточку необходимые поправки и жди удобного момента. Когда ты хорошо подготовлен, достаточно, чтобы цель показалась хоть на один миг. За это время ты должен взять ее на мушку, прицелься и выстрели без промаха».

Я вытянул из стенки окопа кусок фанеры. На нем была начерчена стрелковая карточка (карточка огня). Некоторые цифры стерлись. Достал огрызок карандаша, обновил их, поставил прицел. Товарищи мои через окопные перископы наблюдали вражескую позицию. Притихли. Следили за противником добросовестно и внимательно.

Прошел час. Мои друзья уже завяли. Охотничий запал начал исчезать. Однообразие надоедает, хочется перейти на другую позицию, поговорить с солдатами.

– Стойте! – успокаиваю их. – В засаде нельзя разговаривать.

Ребята замолчали. Прошло несколько минут. Во вражеской траншее появилась голова. Я выстрелил. Немецкая каска упала на бруствер.

Среди снайперов нашей дивизии стало правилом собираться в одном блиндаже и подводить итоги за день, высказывать свои предложения, сообщать о новинках во вражеской тактике.

Мы подсчитали: на прицельный выстрел снайпер тратит только десять секунд. Итак, за одну минуту он может выстрелить пять раз. Перезарядить винтовку – 20-30 секунд. Как видите, за одну минуту десять снайперов могут убить пятьдесят гитлеровцев. Среди наших снайперов высшим специалистом считался Саша Коленев. Он окончил Московскую школу снайперов, чудесно знал правила ведения огня из винтовки со снайперским прицелом. Как-то он открыл свою противогазную сумку, вынул из нее патроны, гранату и маленькую записную книжку.

Развернул ее и прочитал нам слова, которые я тут же записал себе: «Путь к меткому выстрелу – это маленькая тропинка, проложенная над крутым берегом бездонной пропасти. Когда снайпер выходит на дуэль, он волнуется, как будто одной ногой становится на острие ножа. Чтобы выстоять над пропастью на таком острие, нужны, безусловно, смелость, тренированность, спокойствие и хладнокровие. Победителем из поединка выходит тот, кто первый сумел победить сам себя».

Вот так, обдумывая и переосмысливая свой опыт, вместе с товарищами я искал путь к решительному поединку с берлинским суперснайпером, который пока что ловко и умело нас переигрывал.

Но вот в течение одного дня снайпер разбил оптический прицел снайперу М., а снайпера Ш. ранил. Это были опытные снайперы, они часто выходили победителями в сложнейших столкновениях. Сомнений теперь не было – они наскочили на фашиста, которого я искал.

На рассвете я пошел на те позиции, где вчера были наши товарищи. Знакомый, за много дней детально изученный передний край противника. Все как всегда. Кончается день. Но вот над фашистским окопом неожиданно поднимается каска и плавно движется вдоль траншеи. Стрелять? Нет. Это хитрость: каска покачивается неестественно, ее, наверное, на палке несет помощник снайпера, а сам снайпер ждет, чтобы я проявил себя выстрелом.

Наш противник ничем не проявил себя за весь день, и, судя по этому, я был уверен, что берлинский снайпер именно тут. Нужно быть особенно осторожным и внимательным.

На третий день в засаду с нами пошел политрук. Мы, припав к оптическим приборам, неотрывно следили за тем, что было спереди.

– Да вот он, я тебе пальцем покажу его! – вдруг выкрикнул политрук. Он едва-едва на секунду приподнялся над бруствером, но и этого было достаточно. Пуля, на счастье, только ранила политрука. Так мог стрелять только опытный и тренированный снайпер.

Я долго присматривался к вражеским позициям, но найти его позицию не смог. За много дней так выучил передний край, что сразу замечал каждую новую ямку, каждый бугорок. Сегодня ничего нового и подозрительного не было. Но я видел, как ловко, быстро и точно был сделан выстрел, и убедился, что снайпер был где-то перед нами.

Наблюдаю дальше. Слева – подбитый танк, справа – ДЗОТ. Фашист в танке? Нет. Опытный снайпер там сидеть не будет. В ДЗОТе? Нет – амбразура плотно закрыта.

На ровном месте, между танком и ДЗОТом, перед самой линией обороны фашистов, лежит железный лист с небольшой кучей битого кирпича. Давно лежит, уже и внимания не обращаешь. Ставлю себя на место противника: где же лучше занять снайперский пост? Не под листом ли? Ночью сделать к нему потайные ходы...

Наверное, он там, под железным листом, на нейтральной полосе.

Решил проверить. Натянул на дощечку рукавицу, поднял. Ключнул фашист! Чудесно. Осторожно опускаю дощечку в траншею в таком положении, в котором поднимал. Смотрю на дырку от пули. Прямое попадание! Сомнений нет – фашист под листом.

Теперь его надо выманить. Хоть бы маковка головы появилась. Этого сейчас не дождешься. С этой удобной позиции он навряд ли уйдет, и характер его уже известен.

Пост оборудовали ночью. Засели.

Взошло солнце. Куликов (напарник) выстрелил наобум: снайпера нужно было заинтриговать. Решили подождать. В это время наша оптика поблескивала под солнцем, а после обеда наши винтовки были уже в тени. На позицию немца упали прямые лучи солнца. Возле края листа что-то заблестело. Или случайные осколки стекла, или, может, снайперский прицел?

Куликов осторожно, как самый опытный снайпер, начал поднимать каску. Фашист выстрелил. Куликов на мгновение приподнялся, громко крикнул и упал... «Наконец советский снайпер, «главный заяц», за которым охотился четыре дня, убит», – подумал, наверное, немец

и высунул из-за листа полголовы. Я ударил. Голова фашиста осела, а оптический прицел его винтовки и далее блестел на солнце».

(Опыт В. Зайцева.)

К вышеизложенному добавить нечего. Зайцев очень толково использовал арсенал ранее описанных тактических приемов, проявив при этом основные снайперские качества – наблюдательность и невероятное терпение.

Тот же самый поединок в описании свидетелей

«Когда допрос заканчивался, (пленный) немец сказал, что из Берлина прибыл руководитель школы снайперов майор фон Кенингс, в свое время личный телохранитель фюрера. Он будет руководить (фронтowej) школой снайперов. Но главное – он получил особое задание. Уничтожить Зайцева!

– Откуда вы, гауптман, знаете эту фамилию?

– Не только фамилию, но и ваши методы, господин генерал. Вы очень подробно описываете их в своих листовках. Очень ценный опыт, – не без ехидства закончил немец».

Потом, много позже, маршал В.И. Чуйков, вспоминая этот эпизод, напишет: «К этому времени быстро пополняющаяся группа наших снайперов истребила не одну тысячу гитлеровцев. Об этом писали и в газетах, и в листовках. Некоторые из листовок попадали к противнику, и противник изучал приемы наших снайперов, принимая активные меры борьбы с ними. Скажу откровенно, дело прошлое: в тот момент с популяризацией нашего опыта не следовало торопиться. Стоило снять одного-двух вражеских офицеров, как фашисты открывали по месту предполагаемой засады артиллерийский и минометный огонь. Приходилось запасными ходами быстро менять позицию, чтобы выбраться из переплета.

К тому времени, когда в Сталинграде появился майор Кенингс, Зайцев вернулся из госпиталя – его ранил немецкий снайпер, и Василий горел желанием взять реванш.

Казалось, не сыскать стрелка среди многокилометровых развалин, в которых днем и ночью гремели бои, не определить, какая пуля в тебя попала – случайная или выпущенная рукой меткого аса. Но у наших снайперов существовали тысячи им одним известных примет, фактов, наблюдений, позволявших определить район, где мог оказаться фашистский снайпер».

Все это результат тренированной зрительной наблюдательности, нечеловеческого терпения в длительном наблюдении за передним краем противника и сбора тактической развединформации.

«В землянке, где отдыхали или готовились отправиться в поиски наши снайперы, много было переговорено, выдвинуто версий и планов. Какие только приманки не предлагались – от ложного пулеметного гнезда до переодевания в немецкую форму манекена. Но выходы Зайцева на позиции кончались, как всегда, увеличением счета – у него он был далеко за триста, но на след майора напасть не посчастливилось. Тот был дьявольски терпелив и изощренно коварен. Участились случаи гибели офицеров и солдат в самых неожиданных и, казалось бы, целиком безопасных местах. За всем этим чувствовалась опытная рука.

Зайцева теперь не удовлетворяли «обычные» офицеры – он был весь в мыслях о встрече с Кенингсом, в часы отдыха безмолвно лежал на нарах и думал свое.

Фашист наконец оставил «визитную карточку» – разбил оптический прицел у старого друга Зайцева, а чуть позже ранил другого снайпера. Это не могло не насторожить: парни были, что называется, битые, их на мякине не проведешь, и нужно было обладать очень высоким профессиональным мастерством, чтобы перехитрить таких.

Можно было не сомневаться, что немецкий снайпер добровольно не покинет свою позицию, если она не раскрыта: подготовка позиции (засады) требует слишком много труда и изобретательности, чтобы менять ее после каждого выстрела. (Немцы любили комфорт и не любили

менять оборудованные, удобные и надежные позиции; русские расставались с ними без сожаления, не жалея сил и личного времени на скрытое оборудование новых замаскированных позиций – благодаря этому оставались живы, имея тактический выигрыш.)

Ранним утром Зайцев со своим напарником Николаем Куликовым уже пробирался через развалины к тому месту, где ранило снайпера Ш. Залегли, замаскировались и внимательно, методично принялись исследовать передний край немцев. Никаких изменений, способных насторожить. На этом участке было относительно спокойно: и немцы, и наши бойцы прочно занимали дома-крепости, давно пристреляв каждый метр ничейной земли.

Пролежав в неподвижности весь день, так и не обнаружив гитлеровца, Зайцев и Куликов возвращались к себе.

– Ума не приложу, где он может прятаться? Я каждый камешек наизусть знаю, – говорил Куликов.

– А помнишь, когда солнце садилось, над траншеей каска несколько раз показывалась?

– Отчего же, помню. Я еще подумал – выстрелить, что ли.

– И правильно сделал, что не выстрелил. У меня угол выгоднее был, так я заметил – каска-то качалась чуть из стороны в сторону, как если бы ее несли на палке, а уж никак не на голове! Следует присмотреться.

Второй день не принес определенности. Немцы даже стрелять стали меньше, как бы приглашая на этот «мирный» участок.

Вечером Зайцев снова и снова возвращался к тому короткому участку земли, который он знал как свои пять пальцев, но так и не мог найти места, где скрывался враг. Василий видел каждый камень, знал цвет изуродованных стен: слева черные, покрытые густой сажой (видимо, в подвале дома раньше был склад горючего). Справа от засады вздыбился немецкий танк. Отчетливо стояла перед глазами изогнутая линия траншей с дотом в центре. За эти два дня Зайцев испробовал приемы, помогавшие не раз выманить на свет божий немецких снайперов, но берлинский стрелок не клюнул. «Впервые с таким терпеливым сталкиваюсь, – рассуждал Зайцев, – обычно немец на выдержку слаб. На что уж был выдержан тот, который прятался в разбитой ванне, на втором этаже, так держался, что я даже ему посочувствовал за долготерпение. А ведь тоже на третьи сутки сломался – показал свой козырек. И – хана! Не нравится мне этот майор. Может, его и вовсе здесь нет? И сидим мы как дураки?» Эта мысль растревожила, и разочарование готово было овладеть снайпером, разочарование, знакомое любому охотнику, когда желанная дичь выскользнет из-под самого носа. Но Зайцев быстро взял себя в руки. «На дне терпения золото лежит», – говаривал в детстве его отец.

...Сентябрьская ночь – ни зги не видно. Вышли в ночь, чтобы с рассветом сидеть уже в засаде. Подходя к позиции, замедлили шаг – вот теперь уж точно ни звука, ни шороха не должно долетать до врага. Заняли снайперы свои гнезда, политрук замаскировался среди камней неподалеку от Зайцева.

Рассветало долго, с Волги наползал густой туман. Постепенно стал вырисовываться подбитый танк, ДОТ с закрытой заслонкой амбразуры. Потянуло с той стороны дымком – фашистский повар разжигал походную кухню. Испортить бы немцам аппетит парой метких выстрелов, да и они стали хитры, жизнь научила – отводили дымоходы подальше, чтобы невозможно было определить, где укрылась кухня. Зайцев рассматривал передний край через оптический прибор, выискивая малейшие изменения.

– Сейчас я вам покажу, где он, – сказал неожиданно политрук и непроизвольно приподнялся на своем месте. Выстрел прозвучал одновременно с его словами, и Данилов (политрук) осел вниз.

– Ранен легко, доползу сам. А он под листом железа укрылся, – услышал Зайцев голос Данилова.

Зайцев сотни раз скользил взглядом по большому листу железа на груде битых кирпичей на ничейной полосе. Груда как груда. А если к ней ход подвести незаметно? Совсем неплохая позиция.

Зайцев надел на дощечку варежку (ночи стали холодные, и снайперам раньше других выдали шерстяные вязаные варежки, чтоб пальцы не коченели) и слегка высунул над головой. Выстрела не услышал, но почувствовал удар. Опустил варежку – так и есть, дырка. Прикинул по попаданию угол, как ни верти, а только из-под железного листа мог палить враг.

На следующую ночь оборудовали новые позиции и стали дожидаться утра. С первыми лучами солнца возобновились бои в городе, грохот нарастал с каждой минутой.

Куликов сделал для проверки ложный выстрел, «рассекречивая», как и было договорено, позицию. Ждать довелось долго, с утра солнце светило в глаза нашим снайперам, а после обеда – в сторону немца. Зоркий глаз Зайцева уловил едва заметный блик отраженного луча. Кусочек битого стекла или оптический прицел?

Куликов осторожно, исподволь поднимал вверх на палке каску. Со звоном пронзила пуля металл. Куликов на мгновение подпрыгнул и с криком упал.

Гитлеровец высунулся из-за укрытия (уж очень майору Кенингсу хотелось убедиться в бинокль о результатах выстрела, сам небось учил курсантов не делать так), тут-то его и настигла зайцевская пуля. (Трофейный оптический прицел с винтовки Кенингса экспонируется в Центральном музее Вооруженных сил СССР (теперь – России.). Прибор очень точный, большого увеличения – начальник Берлинской школы снайперов действительно был классным стрелком.)

– После того дня снайпер у немцев пошел полохливый, – рассказывал Зайцев. – Точно что-то надорвалось у них, совсем растеряли веру в себя и выдержку. В единоборство редко вступали. Чаще всего на каждый выстрел нашего снайпера вызывали огонь артиллерии и минометов. Лупят, бывало, полчаса по пустому месту, камни летят по сторонам, а снайпера давным-давно след простыл – высматривает фашиста в другом месте».

(М.Г. Вайнруб. «Эти стальные парни».)

«Моя снайперская практика началась состязанием с фашистским снайпером. На третий день я почувствовал, что за мной охотится фашист. Однако обнаружить его не мог. На четвертый день утренней зорькой я пробирався на огневую позицию. Встретил знакомого сержанта-артиллериста. Перекурили. Он мне и говорит:

– Смотри, будь осторожен. У фрицев снайпер появился.

– Вот его-то я ищу.

Я занял ОП и начал наблюдать. Фрицы не появлялись.

Так тянулось довольно долго. Я страшно устал от длительной неподвижности, взял да и сел за березку. Вдруг в ствол березы, за которой сидел, щелкнула пуля, затем другая. «Вот он, фашистский снайпер», – думаю. Два выстрела для меня были неожиданны, но я по ним обнаружил фрица. Тогда взял заготовленное чучело и высунул его из-за березы. Фриц не заставил себя ждать – сделал три выстрела по чучелу и, нужно сказать, довольно удачно: в каске было три пробоины. Эти три выстрела выдали его. Он сидел в кустарнике, метрах в 200 от меня, неплохо замаскировавшись. Видимо, решив, что я убит, он вдруг поднялся и сказал кому-то: «Рус фельт». Тут-то я его и прикончил.

Главную роль в моих успехах сыграла удачно выбранная огневая позиция. Ее я оборудовал на расстоянии 150–180 метров от линии обороны противника, под березой, скошенной пулеметным огнем. Пенек ее был высотой сантиметров в семьдесят. Ветвистая береза упала, но не оторвалась совсем от пня. Образовался шатер. По ночам я березу обкладывал новыми ветками. Это было на опушке нейтральной рощи и настолько близко от фрицев, что они даже и мысли не допускали, что под ней советский снайпер.

Это было первое достоинство моей ОП. Другое ее достоинство заключалось в том, что она позволяла мне производить выстрел, не высовывая конца ствола из листвы. Звук выстрела заглушался листвой березы. Дымок от выстрела тоже расстился под листвой, был почти не заметен. На мою ОП приходили и другие снайперы. Смотрели, как я устроился.

Вот с этой огневой позиции я и крушил фрицев.

На пятый или шестой день, сейчас точно не помню, фрицы напротив моей позиции начали какие-то земляные работы. Это было совсем недалеко от меня, в ложбине. С наших позиций их было не видно, и они, вероятно, знали это. Их было человек десять. Я не открывал огня, так как решил, что раз тут производятся работы, то, наверно, придет офицер. Уничтожить офицера – это была моя затаенная мечта. Но офицер не шел. А тут гитлеровцы решили сделать перекур, воткнули лопаты в землю и стали в тесный круг. Какой снайпер выдержит это искушение?! Я прицелился и ахнул прямо в кучу. Они рассеялись, как испуганные хищники. Трое остались лежать. Трое! Это настоящий снайперский выстрел. Я вначале даже сам себе не поверил. Но все трое лежат, не шевелятся и не стонут. И из разбежавшихся долго никто не поднимался. Наконец, один не выдержал и полез. Уничтожил я и этого. А всего в тот день уничтожил я семь фрицев.

Семь уничтоженных за день немцев – неплохо. Но через несколько дней я уничтожил еще больше. На этот раз я был уже на другой огневой позиции. Эта ОП была хороша тем, что давала возможность просматривать позицию немцев с фланга. Часов в десять утра налево от меня появился здоровенный фриц. Он вылез из траншеи на опушку леса и осторожно пробирался в ложбину. Там он встал во весь рост, постоял немного и пошел обратно. Замполитрука Кузьмин, который был моим напарником, заворчал: «Чего не стрелял? Упустил мировую мишень». Я же раздумывал так: «Раз тут топчется фриц, значит, это неспроста». Правда, когда он убрался обратно, я склонен был уже жалеть – зря упустил. Но все оказалось так, как я предполагал.

Прошло минут 30–40, и фриц появился снова, а за ним еще целых восемь. Стоп, думаю, есть возможность поработать. Все они выбрались в ложбину и, вытянувшись редкой цепочкой, пошли к леску, в котором у них, вероятно, были блиндажи. В это время шла пулеметно-ружейная перестрелка. Учтя это, я решил, что на винтовочный выстрел снайпера никто не обратит внимания и под шумок можно уничтожить не одного. Решил стрелять в последнего. Тщательно прицелился в голову и выстрелил. Один свалился, а остальные продолжали идти. Выстрелил в следующего, который уже был последним. Тот тоже упал. Так за этот день я уложил 8 фашистов.

На моем счету было уже 47 истребленных фашистов. Но был ли среди них хоть один офицер? Этого я точно не знал, а желание уничтожить офицера не покидало меня. Я искал. И вот однажды мне повезло.

В глубине леса стояла избушка. Она была хорошо замаскирована, и подходы к ней скрыты. Я сидел под своей березой, наблюдал. Перестрелки не было. Тишина. Из блиндажа вышел щеголеватый офицер, в новом френче в обтяжку, с погонами и блестящими пуговицами. Был он, видимо, из штаба, щеголял храбростью, из избушки ему что-то закричали, а он презрительно махнул рукой, мол, ерунда. Я тщательно прицелился. «Ну, драгунка, – думаю, – давай ухнем». Расстояние было метров 400. Выстрел был точным. Офицер упал. В избушке опять заорали. Кто-то выскочил, пробежал мимо трупа и встал за деревом. Затем крикнул. Вышли двое с носилками. Тут еще одного удалось отправить на тот свет, в качестве офицерского денщика.

Так я уничтожил офицера. Это уже было точно.

Так я бил немецких захватчиков. А всего истребил их сорок девять».

(Л. Лазутин, 1942 г.)

«26 октября. Прибыли на боевую стажировку в действующую армию. Опытный снайпер Ксенин ознакомил нас с местностью, рассказал о немецкой обороне, научил, как искать и отслеживать врага. Я с большим вниманием слушал рассказ Ксенина.

Сегодня впервые в жизни услышал разрывы вражеских мин, выстрелы противника, жужжание пуль. Страх не чувствовал, ибо хорошо осознавал, что на войне смелому и решительному бойцу враг не страшен. Решил действовать так, чтобы с честью оправдать доверие советского народа, давшего мне в руки грозное боевое оружие.

Вместе с группой снайперов я был в 120 метрах от переднего края немецкой обороны.

27 октября. Назначен в засаду. Выбрав огневую позицию в 150 метрах от немецких блиндажей, я тщательно замаскировался ветками и внимательно стал наблюдать за врагом. Впереди – немецкий ДЗОТ. Гитлеровцы то и дело появляются у своих укреплений. Но я не стрелял. Нужно было внимательно присмотреться к обстановке, чтобы лучше изучить врага.

Через оптический прицел наблюдал за выходом из ДЗОТа. В минуты наибольшей суетни у немецких блиндажей я метким выстрелом снял долговязого фрица. Мой счет открыт!

28 октября. Как и вчера, я вышел «охотиться» на прежнее место. Около двух часов выжидал врага, но его не было. Переползти в другое место было опасно: немцы могли обнаружить меня, ведь я совсем рядом с ними... Терпение – одно из основных условий удачи снайпера, который должен не только метко стрелять, но и уметь выследить, найти врага.

...Наблюдаю за опушкой леса и за входом в немецкий блиндаж. Хотел было отползти назад, но посчастливилось: у опушки леса появились три фрица. Двое из них важно вышагивали с носилками в руках.

«Надо стрелять», – подумал я, но затем быстро отменил свое решение и сделал ориентировочный расчет. С целью лучшего использования второго выстрела я решил вначале бить по немцу, который шел без носилок. И когда фрицы поравнялись с просекой, когда их стало видно в полный рост, я спокойно, не сводя глаза с оптического прицела, нажал на спусковой крючок. Громкое эхо выстрела раздалось по лесу. Увидя замертво свалившегося фрица, два немецких солдата поспешно бросили носилки и залегли.

«Не упущу, – думаю. – Буду ждать».

Пожелтевшая на корню трава колыхнулась – это полз немец. Решил не торопиться с выстрелом: враг подумает, что здесь нет никого, и поднимет голову. Ожидания оправдались. Не замечая меня, немец поднял голову и махнул рукой. Как из норы, вылез и другой. Сгорбившись, они в страхе бросились к лесу. Но не зря выжидал я гадов в течение двух часов. Вновь громкое эхо нарушило тишину, и один из фрицев, взмахнув руками, шлепнулся на землю.

29 октября. Этот день я провел в засаде вместе со старшим лейтенантом Зубковым. Он опытный командир-фронтовик. Хорошо изучил повадки коварного врага, научился, как сам говорит, жить для того, чтобы бить фашистов и без усталости учить этому своих бойцов. Особенно хорошо научил Зубков бойцов маскировке, выбору огневых позиций, постоянному наблюдению. А научить бойца, особенно снайпера, умению ориентироваться на местности, своевременно и быстро обнаруживать все изменения на поле боя – самое важное.

Когда мы подползли к дальнему лесу, старший лейтенант сосредоточенно посмотрел вперед и вполголоса сказал:

– Видишь, впереди траншеи? Примечай все. Вчера их не было, а сегодня появились – немцы заново строят. Здесь надо ждать и ловить врага.

Я замаскировался под цвет местности между двух елок. Лежу и думаю: если враг обнаружит меня, то быстро перейду вправо, в ложину. Густая трава и заранее подготовленный окопчик готовы были скрыть меня от противника. Для того чтобы не уставал глаз, наблюдение веду попеременно: то в оптический прицел, то в полевой бинокль.

Вначале все шло спокойно – никого не было. Затем вблизи ДЗОТа обнаружил черное пятно. Оно не двигалось и едва различалось сквозь кусты. В бинокль мне удалось установить,

что это не что иное, как чучело, выставленное немцами для того, чтобы обнаружить наших снайперов.

Лежу час: выжидаю немца. Не заметив меня, он из-за куста высунул голову. Осмотрелся, а затем вылез и разгуливает по траншее. Но не дошел до ДЗОТа и остановился. Спокойно нажимаю на крючок, и пораженный враг свалился на бруствер.

– Готов! – тихо говорю командиру.

– Молодец. Жди. Сейчас еще выйдет, – говорит Зубков.

В действительности так и вышло. К месту, где я убил фрица, подбежал второй гитлеровец. Это был пятый фашист, записанный на мой боевой счет.

Оставаться на прежнем месте было опасно. Я быстро перескочил в заранее подготовленный окопчик и продолжал следить за немецкими траншеями. Фрицев больше не видел: они попрятались в укрытия.

Вдруг, смотрю, что-то прыгнуло из немецкого ДЗОТа и скрылось в густой траве. Впоследствии оказалось, что это была связная немецкая собака, посланная фашистами из ДЗОТа в траншею. Она, как и фрицы, пугливо ползла на животе. Метким выстрелом я убил и ее.

30 октября. С утра я и командир отделения получили боевой приказ пойти в засаду на малый участок ближнего леса. До вражеских траншей оставались десятки метров. Но нужно было подойти еще ближе. Скрытно подползли по-пластунски, плотно прижимаясь к земле.

Некоторые бойцы думают, что переползать можно и медленно, только чтобы не заметил враг. Это не совсем правильно. Боевая стажировка показала, что в переползании в первую очередь нужны скрытность и быстрота. Они решают успех.

Для того чтобы ползти быстрее, нас, снайперов, здесь научили отталкиваться одновременно левой рукой и правой ногой. При этом опираться надо на ступни ног, а не на колени, как это еще делают многие бойцы».

(А. Брызгалин, 1943 г.)

«Перед каждым снайпером, впервые попавшим в боевую обстановку, невольно встает много вопросов, и прежде всего вопрос, как лучше действовать, с пользой применить свои знания и опыт. Такой вопрос встал и передо мною, когда я первый раз попал на фронт. Одно дело – стрелять в спокойной обстановке на стрельбище и совершенно другое – на передовой линии борьбы с врагом.

Поэтому первым делом я стал внимательно изучать свой участок, систему обороны противника, его повадки. На это ушел целый день. К вечеру у меня уже было полное представление о местности. Я наперечет знал все немецкие блиндажи и их особенности, наметил ориентиры, определил дистанции.

Много помогли своими советами и рассказами старые фронтовики, которые находились на этом участке продолжительное время. Но больше всего, конечно, приходилось собирать сведения самому, наблюдая за местностью с помощью оптических приборов.

Наблюдать надо неустанно. Был со мной такой случай. В бинокль я увидел какое-то черное пятно. Сразу было трудно определить, что это за пятно. Этот участок я взял под тщательное наблюдение. Удалось выяснить, что темное пятно не что иное, как нора – выход из подземного хода, вырытого гитлеровцами. Эта нора стала могилой для многих из них. Очень важно уметь правильно определять дистанции. Как это делал я? Выбирал какой-нибудь предмет и на глаз примерял расстояние от меня, ставил прицел, например прицел «семь». Производил выстрел так, чтобы пуля ударилась рикошетом. Когда она ударится, то по столбу пыли от рикошета можно внести соответствующие поправки – прибавить или убавить прицел.

Таким путем можно определить дистанцию довольно точно, но выстрелами злоупотреблять не следует. Всегда надо помнить, что каждый выстрел демаскирует снайпера, выдает его

гнездо. А немцы, нащупав, где расположился снайпер, стараются всячески уничтожить его, не жалея ни мин, ни патронов.

В связи с этим я бы хотел дать несколько советов, которые могут пригодиться каждому, кто попадет в такую обстановку. Во-первых, никогда не следует много и долго стрелять с одной и той же позиции. Надо всегда иметь запасные гнезда, причем такие, чтобы перемещаться туда можно было незамеченным. Если снайпер попал под минометный огонь, надо не бросаться в панику, а выбирать момент, когда можно перебраться в то место, где разорвалась первая мина, ибо оно уже обычно не подвергается повторному обстрелу.

Каждый снайпер должен знать повадки врага, время, когда гитлеровцы разводят своих часовых, места, где они чаще всего собираются (кухни и т. д.), чтобы быть готовым в любой момент обстрелять эти скопления. Надо всегда помнить, что враг хитер и коварен, пускается на всякие уловки, чтобы обмануть снайпера. Фрицы не раз пытались вводить нас в заблуждение. Они снимали с себя каски, надевали их на палку, штык, малую лопату и высовывали эти чучела из траншей: авось найдется какой-нибудь простак, который ненужным выстрелом обнаружит себя. Но эти уловки врага не помогли ему. Снайперы били только наверняка.

Какое бы ни было затишье на фронте, всегда бывают моменты, когда обе стороны усиливают активность, начинают поиски разведчиков, штурм отдельных огневых точек. Активизация этих действий – самый выгодный момент для работы снайпера. Уж тут не зевай.

Однажды группа наших бойцов предприняла штурм одного дома в населенном пункте. Узнав об этом, я приготовился значительно увеличить свой счет истребленных немцев и занял выгодную огневую позицию. Мои ожидания оправдались. Всполошенные активными действиями наших бойцов, немцы в испуге метались по деревне, забыв о всякой предосторожности. Это был один из самых удачных дней. В течение каких-нибудь 40-45 минут мне удалось истребить 10 фашистов.

Наконец, хочется сказать несколько слов о маскировке. Снайпер должен помнить, что каждое лишнее движение может выдать его. Я убедился в этом на собственном опыте. Как-то вечером я в течение нескольких часов выслеживал врага, но никто не появлялся. Казалось, на стороне противника все вымерло. И вот тут я допустил оплошность. Дело в том, что меня уже давно осаждали комары. Я не выдержал и отмахнулся. Очевидно, это движение заметили немецкие наблюдатели. Немцы начали обстреливать меня из минометов. Я вышел, как говорят, сухим из воды, потому что сразу принял правильное решение: занял то место, где разорвалась мина, с расчетом на то, что враг не будет его обстреливать вторично. И я был прав.

Что же главное в работе снайпера? На этот вопрос можно ответить кратко – выдержка и хладнокровие. Нельзя торопиться, проявлять пустой азарт. Надо уметь ждать. Иногда это ожидание может продолжаться довольно долго. Иной раз видишь, что враг высунулся, но у тебя нет уверенности в том, что его поразишь с первого патрона, значит – не стреляй. Подожди, когда он осмелеет и высунется больше. Чувствуешь, что цель уже достаточно крупна, – бей так, чтобы сразу убить гитлеровца наповал».

(Л. Новопашин, 1942 г.)

«Нам, снайперам, приходилось работать полный световой день. Задолго до наступления рассвета мы были уже на местах – на своих НП. Стоя ли в своей траншее, оборудованной для ведения огня, или лежа, искусно замаскировавшись в укрытии на нейтральной полосе, порой в 40–60 метрах от переднего края фашистов, вели мы ежедневное наблюдение за обороной противника. Знали мы ее по всему участку нашей обороны как свои пять пальцев... Да и как же можно иначе?! Каждое мельчайшее изменение в рельефе местности, в его очертаниях замечалось снайперами мгновенно. Каждая былинка, каждый предмет, попадающие в поле нашего зрения, были изучены нами досконально. И обнаружение чего-то нового, порой совсем незаметного в этом рельефе, настораживало сразу.

Вот там, например, появилась какая-то палка: ни вчера, ни раньше ее тут не было. Что бы это значило?.. Надо подумать. И уже за этим новым предметом ведется неусыпное наблюдение: не вмонтирована ли в нее стереотруба, не скрывается ли за ней фашистский наблюдатель, корректировщик или снайпер?.. И мы редко ошибались. Чаще ошибался тот, кто выставил эту палку: тогда-то он попадался на мушку снайперу и бесславно расставался не только с этой палкой – стереотрубой, но и со своей жизнью. Умели мы отличить и ложную цель от настоящей.

Такая вот ежедневная работа обостряла наше зрение и слух, делала нас ловкими и сильными, учила искусно маскироваться, вовремя разгадывать коварные замыслы врага и, в свою очередь, научила ловко обманывать его самого, ставить ловушки для фашистских наблюдателей и снайперов.

Результаты своих наблюдений мы ежедневно докладывали командованию, и нашими сведениями пользовались так же, как и донесениями разведчиков.

Нет слов, работа снайпера опасная и очень трудная: пролежать сутки без движения, в любую погоду – и в дождь, и в метель, и под лучами палящего солнца – совсем нелегко, особенно если вчера был бой и ты еще не остыл от него, лежишь голодный, невыспавшийся, неотдохнувший. Такое напряжение было под силу не каждому! И все же мы упорно продолжали свое опасное, но благородное дело – уничтожали фашистскую нечисть, не обращая внимания ни на выстрелы автоматов, ни на близкие разрывы мин и снарядов. Без этого мы уже не могли, казалось, прожить и дня.

Снайперы пользовались большой самостоятельностью и свободой в передвижении, могли появляться на любом участке нашей обороны, в пределах своего полка, конечно. И нам всегда были рады, так как знали, что надежней снайперского заслона ничего нет. На этих стрелков можно было положиться! И хозяева обороны, прикомандировав к снайперу своего хорошо знающего участок человека, с удовольствием следили за нашей работой, фиксировали результаты стрельбы, а по вечерам сообщали в штаб: «Снайпер такой-то уничтожил сегодня на моем участке столько-то фашистов». Результат работы всех снайперов в полках к утру собирался в штабе дивизии, а оттуда передавался и выше.

С нами считались, к нашим словам прислушивались, шли нам всегда навстречу в случае необходимости...

Отдыхом для меня лично были вызовы в другие части, в штабы дивизии и армии – на сборы, совещания снайперов или просто для обмена опытом. Правда, задерживаться на таких мероприятиях больше суток-других не приходилось, да и то мы шли на них неохотно – боялись, что за это время что-то может измениться в обороне противника. И если ты, вернувшись, не заметишь этого сразу – можешь схлопотать от снайпера же пулю в лоб. Зато был и другой небезынтересный фактор: мы были уверены в том, что немцы наверняка заметят наше долгое отсутствие. Солдаты их расхолаживаются за это время, у них притупляется бдительность, они начинают ходить по траншеям, распрямив спины, выше положенного подняв свои головы. И, как правило, после долгого отсутствия нашего снайпера на участке он удачливей бьет фашистов в последующие дни...

По ночам нам официально разрешалось отдыхать. Но приходилось ли нам спать так вот, по-человечески: лежа, вытянув ноги, без сапог, раздевшись? Такого не бывало. Прикорнувшись в тесной землянке, сидя прямо на земляном полу и привалившись к стенке, поджав под себя ноги, мы дремали часа два-три – кемарили, как у нас говорили. В наших землянках не было даже нар. Мы могли спать в самых неудобных позах, в самых неподходящих местах, даже стоя. Но никогда – на работе: верная смерть! Я, например, это прекрасно понимал, поэтому и дождался полной победы над врагом.

Снайперское движение родилось у нас в полку. Может быть, поэтому у нас все было примитивно, мы доходили до всего своим умом, своими силами. Так, например, у нас не было специально изготовленных типографским способом индивидуальных снайперских книжек для

ежедневного учета уничтоженных фашистов, как это было позже в других частях Ленинградского фронта. Этот учет у нас и за нас вели штабы. Однако каждый снайпер и сам где-то записывал свои ежедневные результаты стрельбы. Я, например, отмечал количество уничтоженных фашистов в своем комсомольском билете, а потом, как делали летчики, танкисты и артиллеристы, наносил звездочки на ложу своей винтовки. Они были трех размеров, эти звездочки: для сотен – большие, средние – для десятков и маленькие – для единиц. Так, к концу 1942 года у меня на винтовке были нарисованы три большие, две средние и четыре маленькие звездочки. Это обозначало, что я уничтожил 324 фашиста. 302 уничтожил мой друг и постоянный напарник Иван Добрик; на сотни вели счет и другие наши снайперы – Иван Карпов, Загит Рахматуллин, Пугин и многие другие.

Мы никогда не имели при себе, уходя на работу, ни топографической карты участка с обозначением нашей обороны и обороны противника, ни продуктового НЗ – неприкосновенного запаса; не шили нам и специальных маскхалатов, как это делалось в соседних армиях. У нас все было проще, примитивней, «не по-научному», потому что нам не у кого было учиться. Мы начали, не имея ни настоящего опыта, ни уставов. Зато на нашем опыте и наших ошибках другие совершенствовались. Так что получалось там все как-то иначе – организованней, лучше. Даже награждали у нас в дивизии совсем не так, как у других... Мы же считали свой опасный труд обычной работой и не отличали себя от любого рядового бойца. Мы уничтожали фашистов по убеждению, по фронтовому закону «надо» и еще: «Если не ты их, то они тебя», – и не рассчитывали на благодарности и награды. Видимо, так думало и наше командование. Однако было приятно сознавать, что в праздничном приказе от 22 февраля 1942 года по Ленинградскому фронту на первом фронтовом слете снайперов-истребителей из всех частей фронта наибольшее количество награжденных было в нашей дивизии...

Из всех снайперов дивизии вторично был награжден у нас только один человек – снайпер Иван Добрик, получивший орден Ленина, да и то после того, как, уничтожив 302 фашиста, убыл из части в госпиталь с тяжелым ранением в голову в августе 1942 года».

(Е. Николаев, 1942 г.)

«Особенно важно для снайпера непрерывное наблюдение за полем боя и анализ всего замеченного. В этом отношении показательна боевая работа снайпера Кузина.

Командир подразделения поставил ему задачу – выявить в системе обороны врага новые огневые точки. Дневное наблюдение не дало положительных результатов. Но вот однажды ночью, находясь на наблюдательном посту, Кузин заметил огневые точки, где днем их не было. Снайпер решил проверить свое предположение, выставив палочки на бруствере в створе ведущих огонь огневых точек. На следующий день в результате тщательного наблюдения в направлениях, указанных палочками, удалось установить два хорошо замаскированных ДЗОТа. Эта система ночного наблюдения и выявления огневых точек была подхвачена всеми наблюдательными постами.

Командование части высоко оценило работу наблюдателей, оказавших большую помощь при артиллерийской обработке переднего края обороны противника.

Подготовка огневой позиции во многом определяет успех в работе снайпера. В обороне подготовка огневых позиций должна проходить ночью. Местом их может быть траншея, откуда снайпер ведет огонь через щели, вырезанные в бруствере (но не из амбразур ДЗОТа) или перед бруствером. Снайпер должен иметь не менее трех заранее подготовленных огневых позиций и не имеет права производить более двух выстрелов с каждой из них.

В этом отношении характерен пример умелой работы снайпера Титенко, который, пользуясь темнотой и утренним туманом, подготовил четыре огневых позиции в наиболее выгодных местах для ведения огня и наблюдения. Умело меняя их, он в течение дня уничтожил шесть фашистских солдат и офицеров, оставаясь незамеченным.

Выгоднее иметь огневые позиции на местности перед передним краем обороны. При этом всегда надо стараться выдвинуться на высоту, находящуюся в нейтральной зоне. Немцы обычно в таких местах окапываются реже, хуже маскируются, надеясь на естественное укрытие от ружейно-пулеметного огня. Снайперы Губанов и Головлев, определив днем азимут движения, ночью выдвинулись на нейтральную высоту. До утра окопались и тщательно замаскировались. Удачно выбранная огневая позиция обеспечивала широкое поле наблюдения. Немцы, не подозревая столь близкого присутствия снайперов (120 м), ходили открыто, не маскируясь.

За один день Губанов и Головлев уничтожили 16 гитлеровцев... Ночью смельчаки возвратились в подразделение. Вот что значит тщательная маскировка и мастерское ведение огня.

А вот второй случай выдвижения снайперов за передний край. Снайперы Расковалов и Громов ночью выползли из траншеи и приблизились к немецкой обороне на 100 метров. Окопались и замаскировались в высокой траве, стали вести наблюдение при помощи перископа типа «Разведчик». Но как стрелять из такой травы? Расковалов и Громов нашли выход из этого положения. Они предусмотрительно взяли с собой 3-метровую доску и, как только обнаруживали цель, выдвигали доску в этом направлении. Примятая трава образовывала своеобразную амбразуру, удобную для стрельбы. После выстрела доска моментально убиралась, и трава, поднявшись, вновь маскировала снайперскую пару.

На некоторых участках обороны местность невыгодна для выдвижения снайперов за передний край. Тогда целесообразнее заходить к противнику в тыл. Это требует от снайпера особой подготовки, а от организатора – всесторонней разработки организации связи и взаимодействия с обороняющимся подразделением в районе действий.

Вот пример такого боевого использования снайпера: группа в количестве трех человек – Губанова, Быкова и Дмитриева – получила задачу пробраться в тыл врага с удалением от переднего края обороны на 6–8 км и путем устройства засад на тропях и дорогах, соединяющих штабы подразделений и частей, снайперским огнем уничтожать проходящих солдат и офицеров противника, забирать документы, а трупы прятать.

Тщательно подготовившись, подробно изучив маршрут движения путем длительного наблюдения, группа пробралась ночью по азимуту в тыл врага и приступила к боевой работе. Пробыв там двое суток, Губанов, Быков и Дмитриев с ценными разведывательными данными и боевыми успехами вернулись обратно.

Этот факт боевого использования снайперов в войсковом тылу врага в качестве разведчиков в условиях обороны является показательным и заслуживает широкого применения.

Снайпер должен быть хитрым и сообразительным, быстро ориентироваться в создавшейся обстановке и принимать правильное решение. Снайпер Смолов, выдвинувшись далеко за передний край нашей обороны, неожиданно обнаружил в ста метрах от себя двух немцев – одного на дереве с автоматом, а другого под деревом. Боец не растерялся, мгновенно произвел выстрел по автоматчику на дереве, который тут же свалился, а затем убил убежавшего от дерева немецкого солдата. На первый взгляд, казалось бы, снайпер принял не совсем правильное решение, уничтожив сначала автоматчика на дереве, а затем второго под деревом, так как была возможность последнему убежать. Но на самом деле решение снайпера правильное. Свои действия он объясняет следующим образом: «Если бы я сначала убил немца, стоящего под деревом, для выстрела по которому нужно было приподняться, так как мешала трава, тогда сидящий на дереве автоматчик легко мог бы обнаружить и уничтожить меня». Снайпер Мальцев, имеющий на боевом счету 65 убитых гитлеровцев, рассказывает: «Прежде чем открыть огонь, я быстро оцениваю цель и определяю, каким образом можно больше и легче уничтожить противника». Например: по траншее двигается группа немецких солдат. Стреляй по последнему, потому что при метком выстреле убитый валится без крика, и впереди идущие не замечают этого. Солдат вышел из землянки с ведрами за водой, стреляй, когда он пойдет обратно

потому, что с водой он идет медленно и плавно, и его легче поразить. Группа солдат тащит бревно, – стреляй по заднему, потому что упавшего сзади труднее заметить.

Наиболее ответственная роль возлагается на снайперов в период наступления. Снайперы, действуя в передовых отрядах наступающих подразделений, обязаны своим огнем обеспечить продвижение подразделений. Их задача – уничтожить огневые точки врага, мешающие продвижению: пулеметные, минометные и оружейные расчеты, а также снайперов и автоматчиков, засевших в отдельных строениях, в ДЗОТах, на деревьях и т. д.

Вот несколько примеров из боевой деятельности снайперов в период наступления. Снайперы Макаров, Дегтярев и Шигуров, ведя огонь по амбразурам ДЗОТов в период подготовки к атаке и во время атаки, в течение короткого времени уничтожили несколько пулеметных расчетов, обеспечив таким образом атаку с меньшими потерями...

Часто в период наступления снайперам приходится выполнять совершенно новые для них задачи. Так, например, снайперы Хазов, Ломтев меткими выстрелами подорвали по несколько мин, находящихся у проволочного заграждения, в кустах и на деревьях, чем обеспечили продвижение подразделений. Был и такой случай. Батальон, преследуя противника в направлении населенного пункта, был остановлен сильным пулеметным огнем с флангов и огнем автоматчиков с окраины деревни. Снайперам в количестве семи человек под командой сержанта командир батальона поставил задачу – обойти слева населенный пункт кустами и лесом и внезапным огнем с тыла уничтожить автоматчиков противника. Группа снайперов незаметно обошла населенный пункт, ползком добралась до противоположной окраины и внезапным огневым налетом уничтожила нескольких автоматчиков, остальные в панике бежали.

Батальон, подавив фланкирующие огневые точки противника, беспрепятственно продвинулся вперед и занял населенный пункт».

(Д. Соболев, 1943 г.)

«Горя большим желанием помочь нашей Красной Армии в истреблении фашистских гадов, я решила стать снайпером. Командование удовлетворило мою просьбу, и я стала заниматься на сборе снайперов. Занималась с большим желанием, и, когда окончила сбор, меня направили на передний край. Сразу же мы попали в суровую обстановку боя. В первый день пребывания на переднем крае я занималась изучением местности и противника. Стала наблюдать из амбразуры, а рядом приготовила в бруствере запасную точку на случай, если меня обнаружит противник. Так два дня я наблюдала, находясь в 100 метрах от врагов, слышала их разговор, лай собак, пилку дров и игру на гармошке. По появлявшемуся из травы дыму я догадывалась, что там находятся замаскированные фашистские землянки. Но немцы на поверхности не появлялись, прятались.

На третий день я увидела чучело человека вполроста, появившееся вдруг из траншеи у разбитого дома. Я хотела выстрелить. Но воздержалась, так как это чучело неподвижно стояло, наверное, с полчаса и затем исчезло, потом опять появилось и стояло чуть ли не целый день. Немцам не удалось меня обмануть. Я не стреляла, зная, что каждый лишний и ненужный выстрел поможет врагу обнаружить меня.

Четыре дня я продолжала наблюдать за местностью, все тщательнее и тщательнее изучая каждый бугорок, каждое дерево, отдельный дом, траву, и даже наблюдала, как порхают птички.

В 24 часа из траншеи вдруг показался фриц с лопатой в руках. Он мгновенно исчез. Но я не теряла надежды на то, что он вновь появится. Поставила нужный прицел и, затаив дыхание, стала ждать. Каждая минута мне казалась часом.

Я увидела этого же немца, уже спокойно высунувшегося из траншеи. Он посмотрел вокруг и тихо пошел по траншее. Я прицелилась ему в грудь и плавно спустила курок. В этот миг была необыкновенная тишина. Казалось, что и войны нет. Но вдруг на меня обрушился шквал снарядов, мины ложились возле меня, автоматчики застрочили...

Я убила шесть фашистов».

(З. Золотовская, 1943 г.)

«Наш отдельный добровольческий батальон ленинградцев, в котором началась моя боевая биография, всю блокадную пору провоевал в районе Невского пяточка. Плацдарм был небольшим: полтора-два километра по фронту вдоль левого берега Невы и до километра в глубину. Здесь и зародился почин, авторами которого явились лучшие стрелки частей Ленинградского фронта. Случилось так, что я оказался в числе первых, 6 сентября уничтожил двух вражеских мотоциклистов на шоссе Дубровка – Шлиссельбург, а 8 сентября – еще двух гитлеровцев под Невской Дубровкой. Так проходило мое становление как снайпера.

Первым успехом я прежде всего обязан своему оружию. Винтовка для воина – его лучший друг. Отдашь ей заботу и внимание – и она тебя никогда не подведет. Оберегать винтовку, держать ее в чистоте, устранять малейшие неисправности, в меру смазывать, отрегулировать все части, пристрелять – таким должно быть отношение к своему оружию.

При этом нелишним будет знать и то, что, несмотря на стандартность, в принципе одинаковых винтовок нет. Как говорится, у каждой – свой характер. Проявляться этот характер может, например, в степени упругости различных пружин, легкости скольжения затвора, в мягкости или жесткости спуска, в состоянии канала ствола, его изношенности и т. д. Нередко голодный, продрогший от холода, возвращался я с «охоты» и прежде всего принимался за чистку оружия, приводил его в порядок. Это непреложный закон для снайпера.

Меткой стрельбе я обучался еще до войны. На снайперском полигоне стреляли почти ежедневно. На специально оборудованном стрельбище «неожиданно» появлялись на разных дистанциях цели: пулеметы, орудия, танки, бегущая группа противника. Или вдруг появятся рога стереотрубы... Конечно, все это было интересно и довольно правдоподобно. Но во всем этом не было главного – опасности. Той, которая приучает снайпера к бдительности, осмоторительности, хитрости, сноровке, т. е. к тому, что нас постоянно сопровождало на войне.

На фронте все мои первоначальные навыки, полученные в снайперской школе, подверглись строжайшему экзамену. Здесь также мелькали тут и там «фигурки», но для них ты сам был целью. Места для стрельбы надо было искать самому, оборудовать, маскировать. Делать не одну позицию, а несколько. Да еще к тому же знать, какую и когда занять, а какую сразу же после первого выстрела быстро сменить. Приходилось приспосабливаться к стрельбе в самых разных условиях. Допустишь ошибку в выборе позиции – поплатишься жизнью. Выстрел делаешь осмоторительно, иногда волнуешься, может быть, излишне осторожничаешь, а подчас попадаешь в ситуацию, где и спасуешь. Не стесняюсь этого слова, но говорю по опыту: чувство страха можно и надо побороть в себе. Главным, ради чего надо преодолеть свой страх и рисковать даже жизнью, является выполнение боевой задачи. По таким законам на фронте жили разведчики и снайперы.

В боевой обстановке не всегда удавалось совладать со своими чувствами, особенно на первых порах, когда появлялись «непуганые фрицы». Однажды, еще в начале своей «свободной охоты», я увидел в глубине немецкой обороны вражеского офицера, который по тропе направлялся в сторону своего переднего края, т. е. шел в нашу сторону. Боясь упустить противника, я, недолго думая, прильнул к прицелу. Выстрелил и промазал. Фриц поспешно спрыгнул в траншею. В чем же дело? Почему промахнулся? Не совладал с нервами? Поторопился? Да, поспешность подвела, спокойнее надо было.

Спокойствие и хладнокровие бывают нужны в разных обстоятельствах. Как-то раз, после усиленной обработки нашего переднего края гитлеровцами с воздуха, когда нас изрядно заваляло комьями вывороченной земли и засыпало песком траншеи, я с трудом выбрался из-под завала и, стряхнув с себя песок и землю, подхватив винтовку, бегом бросился к берегу.

Первый же выстрел показал, что прицел сбит. Очевидно, все это произошло во время бомбежки, когда контроль над собой и своими поступками несколько утрачивается в ожидании разрыва бомбы. Решил проверить бой винтовки. Попросил соседа по окопу помочь мне в этом. Показал ему на воде у противоположного берега стебель камыша, торчащий из воды. Задача его была простой – определить на глаз величину отклонения моих выстрелов от места выхода камыша из воды. Точно навел прицел в эту точку и выстрелил. Рикошет от пули на воде был хорошо виден. Что-то сантиметров 30–35 левее. Еще раз выстрел – и снова тот же эффект. Прикинул расстояние – порядка 300–350 метров. Поправка ясна – одно деление. Подкрутил маховичок и после контрольного выстрела со спокойной душой занялся обычным делом.

А вот другой пример. Вечерело. Фигурки гитлеровских солдат мелькали где-то вдалеке в тылу. Но глаза искали цель поблизости от берега, где проходил передний край обороны врага. Когда начало смеркаться, я вдруг увидел на тропе двоих солдат. С ведерками, весело болтая, с сигаретами в зубах, почти не таясь, они шли к берегу.

Палец на спусковом крючке – вот-вот должен раздаться выстрел. Но сам себя уговариваю: «Спокойнее, не торопись! Фрицы же идут к воде, значит, будут еще ближе, и выстрел будет точнее!» Чем ближе к берегу, тем ниже они стали пригибаться. У самого спуска к воде, у тропы, они затаились и почти исчезли из моего поля зрения. Через минуту-две, смотрю, выпрыгнули из-за бугра и, перекинув автоматы за спину, бросились друг за другом по спуску вниз. И снова терплю, успокаиваю себя: «Ведь до воды им надо пробежать по песку еще метров десять-пятнадцать!» Подбежали к воде. Сам себе команду: «Пора» – и нажимаю спусковой крючок. Два уничтоженных фашиста – итог сдержанности, спокойствия и хладнокровия.

Бесспорно, правильное положение стрелка при стрельбе – залог успеха. Но это, как говорится, теоретическое, «мирное» положение стрелка. На фронте же, в боевой обстановке, очень редко удавалось устраиваться подобным образом. Разве только в долговременной обороне, при тщательном оборудовании своих позиций. Как правило, в боевой обстановке снайперу приходится стрелять из самых разнообразных положений.

Был у меня такой случай. Шла переправа наших войск. Мне было приказано подавить огонь вражеских пулеметчиков. Первые же выстрелы из ДЗОТа, где я устроился, показали непригодность моей позиции: ограничен обзор, неудобно работать с прицелом... Быстро выбрался – и в траншею. Но, как оказалось, и отсюда вести огонь было не с руки. Выскочил из траншеи, перевалился через бруствер и подался поближе к противнику, к самой кромке берега. Пристроился на какой-то кучке веток в кустарнике. Поначалу вроде бы и понравилось: видно хорошо, самому мягко, прикрыт кустарником. А когда начал ловить пулеметчика в оптику, почувствовал помехи. Не было твердой опоры – локти проваливались между веток, пружинили, расползались.

Наконец, более или менее утвердился и все внимание переключил на выполнение своей задачи. С противоположного берега неслись огненные струи пулеметных очередей. В дополнение к прежним немцы выкатили еще пару пулеметов. Трехъярусный огонь мешал переправе.

По врагу била наша артиллерия, но не приносила вреда пулеметчикам, которые пристроились в береговой насыпи. Неустойчивое положение мешало прицеливанию. Вспомнил невольно школьные годы, когда я однажды на соревнованиях стрелял по мишени «на проходе», т. е. не удерживал мушку под обрезом черного круга, а легкие ее покачивания использовал для стрельбы. Задача состояла в том, чтобы добиться медленного, равномерного покачивания. Палец на спусковом крючке был на критической точке; малейшее нажатие – и выстрел! Все это пронеслось у меня в голове мгновенно. Открыл огонь. Постепенно замолкали пулеметы, и вскоре в моем секторе не было на берегу ни одного пулеметчика – задача была выполнена...

Как-то зимой я оказался в довольно сложной обстановке. Впереди участок местности был завален стволами поваленных взрывами деревьев, ворохами веток. Вести наблюдение лежа, а тем более стрелять было невозможно, а приподнимешься – тут же станешь мишенью для врага.

Пристроился за стволом старой березы. Обзор немного улучшился. И тут главное – плотнее прижиматься к березе, не мельтешить за ней, не высовываться из-за ствола. Когда поддерживаешь атаку подразделения, раза два-три приходится менять свою позицию. И тут не смотришь: лужа или не лужа, коряга не коряга – радуешься любому уголку, любой кочке...

Возможно, вы спросите: как лучше действовать снайперам – вдвоем или в одиночку? Скажу прямо: практика показала, что решение этого вопроса целиком зависит от мастерства и, конечно же, от конкретных условий боя.

Было это в разгар зимы. Недалеко от Ленинграда через Неву проходил железнодорожный мост. Еще осенью при отходе наши войска его подорвали, но две фермы моста, примыкающие к нашему берегу, были целы.

Давно я уже присматривался к мосту, предполагая, что с него хорошо просматривается вражеский берег. Польза двойная: не только хороший наблюдательный пункт, но, должно быть, и отличная снайперская позиция. Правда, если обнаружат, несдобровать!.. Но не только это сдерживало. Как незамеченным, не оставляя следов, пробраться на мост и, главное, как в случае опасности его покинуть? Не могут ли и фрицы со своей стороны взобраться на мост? Нет ли у них там своего наблюдательного пункта?

В один из дней перед рассветом, запасшись всем необходимым для долгого бдения на снегу, я по заранее высмотренному маршруту пополз к железнодорожной насыпи. Выбрав относительно пологий участок, осторожно взобрался на полотно. Полз, присматривая, чтобы не оставлять заметных следов. Иногда приминал слишком приметные места и разравнивал снег за собой. Правда, успокаивала мысль, что чем ближе к мосту, тем насыпь выше и едва ли что просматривается на ней с вражеского берега.

Сделав десяток-другой «гребков» локтями, отдыхал и снова начинал движение. Вот, наконец, и мост.

Теперь максимум осторожности! Где же устроиться? Прежде всего надо добраться до последнего пролета – к ферме, что обвалилась при взрыве. Только там будет что-то видно. Надо было поторапливаться. Начинался рассвет. Внимательно просмотрел покрытие моста: не нарушен ли где-либо снежный покров? Нет ли подозрительных следов? Как будто бы все в порядке. Можно устраиваться...

Вражеский берег просматривался четко. У самой кромки береговой черты были густо набросаны витки спиралей из тонкой проволоки – малозаметные инженерные препятствия. Немного дальше от берега, метрах в 20–25, шел низкий забор из колючей проволоки на маленьких столбиках. Еще дальше – забор из колючки на метровых кольях, увешанный пустыми консервными банками, – своего рода сигнализация. Извилистые траншеи, ходы сообщения, окопы, блиндажи, землянки – все как на ладони. Вот это наблюдательный пункт! И еще я подумал тогда, что возвращаться обратно буду обязательно по старому следу, с предельной внимательностью, особенно у своего переднего края. Но пока моя задача – вести себя тихо, ничем не выдавая.

Взошло солнце, мороз крепчал. Поработал пальцами, чтобы согреться. Около полудня в одном из ходов сообщения заметил троих гитлеровцев. Впереди шел обер-ефрейтор, позади – два солдата с карабинами. Встретить гитлеровцев я решил на одном из поворотов. В этом месте 10–15-метровый отрезок траншеи шел точно в моем направлении и просматривался целиком: каждый в него входящий как бы становился неподвижным в поле зрения прицела.

Первым появился обер. Стоп! Не торопись! Зачем стрелять сейчас? Дай им всем войти и вытянуться цепочкой на виду у тебя! А потом стреляй в первого, затем – в последнего. И средний никуда не денется. Так и сделал...

Минут через пятнадцать на этом же месте были уничтожены двое, потом еще один. А дальше пошло, как по конвейеру. Куда шли фашисты – не знаю, но каждый из проходящих наткнулся на груды тел и тут же сам становился жертвой.

И все было бы хорошо, если бы не иней... Это случилось на третий день моей «охоты» с моста. Тогда, в первый день, я не придавал особого значения тому, что после выстрела с металлических конструкций моста на меня посыпался иней. Его радужная пыльца медленно оседала, искрясь на солнце. Красивое зрелище... Но, видно, успешная «охота» в какой-то мере притупила мою бдительность. А надо было бы сообразить, что гитлеровцы усилят наблюдение, повысят внимание и будут осторожничать. На третий день я успел сделать только единственный выстрел, сразивший фашиста. Буквально через минуту на мост посыпался град снарядов и мин.

Ранним октябрьским утром наши части перешли в наступление и форсировали Неву. Замаскировавшись на берегу среди густой растительности, я вел наблюдение за полем боя и внимательно следил за всеми осложнениями, возникавшими при форсировании. В любой момент готов был прийти на помощь огнем.

Под настилом бывшей лодочной станции я заметил на поверхности воды сильную зыбь, поднятую мощной струей пороховых газов. «Ловко укрылись, – подумал я зло, – самому не достать. Надо сообщить артиллеристам...» Через пару минут от настила остались только щепки. Вспугнутые первыми же разрывами снарядов, оттуда выскочили фашистские пулеметки, но уйти далеко не успели...

В дальнейшем я частенько выбирал свою позицию вблизи артиллерийских КНП. Но фронтовая дружба налаживалась не только с артиллеристами, но и с представителями других воинских специальностей. Особенно крепкие контакты были с разведчиками. Случалось и так, что задания нам давали общие: снайперов включали в состав разведывательных групп...

Я уже упоминал о нашем плацдарме на левом берегу Невы в районе Невской Дубровки. На него возлагались большие надежды нашим командованием. Значение плацдарма понимали и гитлеровцы. В районе переправы река буквально кипела от разрывов снарядов и мин. Ясно было, что огонь корректировался, а следовательно, наблюдатели и корректировщики находились в визуальном контакте с переправой, видели все, что делается на реке и на подступах к ней.

Когда в штабе был поднят вопрос о снижении эффективности огня вражеской артиллерии по переправе и плацдарму в целом, было предложено использовать огонь снайперов. Меня вызвали в штаб армии. Задача была ясна. Ночью в стороне от переправы меня скрытно перебросили на плацдарм. Устроились вместе с одним комбатом в береговой нише. Кругом творилось что-то невероятное. Непрерывный гул, взрывы, трескотня пулеметов и автоматов, разрывы гранат...

Почти два месяца пробыли мы в этом пекле. Перед каждым рассветом я в сопровождении двоих автоматчиков – моих «телохранителей» – подбирался как можно ближе к переднему краю. Долго рассказывать, что я пережил за эти два месяца...

Часто снайперу приходится стрелять по целям, появление которых бывает неожиданным. В этих условиях нет времени на определение расстояний, и потому на наиболее вероятных рубежах и направлениях необходимо заранее выбирать приметные ориентиры. По ним в дальнейшем следует вести отсчет и определять положение целей и расстояние.

Поскольку, как правило, все ориентиры находятся в расположении противника, расстояние в них определяется на глаз, с ошибкой примерно в 5–10 %. Ошибки тем больше, чем пересеченнее местность. Но и на ровной местности они не исключены. Особенно грубые ошибки (с занижением расстояний) бывают тогда, когда противоборствующие стороны разделяет ровная однообразная местность – равнина, пустыня, водная гладь – или когда стрельба ведется в горных ущельях, лощинах. К тому же надо учесть и то, что установочные данные оптического прицела зачастую требуют периодической коррекции. Так возникает необходимость проверки боя винтовки. Но как это сделать в условиях фронта? Ни мишеней, ни стрельбищ, ни выверенных расстояний, а порой и просто отсутствие инструментов. При удобном случае я всегда разыскивал поблизости овражек, отмеривал 100 метров и производил пристрелку винтовки

стандартным способом. Но такие случаи выпадали редко. Надо было искать что-то другое. И это другое нашлось.

Как-то работал я на берегу – уничтожал вражеских пулеметчиков, ведущих огонь у самого уреза воды. Выстрелив, заметил на воде у берега всплеск. Сомнений не было – эти рикошет от моего промаха. Факт этот я запомнил. И вскоре его использовал. Когда вновь заработали пулеметчики, заскрежетали минометы, заухала артиллерия, я решил проверить бой винтовки. В оптический прицел внимательно просмотрел участок водной глади неподалеку от обнаруженных мною у берега следов. Привлек внимание прутик, торчавший из воды. Тщательно прицеливаюсь в точку, где он выходит из воды, и стреляю. Вижу всплеск – рикошет. Его отклонение – ошибка в бое винтовки. Она незначительна, но для уверенности делаю еще один выстрел.

В этот день я так ничего и не дождался. Зато на следующий мой боевой счет вырос еще на две единицы...

Иногда обстановка быстро менялась, цели появлялись на обширном пространстве с разбросом по дальности и быстро исчезали. В таких условиях каждый раз определять расстояния и тем более устанавливать по ним прицел попросту не представлялось возможным. Да и реагировать на такие цели надо было быстрее, иначе цель скроется.

В предвидении такой обстановки, которая, как правило, возникала при атаках противника, я точно (упомянутыми выше методами) пристреливал винтовку на дистанцию 400 метров, запоминал в районе этой дальности какой-либо предметный ориентир на стороне противника и в дальнейшей стрельбе ориентировался по нему. Прикидывал на глаз, насколько цель ближе или дальше этого ориентира, не в метрах, конечно, а в величине «качания» по вертикали точки прицеливания. Для этого, естественно, снайпер, как таблицу умножения, должен знать (а вернее, представлять пространство) траекторию полета пули хотя бы на те же 400 метров, т. е. на дистанцию, на которую винтовка пристреляна была перед боем.

В качестве тактического приема гитлеровцы использовали свои огневые точки по всей линии обороны таким образом, что одни из них работали днем, а другие – по ночам. Выявить точки, работающие в ночное время, труда не составляло – по огненным вспышкам «провешивали» направление на работающий пулемет (устанавливали по паре вешек на бруствере окопа на удалении метр-полтора одна от другой). Днем по этим вешкам после недолгих наблюдений находили замаскированные амбразуры огневых точек и проводили по ним коррекцию оружия способами, о которых рассказывалось выше. Прицелы запоминались и записывались. С наступлением темноты, когда оживали огневые точки, молчавшие днем, снайпер был уже настороже. Взлетит в воздух ракета, зависнет в ночном небе – и в ту же секунду в сторону работающей огневой точки следует выстрел, другой.

Заканчивая свой рассказ о немаловажном для снайпера тактическом приеме – нестандартной пристрелке, – хотелось бы предупредить, что увлекаться ею не следует, а использовать надо в самых неотложных случаях, когда есть необходимость поражения цели с первого выстрела. Желательно эту пристрелку маскировать шумом боя и вести ее с запасных позиций.

В боевой обстановке снайпер может оказаться в самых необычных условиях. Для того чтобы не попасть впросак, необходимо в совершенстве владеть всеми видами оружия и теми качествами, о которых я уже говорил выше. Не меньшее значение имеют хитрость, смекалка, наблюдательность.

Однажды во время единоборства с фашистским снайпером был у меня такой случай.

Взошло солнце. Крепчал мороз. Однообразное лежание стало надоедать. Беспокоила неясность обстановки. Надо было предпринимать что-то. И тут мелькнула мысль: надо обмануть фрица. Нашел сухую ветку и, приладив на нее шапку-ушанку козырьком в сторону противника, просунул ее сквозь прогал в ветвях и медленно стал поднимать. Моя «неосторожность» тотчас же была наказана. Шапка была сбита. По двум дыркам нетрудно было определить

примерное направление пули. Но враг не успокоился: очередная пара пуль впилась в ствол возле меня. Неприятное ощущение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.